

Жекнас
Ладжис

ЧЕШЕЖОПИЦА

Очерки горенных краев

Annotation

Автор — социолог, диссидент, эмигрировавший из СССР, не понаслышке знает уголовный мир Сибири. Его очерки — о занятных и поучительных криминальных историях и судьбах, лагерном быте, порядках и нравах. Книга отличается меткостью психологических наблюдений и беспощадностью социального анализа. Рассчитана на широкий круг читателей.

- [В. А. Майер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛУБИНА ПАДЕНИЯ](#)
 - [КАРУСЕЛЬ МАСТЕЙ](#)
 - [СЕКС-ХРЮША](#)
 - [ВИЗИТ К ШОКОЛАДНИЦЕ](#)
 - [ПОЦЕЛУЙ ЗАПРЕТОК](#)
 - [СОДОМ И ГОМОРРА](#)
 - [СУИЦИД: ПРОТЕСТ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ](#)
 - [ДУША В РАЗВИЛКЕ](#)
 - [ВШИ-АКРОБАТЫ](#)
 - [ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МНОГООЧКОВОСТЬ](#)
 - [СОВЕТЫ СТАРОГО ЗЭКА](#)
 - [РЕСНИЦЫ ДОБРОГО ДРАКОНА](#)
 - [КУКИШ С МАКОМ](#)
 - [ВАРЕНАЯ БЕРЕСТА](#)
 - [ЗАПОМОЕННЫЕ ВОЖДИ](#)
 - [МАГЕРАМСТВО](#)
 - [ПАУК В ПРОМЕЖНОСТЯХ](#)
 - [БУРЯТСКАЯ МОРДА](#)
 - [ВОР КАК ТАКОВОЙ](#)
 - [ПРОДАЖА РАБИНОВИЧЕЙ](#)
 - [ТВЕРДОКОПЧЕННЫЕ МЕНТЫ](#)
 - [МОЗГИ НАБЕКРЕНЬ](#)
 - [ПАУТИННАЯ ВОЛЯ](#)
-

В. А. Майер
ЧЕШЕЖОПИЦА
Очерки тюремных нравов

«Это, знаете, довольно отвратительный рассказ, красиво, хорошо написанный о прогрессе отчеловечивания человека».

Жак Росси, француз. Узник советских лагерей с 1939 по 1961 год. Автор справочника по ГУЛАГу.

Моим друзьям, погибшим в схватке с жизнью

Предисловие

СИМВОЛ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ГЕРБА

У этой книги своя история. Она два раза выходила в Сибири. Стала там бестселлером. Два раза выходила и за границей: в Венгрии и Японии. Теперь выходит в Москве.

С автором ее, Некрасом Рыжим, случай свел меня в редакции газеты «Криминальная хроника». Он и вправду оказался рыжим до огненности. «В миру» зовут его Вячеславом Майером. Он — сибирский немец. В прошлом, да и в настоящем — диссидент. Философ и социолог с университетским образованием. Конечно, он сидел. Три с половиной года. За антисоветскую агитацию. Время в тюрьме и зонах не терял. Уж если бросила жизнь в вертеп, то почему бы этот вертеп не рассмотреть изнутри, с научной точки зрения. Вышел. Написал «Чешежопицу». Научного труда не получилось. И слава Богу. Получилось странное. Необычайно увлекательное. Пугающее. Смешное. Мерзкое. Всякое. Потому как Россия. Потому как тюрьма. Плюс неубывный сибирский колорит.

В общем-то все понятно. В России тюрьма и преступность одни из главных форм существования и общества, и государства. Вот «Чешежопица» (название, может, и неприличное, но невероятно точное) и повествует о том, что нам дано наряду с воздухом, солнцем, лесом, детством, любовью, смертью. Можно сказать и проще: «Чешежопица» — путеводитель по родной стране. Вроде многое о ней знаешь, о чем-то догадываешься, но оказывается: в ней существует немалое число территорий, доселе нам неведомых, а потому неожиданных.

Хотя что значит — неожиданных? Давно мы знаем, что живем в стране, где тюрьма, отринув примитивное свое предназначение, превратилась в символ. Хоть на гербе ее рисуй.

Впрочем, прочтите сами и убедитесь.

Леонид ШАРОВ,

главный редактор газеты «Криминальная хроника».

ГЛУБИНА ПАДЕНИЯ

Сложилось так в жизни, что попадал я в разные экстремальные ситуации.

Стропы подъемного крана, зацепив за фуфайку, подбросили меня в воздух по невнимательности крановщика. Заметили «старика Хоттабыча» с противоположной стройки дома — выбили форточку, так как дело было зимой, и закричали истошно. Внизу на улице уже стояла толпа, ожидая конца трагической развязки. Я не кричал, провисев с четверть часа в воздухе, зная, что еще больше продержусь, так как удачно ухватился, и в этом захвате была опора.

В сплавном завале Братского водохранилища я провалился, но тонул, ощущая, что выживу, потому что видел черное дно и пробивающуюся через воду молочность солнца. Вылезал потом я несколько часов, просовывая голову между сплетениями бревен. Парашют собирал небрежно, зная, что с ним прыгать не буду, но неожиданно приказали подняться в воздух, и, кувыркаясь на тысячеметровой высоте при все же раскрывшемся куполе, освобождая ноги от строп, я не испытывал страха, потому что со мной был запасной парашют.

Возвращаясь домой из школы, мы, пацаны, не любили ходить пешком, да и расстояние было приличное, а незаметно подцеплялись к бортам проезжавших машин. Мне не повезло, и у грузовика, везшего прессованное в тюках сено, развязалась одна из стягивающих веревок, на которой я держался. Она обмотала меня вокруг талии, и машина волоком потащила меня по зимней дороге. Все же я умудрился под себя просунуть портфель и так проехал несколько километров. Заметили со встречной машины, вернулись, догнали, шоферы развязали, матерились, но бить не стали, видно, из-за моего глупо-веселого вида. Они понимали, как и я, что со мной ничего не случилось бы смертельного, так как подо мной была опора — стертый по дороге портфель.

Эти ситуации почти не отложились в моей памяти. Но однажды я проваливался в трясину и не кричал, хотя и шли группой. Ощущал почву под ногами, мягкую, как опухоль. Казалось вот-вот встану основательно. Когда дошло почти до плеч, стал звать на помощь. Чудом вытащили. Никто не смеялся, никто не стал помогать снимать скользкую одежду. Все молчали.

Когда я читаю, что на городской свалке Хабаровска ушел в глубину

водитель бульдозера вместе с машиной, узнаю, что люди исчезают в нефти, смоле, асфальте, зыбучих песках, снегу, меня охватывает страх: под ними не было опоры. Падение тогда падение, когда не видно конца — нет основания, никакой опоры. Тогда пишут: «Пересказывать дальше не решаюсь».

Возрождение гражданского общества и его систем в Советском Союзе возможно при условии измерения глубины, на которую мы опустились. Только это поможет осознать всю трагичность падения. В 20-е годы, а потом в хрущевско-брежневские в СССР издавалось много пособий на темы: как надо работать, как надо участвовать в социалистическом соревновании, проявлять бдительность, ловить шпионов, поступать в техникумы и вузы. Как стать физиком, лириком, хорошим папой и такой же мамой, пропагандистом и агитатором и т.д. и т.п. Однако странно, что не было пособий в литературе (даже самиздата) на животрепещущую для миллионов тему: как вору, бандиту, насильнику, разбойнику, взяточнику стать примерным заключенным страны Советов. Правда, издано много воспоминаний политических заключенных, своих и зарубежных, но это обычно бытовое, фольклорно-мемуарное освещение жизни эков. Политэк в своих описаниях остается, как правило, в стороне от мерзкого уголовного мира. Обычно наш эковский мир ученые мемуаристы сравнивают с описанным Ф. М. Достоевским в «Записках из мертвого дома», А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», доходят до того, что сравнивают ленинградские тюрьмы и зоны с родовым и первобытно-общинным строем (Л. Самойлов. «Этнография лагеря», Советская этнография № 1. 1990, с. 96–108; В. Р. Кабо. «Структура лагеря и архетипы сознания», Советская этнография. № 1. 1990, с. 108–113). Многие пишут и говорят, что воля в стране Советов мало чем отличается от тюрьмы и зоны. А сами, попадая туда, вопят на весь шар Земной: «Спасите меня, помогите!!!»

В период гласности пошла мода меняться делегациями — советские тюремщики желанные гости в западных тюрьмах, западные посещают советские ИТУ. Представим такую ситуацию: страны в знак дружбы и взаимодоверия начали обмен заключенными (политические не в счет — они везде составляют небольшой процент). Исправились бы советские зэки в тюрьмах Америки, Западной Европы, Австралии, а иностранцы, к примеру, американцы, в советских? Вернулись бы наши зэки к себе домой, на волю, в родной СССР, а западные, полюбив лагерную систему страны Советов, стали бы гражданами Советского Союза? Скажем определенно: янки резко сократили бы у себя преступность, если бы их потенциальные

арестанты предвидели отправку в Советский Союз. В Союзе же преступность резко возросла бы и появилась единственно отсутствующая ныне очередь в стране — в тюрьмы и зоны, укоротив очередь к чиновникам ОВИРОВ и западных посольств. Такие дела.

В уголовном мире СССР произошли качественные изменения. Хотя у создателей советской власти лагерная система появилась «в мозгах» задолго до ее воплощения в явь, эту систему они смогли создать, перемолов миллионы, только к концу пятидесятих годов. До этого был заключенный, у которого, даже у последнего мерзавца, сохранялось где-то в подсознании что-то из нравственно-религиозного воспитания: христианского, исламского, буддистского, иудаистского, зороастрийского. Он, зэк, не был еще в полной мере советским: родился в начале века, в 20-х годах при звоне колоколов, при бабушках и дедушках, папах и мамах; он жил в семьях, хозяйствах, дворах, и этого зэка можно сравнивать, даже правомочно, с дореволюционным, «царским» зэком, а также с зарубежным собратом.

В конце пятидесятих годов семья в классическом ее понимании исчезла, бабушки и дедушки присоединились к большинству когда-то живших, унеся с собой христианские понятия о милосердии, о добре и зле, и появился новый, секуляризированный зэк — не понимающий, что такое семья, этакий дебильно-кретинный продукт индустриального ландшафта, мозги которого из головы — вместилища ума, переместились в желудочно-половую и кишечно-трактовую сферы. Этот новый зэк родом из «особой исторической общности» (людей ли?!) и до осужденных, описанных Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, А. И. Солженицыным, Е. Гинзбург, А. Варди, Е. Олицкой, И. Бергером, Г. Гильдебрандтом, Ж. Росси, В. Шаламовым и другими, ему далеко. Он лишен дальнейшего развития, он нечто таксидермированное — чучело человека — чучелизированный человек, сокращенно — чучек. Поэтому его трудно вписать в христианские понятия и гаазовское милосердие-сострадание. Чучеки не способны адаптироваться к нормальным условиям человеческого общежития и желают жить только среди себе подобных. У них возврат-рецидив составляет более 80 процентов. Реадаптировать чучека к человеческому подобию задача неимоверно трудная в условиях, когда административная часть тюрем и зон заполняется тоже, в общем, «зэками», и бывшими афганцами, которые густым потоком вливаются в лагерную систему.

Бывшие зэки, сидевшие в тридцатых, сороковых и пятидесятих годах и попадающие в нынешние условия, приходят в ужас. Е. Долигеев, родившийся в 1915 году в Харбине, отсидевший ГУЛАГ в период 1935–1953 годов, снова осужденный в 1985-м, сказал: «Я счастлив, что мне

оставалось не много жить — это не люди и не звери, одним словом — мразь, которую можно покинуть только со смертью».

В зарубежных странах и дореволюционной России тюрьма, ссылка, поселение были частью жизни, а сейчас сидевшие свою жизнь делят на «до зоны» и после нее. Всем выходящим на волю, независимо от того, сколько человек просидел, нужна реадаптация. Ибо животное и в клетке остается животным, паук — пауком, а человека после зоны человеком называть уже нельзя. Советский уголовник не относится к категории людей, хотя внешне на них похож. Он ближе к трупам и мумиям, но в отличие от них находится в движении, то есть «живет». Живет так, как живут черви и амёбы, поглощая и выбрасывая. Это чучелизированный человек, то бишь выпотрошенный от всего — души, тела, эмоций. Чучек — отражение того общества, которое построили по научным законам материализма марксисты-ленинцы, сталинцы, хрущевцы, брежневцы. Блатные-паханы — точная копия коммунистических вождей, подхват — кодла их ближайшего окружения, понтующиеся (на понтах, на цырлах) — блатные секретари компартий республик, обкомов, крайкомов, горкомов, райкомов: их замы и приспешники из многочисленного управленческого (бюрократического) аппарата. Мужики — тесное единство (нерушимый блок коммунистов и беспартийных) рабочих с трудящимся крестьянством, пахари, вкалывающие, несущие на своих спинах и мозолях слой паханов и других прихлебателей. Черти, педерасты — опущенные на самое дно за грехи, подскользнувшиеся, не включившиеся вовремя в игру паханов и блатных, забывшие кредо жизни — «не суйся, куда не надо». Между ними болтаются масти-прослойки: на воле — инженеры, учителя, ученые, прокуроры, в зоне их называют придурками. Придурок по фене — жаргону, человек (зэк), имеющий образование. К такому уже в карантине подходит зэк, берет за лацканы пиджака (лепня) и говорит: «Ах, придурок, мне бы твое образование, я бы никогда здесь не был. Ты же влетел сюда потому, что хоть и с образованием, но дурак, с придурью». Придурки ради жизни обслуживают блатных и паханов, то есть тех, кто им покровительствует, они также на поводе и у администрации и ментов, всячески стремятся им понравиться. Многим это удается, так как менты сами не в состоянии из-за отсутствия «масла в голове» управлять производственным процессом. Некоторые придурки выжили и в своем, выгодном для них ракурсе-взгляде описали лагерную систему социализма. В зонах они «мылились» библиотекарями — ученый Л. Н. Гумилев на себе проверил разработанную им теорию пассионарности, лишившись зубов в схватке с перегретым этносом. Санитар Варлаам Шаламов так полюбил колымские морозы, что

своего кота, кем-то убитого, долго сохранял в холодильнике. Работники зоноовских детских садиков и поликлиник — Евгения Гинзбург и Екатерина Олицкая вводили эсерокоммунистическое начало в систему воспитания. Ученые и бригадиры шарашек Александр Солженицын, Лев Копелев так отрицали все иностранное, что не пожелали сразу вернуться в родное, дымом пахнущее отечество.

Зэковский мир — слепок с советского в чучелизированном отражении. Некоторые псевдознатоки уголовщины типа ученого-этнографа, расписавшегося под псевдонимом питерца Льва Самойлова, связывают обряд «прописки» в камере с обычаями первобытных племен — папуасов, жителей Амазонки и Огненной Земли. Ха, ха, ха!!! Наша прописка — точная копия «вольной» прописки — московской или благовещенской. Менты бросают в камеру кадра. Надо узнать, кто он и указать ему стойло. Расспрашиваем его, проверяем по своим каналам, тюремным телефонам, ксивам, делаем запросы на волю. Для нас не безразлично, кто он. Может, подсадная утка, может, пидор. В отличие от воли в прописке мы не можем отказать, ведь камера, как и советская граница, на надежном запоре. Но указать можем. Пидору положено сидеть у параша и входной двери под камерной балдохой (лампочкой), черту — с лидерами, мужикам — под паханом и блатными. На воле менты ставят на бланках прибытия и убытия печать, берут заявления от родственников и домовладельцев. Дошли до того, что освободившемуся необходимо взять разрешение на жительство в своей, им заработанной горбом квартире у родителей, жены, взрослых детей!!! В твою отсидку (командировку), жена, ставшая вдруг вольной, с жилплощадью, обзавелась хахалем, а дети женились или замуж повыходили. Что делать? Без их согласия тебя никто не пропишет. Такие правила люди придумать не могли — это козни дьявола. Мы тоже ставим печать — выкалываем татуировки — шифры, только нам известные, выжигаем немецкие знаки — кресты, ордена, «ломаем целки», помоим, но: прописываем.

Наш мир страшен — он не имеет под собой опоры, в нем негде прислониться, пригорюниться, даже пожаловаться. Спим мы закрывшись одеялом с головой, съежившись, поджавшись в утробной позе, стремясь забыться и уйти в грезы. Зэк не знает, что с ним будет через час, день, неделю. Заснешь, а тебя примочат, обоссут, опомоят; выйдешь на работу — подскользнешься под конвейер. Сейчас твой кореш — друг закадычный, через мгновение — враг кровный. Мы, чучеки, обидчивые донельзя, мстительные до крови, мы, как инвалиды, вышвырнутые отовсюду, отрезанные, обломанные. Выйдя на так называемую волю, мы нуждаемся в

длительной реадаптации ко всему, повторяю, ко всему, мы — чучеки, нас надо наполнять человеческим. Рееадаптация к женщине — многие из нас знают ее только по сеансам и пидорному подобию; к родителям, которых мы забыли с тех пор, как не живем интересами семьи; к пище — которой не выдерживают наши баландные желудки, начинаются схватки, запоры, поносы, к тому же у нас нет зубов и мы не жуем, а глотаем проваренное в котлах; к деньгам — мы не знаем, что это такое, как их расходовать; по улицам мы ходим озираясь, как бы кто-нибудь не примочил, как бы камень не упал на голову. Мы наше «чучекское» до конца дней носим с собой и с ним уходим в мир иной.

Этот же мир мы не хотим описывать, редко кто из нас, уголовников, берется за перо. Если и возьмется, то при содействии жен, обстоятельств, славы, в желании досадить ментам. Так барабинский баклан Толя Марченко стал описывать нашу жизнь в трудах: «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все» с помощью им прочитанного В. И. Ленина и жены. Жена была его главной опорой. А зэк, имеющий опору, уже не зэк. Чуть ли не на каждой странице ловила опору в любви к Игорю, видно боясь, что он ее покинет, поэтесса Ирина Ратушинская, описывая свое пребывание в зоне. Она так ничего и не поняла в зэковском мире, назвав книгу «Серый — цвет надежды». Серый никогда не был цветом надежды, он — отражение нор, подвалов, заначек, он — цвет безутешного горя и увядания.

Проторчал я большую и лучшую часть своей жизни в этих отстойниках чучелизированной грязи и понял, что надо блюсти закон, какой бы он ни был, соблюдать его, пусть на животном уровне, лишь бы не «загреметь» в чучеки. Закон, адаптированный к реальности, посредник между Богом и человеком.

Советские чучеки — опасность мировая. Дома они держат страну в страхе более сильном, чем страх перед КГБ и ментами. Попадая за границу, куда их с удовольствием препроваживают органы «для соединения разорванных родственных связей» (прежде всего с зарубежными коллегами), они тесно сплываются и, предавшись ностальгии, начинают, столь жуткие похождения, что обыватели не знают, как спастись от подобного ужаса, какие замки и электронные устройства приобретать. Для чучеков Запад — рай, страха нет никакого, западные тюрьмы для них санатории, дома отдыха с изучением местных языков. Будучи лишены понятий о совести, вине, раскаянии за содеянное, они становятся вождями местных уголовников. Таковы чучеки.

Избежать всеобщей чучелизированности можно двумя путями.

Первый — никому в зону не попадать. Для этого прежде всего нужна исчерпывающая информация во всей ее неприглядной полноте, без утаивания. Правду о жизни зэков должны знать все: бабушки, дедушки, папы и мамы, учителя и воспитатели, чтобы представить наглядно, во что превращаются там их чада и питомцы. Второй путь — по крайней мере, знать, как вести себя в тюрьмах, зонах — в беспределе уголовного мира, ежели уж ступил так или иначе на стезю заключенного. Эту книгу я адресую прежде всего юношам и девушкам, способным по незнанию романтизировать мир запреток и блатхат со всеми их обитателями. Пусть моя книга будет справочником-ориентиром в безбрежной тайге уголовщины, пусть заставит настоящих и будущих мам и пап подумать о своих детях, представить, кем они станут в колючем орнаменте — зонах; смогут ли они там в среде беспредела постоять за себя, защитить свою честь и тело. Честь от оскорблений и кликух, а тело от мацаний, фуфло от чешежопия. Позволю напомнить, что дети — ваше подобие и продолжение вашего рода.

Снижение преступности возможно, если совчеловеку — «совку» вернуть честь, достоинство, интерес к жизни, через Землю, Семью и единый измеритель Труда — рубль. Этот процесс непростой и долгий. Разным ступеням этого процесса должна соответствовать и система наказаний. В тех сообществах, где уровень интеллектуальности высок, система воспитания и труда действенна, где нужно сохранить человеческий генофонд у некоторых народов, преступления являются исключениями из правил жития. Там оправдан лозунг — «Долой смертную казнь!» Общество богато и может хоть всю жизнь содержать садистов, убийц, насильников, воров, их перевоспитывать, обучать, кормить, показывать по телевидению, наблюдая за их нравственным совершенствованием. В других регионах возможно использование накопленного человечеством опыта наказаний — от отрубания рук вора-клептоманам, казней на электростуле, гильотине, публичных порок до общественных порицаний.

В Советском Союзе стоит проблема возрождения Нравственности, Порядочности, Честности, Обязательности — всех тех человеческих качеств, которые были утеряны в процессе коммунистического строительства. Зная уголовную натуру, я уверен, что, сидящие на колу Рашидов, Кунаев, Щелоков, Чурбанов, экстремисты-подстрекатели к погромам армян, евреев, азербайджанцев, русских, турок и прочие вырождающиеся своим наглядным примером способствовали бы более энергичному обновлению общества. В эмирской Бухаре было всего несколько преступников, их содержание почти ничего не стоило, сидели они в

бутылочной камере, в собственном дерьме. Жители об этом знали, ходили смотреть и беседовать с ними, а посему соизмеряли свои поступки с мерой наказания.

Из былых однодворцев, предпринимателей, хозяев, освоивших льды Севера и море тайги, советская система экспроприациями, коллективизацией, ГУЛАГаами, всенародной пьянкой сварганила импотентное население, не желающее заниматься трудом, семьей, воспитанием детей. Она превратила лагерным и конституционным чешежопием мужчин в женщин, а женщин в мужиков — владимирских тяжеловозов, то есть стерла грани между полами, не достигнув превращения деревень в города, рабочих в профессоров, цыган в русских. Стирание продолжается.

В зонах и тюрьмах я видел столь низкое падение человека, когда чучек свое тело (о душе не приходится и говорить) уже не считал своим, а как бы общественным — коммунистическим, для всеобщего пользования. Эти чучеки реагировали только на болевой страх и пищевое раздражение.

Эту книгу для вас, желающих жить, написал зэк, живший по законам воровского мира, спасший десятки корешей, которые однако оплатили ему забвением. Прочтя ее, вы мне скажете спасибо и спасете себя, своих близких, сыновей, дочерей, оградите их от мира чучеков. Поймите, без нового пополнения этот мир захиреет. Я не обладаю учеными степенями и званиями, но я многое перечитал и много передумал. В зоны попадает чтиво как бумага для тарочек-закруток, как задне-обтирочный материал, как макулатура по две копейки за килограмм для библиотеки, как приобретаемое замполитами вроде для зоны, а на самом деле для себя и офицеров. Среди зэков-чучеков много всяких чудаков, которые выписывают журнал «Генетика», надеясь там увидеть голых баб. А на его страницах идут ряды математических выводов и расчетов популяций мушек-дрозофил, и подписчики, разочаровавшись в журнале, приносили его мне для чтива и проглатывания.

Язык книги, словечки вроде «чешежопицы» не посчитайте оскорбительным. Зэковский язык не похабен и не примитивен, он просто другой, чучелизированный, работает в ином пространстве, он экономен, многозначен, он без «заливов». «Чесать жопу» — значит думать. Редко кто, попав в тюрьму, чешет голову, осыпая клочьями перхоти с остриженной головы камеру. Почти все «чешут жопу», ерзая, вскакивая поминутно, ударяясь ей о стены, а то зажмут штанину в кулак и мыслят, мыслят так, что «шифер сыпется». — «Надо было раньше чесать жопу, чтобы не влипнуть» — похлопывает по плечу сокамерник. «Чешежопица» —

состояние вечной растерянности и надорванности во всем существе. И разговор при этом получается сам с собой. В него вплетаются мысли, откровения, прозрения, крики, стоны, любовь. Где-то там, далеко папа, мама, луга, поля, пирожки с ливером, а близко — запах хлорофоса, шубные набрызги стен, преображающиеся в видения, ползущие вши, уколы мандавошек, слякоть мокриц, пачки филок, кровь. «Вся жизнь моя — чешежопица» — вздыхает отпетый человек.

«Чешежопица пошла» — ныне это редкая игра в хорошей воровской хате, когда все сыты, спокойны, есть чифирь, табак, хочется развлечься. Пидоров предостаточно. По уговору пидор надевает на хрящ любви пидора, а блатной по жребью, последнего, им указанного. Весело бывает — пидоры рассыпаются, как доминушки. Устраивают также македонскую игру, по преданию в нее играли воины великого завоевателя Александра Македонского в долгих походах. Пидоров ставят в ряд и их «чешежопят», как в игре «чехарда-езда». Потом говорят: «Была в хате Нафанаила (имя пахана) веселая чешежопица».

«Тебя можно почешежопить?» — вежливое обращение к пидору, который обязан согласиться, на то он и пидор, и сказать: «Приходите в баню и возьмите с собой кусочек сахара. Я его люблю, а также спросите согласие Хохла. Ныне я его пидор, он мой хозяин». Отчешежопить также значит наказать, поймать в укромном месте человека, сломать ему целку и поставить отметку на видное место — набранный иголками похабный, оскорбительный партак. Полагается также распустить молву о том, что такого-то отчешежопили. Это означает, что с этим человеком не стоит иметь дело, что он, короче — предатель и сволочь. Отчешежопленный стремится обычно «сгинуть с глаз долой», раствориться, исчезнуть навсегда. Отчешежопить могут кого угодно, иногда по розыгрышу, отца, мать, бабушку, жену, дочь, сына, зэка.

«Ваше чешежопие» — приветствует пидора или вафлиста вор. Это напоминание пидору, который на воле прикинулся человеком, как бы незнакомым с уголовным миром, то есть, завязавшим фуфло. Явление весьма редкое. Пидор и на воле не должен «высовываться» и помоить своим присутствием рестораны, закусочные, пляжи, а тем паче садиться за стол с ворами. При их виде он обязан предупредить: «Братцы, я запомоен, что дадите со стола возьму, а сам вам предложить не могу».

«Она чешежопится». Многие воровки и бляди уголовного мира на поверку оказываются девственницами. Отметил это, описывая одну из таких, например, Михаил Демин в романе «Блатной» (Нью-Йорк, 1981). Дело в том, что такие особы обязаны отдаться — переспать с уголовником.

Но та, кто хочет «завязать», кто ждет своего суженого, должна об этом сказать: «Передок я сохраняю для мужа, но жопа твоя, бери, пользуйся». Это не считается западло и о таких говорят, что «она чешежопица».

Прошу извинения перед читателями за матовые выражения, попавшие в текст книги, без них невозможно описывать нашу уголовную жизнь. Только хочу сказать, что в моем уголовном сленге их намного меньше, чем в современном московском разговоре.

Итак, прошу пожаловать в уголовный мир страны Советов, в его наиболее насыщенную чучеками часть — Сибирь, пространство от Урала до Чукотки.

КАРУСЕЛЬ МАСТЕЙ

Обратимся к цифрам. Средний срок заключения только по строгому режиму составляет семьдесят семь месяцев, а кроме того есть еще общий, усиленный, тюремный режимы, разные комендатуры и колонии-поселения. Там пребывают с постоянной пропиской миллионы людей. Газеты приводят страшные цифры — с середины шестидесятых до восьмидесятых годов через разные виды осуждения прошло тридцать пять миллионов человек. Многие государства мира не имеют столько жителей и такой территории, которую объемлет лагерная система страны Советов. Довольно часто можно встретить людей, отбывших 45, 30, 20 лет отсидки, а 15, 10, 5 годами в каком-нибудь сибирском поселке никого не удивишь.

Длительная изоляция породила особые формы сексуальных отношений заключенных, ставших гранями разделения по группам и мастям. Разные оттенки гомосексуализма и лесбийской любви стали настолько постоянным явлением, что на них уже администрация зон не обращает внимания. Прибегает в Табулге (Чистоозерный район Новосибирской области) заключенный к С. С. Гриню, прокурору по соблюдению законности в лагерях области и, рыдая, жалуется: «Сергей Самуилович, меня сейчас отъебли хором, сделали педерастом. Что мне делать? Вешаться?» Прокурор спокойно отвечает: «Не переживай. В моих зонах еще не было случаев беременности, и ты не забрюхатишь». Выпускник Рязанской высшей школы милиции, начальник Первой зоны в Курганской области, майор Виктор Федотович Злодеев шутит: «Педерасты в зоне вертятся, как мандавошки на хую, и я не знаю, как их с него согнать». Избавиться действительно невозможно, так как «запомоенные», «зашкваренные», «чесотка» составляют в зонах Урала и Сибири, куда поступает и большая часть эков из Европейской части, до четверти лагерного состава.

Зэки иерархически распадаются на четыре группы по типу карточных мастей. Основой размежевания является способность выжить за счет других. Эта способность формируется еще в семейно-подростковой социализации, она поощряется родителями, которые, выжив в советских условиях, готовят по своему опыту смену. На вершине пирамиды разместились блатные (паханы, бугры, шерсть), окруженные шестерками, своеобразной сменой, которых в Сибири называют «сынками». Ниже по рангу следует масса мужиков («мужики в авторитете», «мужик —

человек») — сильные работяги, могущие постоять за себя, знающие законы и не стремящиеся «мочить рыло», специалисты-придурки, которых изначально поддерживает тюремное и лагерное начальство, а также сильная протекция с воли и блатные. Еще ниже слой чертей — довольно обширная категория убитых тюрьмой уже при жизни чучеков — они плывут по течению обстоятельств, подгоняемые блатными и мужиками. Грязные, вшивые, неряшливые, сломанные навсегда. Много в этом слое больных, умственно неполноценных, загнанных в зоны по облавам-очисткам городов и населенных мест. Они готовы выполнять все по распоряжению как блатных, так и мужиков из-за пайки хлеба, шлюмки баланды, чайной подачки. Ими все брезгуют, отгоняют от себя окриками, пинками, толчками, как навозных мух. Они неприкасаемые, парии, не годящиеся даже на хрящ любви. И все же самая низшая страта — педерасты. Последние делятся на две группы — проткнутые и непроткнутые. Проткнутые — это те, кто стал педерастом по своей воле — сюда включаются гомосексуалисты, а также изнасилованные по статье и проколу-промашке. По законам лагерной жизни подлежат насилию все следующие по статьям 117, 118, 119, 120 УК РСФСР (изнасилования и половые извращения). Прибывшего в камеру с такой статьей расспрашивают и устраивают суд, который организуется паханом хаты и его подручными. Узнают, кого он изнасиловал и когда. Установив, что зэк изнасиловал невинную девушку, честную бабу, его подвергают обряду «запомоивания». Вставляют ложку в зубы и вся камера, кроме чертей и пидоров, проводит половыми органами по его лицу и губам, при этом онанируют в глаза, уши, волосы, шею. Потом следует лотерея — кому рвать фуфло, то есть задницу, на немецкий крест. Иногда этот обряд называют «ломанием целки». Выигравший «счастливчик» насилует. Целку можно продать другому, обменять на какие-нибудь вещи, пачку чая и, что бывает редко, пожалеть педераста. В этом случае он все равно педераст, только непроткнутый. Если камерный суд-разбор установит, что зэк изнасиловал блядь или проститутку, которые на него заявили в милицию, то его обычно не насилуют.

Часто насилуют, чтобы сломить моральный дух человека по указанию администрации. В Новосибирской тюрьме это в практике оперотдела, где кум — майор Евгений Дубровин вызывает блатных и дает им задание: посадить такого-то на хрящ любви. Его переводят на блатхату и там он проигрывает свое фуфло. На сильного зэка накидывают удавку и при потере сознания насилуют.

Бывает и так, попадет юноша в тюрьму сразу из дома, где его любили

родители, кормили нормальной пищей, и сразу на баланду — отварки рыбных костей и прокислую вонючую капусту, на хлеб спецвыпечки, который стряпается из мучной пыли, тяжелый, мокрый как глина. Из него хорошо лепятся вперемешку с табачным пеплом шахматные фигурки, кубики, лото. Парнишка от такой пищи и вида камер впадает в транс. Две-три недели не ест, пьет только воду, говорят, домашними какашками исходит. Его состояние, если он красивый и ладный, примечает блатной с огромным стажем прежней и нынешней отсидки и, заботясь начинает пригревать. Даст карамельку пососать, подбросит порцию сахарку, отобранного у педерастов и чертей, из отоварки зэков вручит кусочек колбасы или ломтик сала. В общем, греет. И не ведает молодняк, что за это рассчитываться надо. Вдруг, в один прекрасный момент «благодетель» говорит: «Плати». Тот с испугу: «Чем?» Можно чаем или филками. А где их взять в камере? Платить надо к оговоренному сроку. В случае просрочки можно и жизнь потерять. Решение зэков-уголовников жестоко. Юноша начинает упрашивать «благодетеля»: «Подожди, помоги выйти из затруднения». Ладно, говорит он, не переживай, подставляй фуфло, никому об этом не скажу. Будешь моим пидором. Становится молодой человек сначала тайным педерастом, а потом переходит в явные, подцепив венерическую болезнь, а то и СПИД.

Непроткнутые педерасты — это те, кто совершил непростительный косяк — промах, например, попросил закурить у пидора, взял у него продукты, жил в углу педерастов и т.д. С момента обнаружения такой человек становится педерастом, будет жить с ними, спать рядом с парашей, жить в казарме в проходах рядом с общим входом, сидеть в столовой за столом педерастов, стоять последним в колонне, выполнять педерастичные работы — убирать туалеты, мыть коридоры, жечь мусор.

Зоны страны находятся в тесной связи между собой и скрыть принадлежность к педерастам невозможно. И, если все же пидор скрыл свое сословие, то, что он «петух», «кочет», «пинч» и пристроился жить к «семье» вместе с блатными и мужиками, а это обнаружили и доказали, то вся семья переходит в группу непроткнутых педерастов. Скрытого пидора не запрещается даже убить.

Часто в лагерных счетах-междоусобицах к семье подсаживают пидора или втихаря заставляют пидора предложить вам закурить или угостить чем-либо. Будьте бдительны и осторожны! В тюремных камерах педерасту не разрешается самому брать у кормушки продукты, а также продуктовую передачу из дома. Он только расписывается за нее. Передачу берут блатные и, бросив на стол, распределяют. За сотни километров сердобольные мамы

привозят продукты, сутками простаивают в приемных тюрьмы, а сын, попав в педерасты, не имеет права даже прикоснуться к изделиям материнских рук.

Очень распространена такая байка. Сидят две мамы-старушки и рассуждают.

— Знаешь, Маша, мой сын прислал из лагеря письмо. Пишет — стал пидором, видно большим начальником.

— А мой, — говорит другая, — сообщает, что живет у параши. Мы со стариком решили и написали ему, что если Параша девушка хорошая, пусть он на ней женится. Мы не против такого брака.

К педерасту любой зэк имеет право подойти и попросить любви, при отказе пидора полагается избить. Педераст — изгой лагерного сообщества: ест из особой меченой посуды, куда в случае необходимости при отсутствии толканов-унитазов блатным не возбраняется оправляться, пищу из миски вылавливают особыми ложками. В Новосибирской области в одной из зон льют из алюминия поилки для птицефермы, «для петухов», бракованные — треснутые, с раковинами поставляют в тюрьмы. Толстостенные, с короткими ручками, они только формой похожи на ложки. Это ложки педерастов. Когда их предложили блатным, они возмутились и выкинули их в мусорные ящики.

Спит пидор у параши, часто положив голову на унитаз. Он не имеет права заходить в камеру за черту блатных и мужиков. Ему не полагается пользоваться кроватями и на них сидеть. Он стирает в камере белье блатных, убирает ее, ловит вшей в одежде блатных. Педераст моет блатных в бане, его разрешается всем мацать, то есть обнимать, держать за половой член, гладить, одаривать ласками. Пидоры в бане собирают грязное белье, складывают обмылки. Вступают в половые отношения с педерастами везде без стыда и совести: в карантине, в бане, загоняют под шконку — тюремный лежак. В промзоне затаскивают и на крыши и там чешешопят.

В камерах Новосибирской тюрьмы педерасты живут только у толкунов-унитазов, их обязанность содержать унитазы в идеальной чистоте, при этом моют их костяшками домино. В обязанность педерастов входит также вытирать задницы блатным, выносить тузики — корзины с мусором. Свою посуду — шлюмки и ложки педерасты ставят также на унитаз. Не дай Бог оказаться посуде педерастов рядом с посудой блатных или мужиков! Последняя тогда помоится, что является непростительным нарушением уголовных правил и виновника-педераста за это избивают до полусмерти. Сдают посуду педерасты тоже отдельно от блатных.

Перед вступлением в половые сношения пидоры пидорам моют фуфло

мылом, особенно ценится уссурийское пахучее мыло, затем промазывают вазелином и вставляют в «копченное солнышко» вату. После акта пидоры вытирают блатному член полотенцем. Поэтому настоящий уголовник никогда не воспользуется тюремным или лагерным полотенцем. Они считаются запомоенными. Блатные и мужики, умываясь, вытираются только марочками — носовыми платками или переданными с воли домашними полотенцами.

Знаменитые педерасты ценятся на вес золота. Их по праздникам одевают в женскую одежду вплоть до бюстгальтера, бреют ноги, половой член особым способом подтягивают к животу, красят щеки, брови, губы. Раз в году — 8-го марта — в Международный женский день устраивают угощение и поздравляют всенародно. Педерастам дают женские имена — Таня, Катя, Валя, а фамилию оставляют мужскую и называют Таня Золотавин, Катя Охохонин, Валя Шадрин.

В Новосибирской тюрьме в камеры смертного коридора педерастов помещают на ночь за деньги. Потом им дают отдохнуть в специальных камерах-обиженках, туда помещаются педерасты и лагерное эковское начальство — козлы. Козлами называются бывшие завхозы, бригадиры (бугры). Козлов нельзя помещать в камерах с простыми зэками, так как их могут там убить или запомоить. В обиженках педерасты отдаются козлам.

По уголовному закону круглым педерастам не возбраняется доносить начальству о положении в камерах. Что с него, педераста, взять — он конченый человек.

Как и все заключенные, педерасты на карточках отмечаются дополнительной шифровкой: «ПП» — педераст пассивный, некоторым блатным ставят «ПА» — педераст активный. С отметкой «ПА» у блатных и мужиков педерастами не считаются.

На все виды верхней одежды — рубашки, пиджаки, фуфайки, зэчки, бушлаты — у сибирских педерастов «ПП» нашиваются синие полосы размером 20×50 миллиметров. Зачумленного педераста, то есть такого, какой уже из-за старости, уродливости и дряхлости не вызывает сексуального интереса, любой зэк может «попросить» убрать за себя помещение, сходить в наряд. Педерасты и черти — постоянный объект потехи и издевательств. В зонах Курганской области устраивают даже соревнования среди педерастов по бегу. В цехе, когда нет начальства, пидоров раздевают, вставляют в задницу ключи, сверла с обратной стороны, протяжки, отвертки и пускают в бег. Победители, те, у кого не выпадает инструмент, кто быстрее прибежит, получают угощение — глоток чая, конфетку, зубок чеснока. Молодежь часто устраивает гонки на чертях и

пидорах — их запрягают в контейнера и ездят по цеху.

Такие же деления по группам сохраняются и у зэчек-женщин: блатнячки-паханы, работячки-лошадки, запомоенные — черти, лесбиянки-ковырялки. Каждый иерархический этаж устойчив и прослеживается даже в прокурорских зонах, куда попадают работники прокуратур, милиции, партийных и советских органов, а также зон и тюрем. При этом сан прокуроров приравнивается к зэкам, осужденным по статьям, связанным с изнасилованием, независимо от того, за что они сели. Их насилюют и помоят за то, что они насиловали других статьями уголовного кодекса. В зонах они живут среди педерастов и чертей. Судьи, чтобы не попасть в педерасты, должны доказать, что они в своей деятельности «помогали» осужденным, снижали срок наказания и противодействовали требованиям прокуроров. Блатными и мужиками в таких зонах являются милиционеры и офицеры зон и тюрем, короче, менты — простые и цветные. Такая зона есть в Иркутске, в Рабочем предместье, есть в Нижнем Тагиле — туда свозят со всего Союза подобных зэков. О себе они говорят: «Мы живем валетом, в мире наизнанку». Попадая повторно за решетку, эта категория уже следует в обычные зоны, где переходит, ежели не примочат, на положение педерастов.

Нет ничего страшнее, чем камеры малолеток — весь юный ум уходит на поиски издевательств и приклеивание мастей. Пахан камеры и его дружки за любой косяк-оплошность наказывают изоощренно и извращенно. Косяком может быть все — неправильный ответ, расспрос, невыполнение обещания, утаивание прошлых, важных с точки зрения уголовного мира моментов своей жизни. В общем, все. Сережу Черепанова наказали, запретив от подъема до отбоя сидеть и прислоняться к чему-либо, даже присаживаться на корточки. Он так простоял полгода. За что? Его мать, не зная законов уголовной жизни, передала ему продуктовую передачу в хлопчатобумажном мешочке, где в орнаменте цветков был красный цвет. «Твоя мать — коммуняга, даже в тюрьму красное передает», — сказал пахан. Передачу отобрали, а ему на совете хаты вменили стоять от подъема до отбоя.

В тюрьмах Омска, Иркутска, Новосибирска часто в камерах выбирают генсека параша — генерального секретаря камерного унитаза. Выбирают не обязательно из чертей и педерастов, часто из мужиков. Генсек параша всецело отвечает за толкан. Генсеков при этом доводят до состояния «шифер сыпется с крыши», до сумасшествия. Каждый идущий на парашу по большой и малой нужде обязан у генсека взять разрешение, то есть спросить по полной форме: «Товарищ генеральный секретарь параша,

можно мне посетить парашу?», Генсек должен ответить полно: «Пожалуйста, посетите мою парашу». Уходя с параша, посетитель спрашивает: «Товарищ генеральный секретарь параша, можно мне покинуть парашу?» Генсек обязан ответить: «Спасибо, пожалуйста, покиньте мою парашу». И так отвечать каждому. Если в камере десять-пятнадцать человек, можно генсеку и поспать ночью пару часиков. А как быть, ежели в камере сто — сто двадцать человек? Вы скажете, что можно и не отвечать. Попробуйте не ответить, за вами следят — в случае уклонения от ответа избивают, душат, помоят. Тяжело таким генсекам.

Клеятся масти навсегда. Куда бы не попал затем зэк, его спрашивают в камерах: «Ты кто?» Обязан ответить: «Я такой-то, сижу по такому-то делу. Взял кассу, мохнатый сейф, (то есть изнасиловал), примочил коммунагу или комсомольца и т.д. Жил всегда мужиком (чертом, круглым педерастом). У меня кликуха Поросячий хвост, масть защекан».

Кликуха не всегда отражает истинное положение человека. Она выбирается тюрьмой. В назначенный день выбора кликухи зэку какой-нибудь блатной подбежит к решке — зарешеченному окну и звонким, пронзительным голосом крикнет: «Тюрьма-роднуха, дай кликуху!!!»

В ответ откуда-нибудь визгливый прокуренный женский голос произнесет: «Соленый клитор». С этого мгновения до конца дней в уголовном мире не будет Семена Иванова, а только Соленый клитор. Забиты тюрьмы и зоны страны Советов «Подмудными гнидами», «Подзалупной перхотью», «Сталиными», «Хрущевыми», «Муссолини», «Махно», «Уксусами» — спектр кликух безграничен. Красавец парень может быть «Сморщенным калом», урод — «Мэрилин Монро», инвалид без ног «Брумелем». С кликухой зэк свыкается и даже на свою фамилию не отвечает, забывает ее.

СЕКС-ХРЮША

Коллективные формы эковского онанизма распространены широко и повсеместно и называются сеансами. Онанируют большинство эков, «восхищаясь» актрисами, телеаэробикой, фильмами, разглядывая журналы, читая сексуальные описания в художественных произведениях. Они устраивают подглядывания за женщинами-вольняшками в туалетах, в школьных классах, забираясь под лестницы, наблюдают за сношениями с педерастами. В Пятой новосибирской зоне, расположенной в густонаселенном районе города, по тайной договоренности с эками за плату женщины и даже девушки в оговоренное время выходят обнаженными на балконы. При помощи особых переносных эркеро-зеркал в зоне ловится их отражение. Женщины при этом, как в половых плясках зулусов и бушменов, совершают сексуально-пригласительные движения, играют с партнершами, вступают в половое общение с любовниками. Такой «балконный стриптиз» смотрят десятки эков, при этом онанируют — «плывут» по зоновской терминологии. Подобный сеанс в летний солнечный день стоит 200–300 рублей, два месячных заработка среднего инженера.

В Новосибирской тюрьме дубачка-надзирательница Оля зарабатывала еще больше. Она показывала свой половой орган в кормушку, когда работала в ночные смены. Паханам разрешалось даже трогать и щупать — при этом с каждого в камере взималась плата в десять рублей. За смену она зарабатывала тысячи и прославилась под кликухой Олечка — Золотые Крайки.

Все советские зоны постоянно пребывают в психозах — ожиданиях амнистий, помилований. И к этому добавляется психоз сексуальности. Ни с того, ни с сего ночью, словно по команде, все спросонья начинают заниматься онанизмом. Двухэтажные койки раскачиваются, скрипят, эки кричат, вскакивают, как ошалелые. Старики говорят: «Был опять заплыв, насмотрелись телевизора». Бывает, в рабочее время начищаются и вот кто-то подбегает с раскрытой ширинкой к пидору и давай обнимать его и онанировать прямо на одежду. Это не считается нарушением кодекса уголовного поведения. Это не запахло.

Так на практике прошедшие сквозь зоны почти все становятся людьми ненормальными, чучеками. Поведение их постепенно трансформируется, упрощается, соответствует стойловому содержанию. Заболевает человек

тюремной шизофренией. Речь избавляется от придаточных и распространенных предложений, слова становятся малоосмысленными. Новый набор слов по фене — языку изобилует шизофреническими окончаниями на «як», «ак» — вторяк, первак, ништяк, долняк, голяк, близняк, коммуняк, блатняк, партак. Распространенный набор слов, заменяющих описание — вкоцан (хорошо одет), бикса (стоящая, симпатичная девушка), гонит (думает о своем деле), крыша поехала, шифер сыпется (человек сходит с ума) и т.д.

Зэк-чучек вступает в половые отношения со всем тем, что движется, течет и изменяется. Насилуют трупы людей и животных; у забредших в зоны собак и кошек выдергивают зубы и приучают сосать и лизать члены, их также насилуют. Подковы лошадей приваривают к сплошному листу железа и весь отряд блаженствует в дикой сексуальной вакханалии. Это знают все, кто хоть раз посетил лагеря по сторонам железной дороги Решеты — Богучаны. Она на сотни километров с обеих сторон стоит в стене лагерей. От лагерных прожекторов там и ночью сплошной день. Используют насекомых — мух, тараканов, шмелей, вшей, клопов, мокриц, муравьев, мошек, червей. Как? На глянцпенис — залупу надевают резиновый манжет и его заполняют водой, на не залитую часть пускают насекомых, которые бегают, кусают, раздражая член до эрекции. На это действие собираются любители посмотреть «летающий секс». Поражаешься знанию энтомологии зэками. Домашние мухи редко используются для такого секса, больше подходят осенние, полевые, которых называют жигалками. Они, в отличие от домашних, кусают так же, как и мошки. У летающих мух, жуков отрывают крылья, чтобы не улетели и были злее. Насилуют птиц, мышей, ящериц и змеек; птиц надевают на хрящ любви, а мышек, ящериц и змей потехи ради вставляют в фуфло пидорам. Очень смешно. Видения Иеронимуса Босха бледнеют перед этой чучекской секс-фантазией. Из мяса, сала, резиновых перчаток изготавливаются женские половые органы. Бандит Виктор Корчагин в зоне поселка Горный организовал массовое производство таких «заменителей» из перчаток, которые поступали на волю и продавались на барахолке Новосибирска под названием «пизды Корчагина».

При всех тюрьмах (СИЗО) и зонах (ИТК) страны имеются подсобные сельскохозяйственные отделения, призванные улучшать питание зэков, а снабжают ментов, их кафе-закусочные в зонах, их родственников и даже знакомых по самым низким ценам. Высшее начальство, конечно, по-коммунистически — бесплатно. В подсобных хозяйствах имеются свинофермы, где свиньи питаются отходами от зэковских столовых. Кричат

прапорщики зэкам: «Быстрее жрите, быстрее!» Куски не успевают заглатывать, уж не до разжевывания, а брать объедки с собой нельзя — нарушение режима. То, что остается на столах, для чушек отличная пища. Розовая мечта зэка попасть на работу в такое хозяйство, там работают только расконвойные. Направляют на расконвой по блату, стукачей и других блатных. Условия там воистину райские — родственники тайно приходят с продуктами и даже с выпивкой, жены посещают и бляди. В общем, рай. Ежели бабы нет, не велика беда, можно и с буренушками и свинушками жрать и спать. Считается в зэковской среде, что переспав с чушкой, избавишься от венерических болезней, полученных от пидоров и блядей. Свиньям такие ухажеры нравятся, они прибавляют в весе и всегда находятся в прекрасном настроении.

Зам. начальника Новосибирской тюрьмы подполковник Ширшин, единственный в Сибири имевший две заграничные машины — «Фольксваген» и «Вольво», создал самое лучшее свиноводческое хозяйство в системе МВД СССР. Там была такая чистота, как в хорошем хирургическом отделении. И зэки на совесть работали. Кому хочется возвращаться в старые камеры, сырые, мрачные. Идиллия. Дежурные счастливчики спали в окружении своих чушек-любовниц. По утрам при проверке Ширшин шутил, пощипывал за щеки зэков: «Сколько палочек бросил Нюрочкам? Вижу, что довольны. Но и Федюшек (кабанчиков) не забываете. Прочищайте им проходы. С хуем ничего не сделается, не сотрется. Доволен, доволен, вишь, как похрюкивают — сплошная музыка и поджарочка растет, что надо». В 1988 году Ширшина посадили за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах. Конечно, под конфискацию ничего не попало — схоронил по родственникам и знакомым.

Любви все возрасты покорны, преград для нее нет и добавим от себя, преступление тут не помеха. Менты также пользуются в своей жизни лагерным элементом. Начальник уголовного розыска Шадринска полковник Галиневич, рослый детина, выпивоха, жена ему попалась никудышная — злая, скандальная.

Прокантовавшись с ней пятнадцать лет, пришлось разбегаться. Пил полковник горькую и распутывал дела. Попала в его поле зрения квартирная кража, воровку тут же выявили и, общаясь с ней, полковник влюбился. Дело прикрыли, воровку отмазали и вскоре они расписались, несмотря на большую разницу в годах.

Ежово взял он ее в свои руки, заставил учиться, и она окончила педагогический институт. По окончании бросил он Шадринск и укатил с

ней работать в зону на станцию Просвет. Жена преподавала в зоне химию, а полковник возглавлял оперчасть. Тандем вольных преподавателей и офицеров — обычное явление в лагерях. Только тут жена — бывшая воровка, общалась с учениками на своем с детства усвоенном блатном языке. В зонах заставляют всех получать полное среднее образование, несмотря на возраст (говорят, правда есть ограничение — сорок лет), нацию, дебильность и профпринадлежность. Один из учеников возьми и скажи преподавателю в утай: «Тебе хорошо, ты с мужиком, а мы живой пизды не видим, помогла б». Она согласилась. Знаю, говорит, вы и так под лестницей торчите, под юбки заглядываете и сеансы устраиваете. Ныне я без трусов буду ходить и останавливаться как бы невзначай. За каждый сеанс 20 рубликов гоните.

Посещаемость занятий превзошла все ожидания Кетовского района, в чем ведении находилась школа зоны. Зэки валили повышать уровень знаний и дрались в казармах за место под лестницей. Такая находчивость преподавателя позволила приобщить широкие массы к всеобщему среднему образованию.

ВИЗИТ К ШОКОЛАДНИЦЕ

Знатного зэка по выходу ожидает встречательная церемония. К воротам зоны прибывают дружки, приносят цивильную одежду, угощают вином, на легковых машинах увозят к шоколадницам. Шоколадница — это блядь из бывших заключенных, знающая толк в уголовном законе и любви. Она в любви вся до такой степени, что на губах выступает как бы помада шоколадного цвета. Есть разные оттенки шоколадного секса. В старых правилах, которые называют Тайшетским кодексом, партнеры не должны были употреблять цивильные слова, говорили только по фене.

Бляди-шоколадницы в мире блатных ценятся особо и составляют замкнутую группу бывших уголовниц, в преклонном возрасте они выполняют роль связных, разъезжая по Союзу с заданиями и поручениями паханов.

К встрече зэка шоколадница усиленно готовится. Делает настой водки на золотом корне, элеутерококке, кедровых орехах, оленьих и моральных рогах, желчи медведя. Запасает чай только «индюшку» — индийский или цейлонский, раньше употребляли китайский. Чай употребляют только иркутской ферментации. Зэки считают себя большими специалистами по чаю и московские, уфимские, зугдидские ферментации отвергают, полагая их второсортными. Угощение мясное, рыбное, в помещении полный интим — уединение. Шоколадница в поведении нейтральна, суждений своих не имеет (оставила их тюрьме) — она дочь уголовного мира и замуж не выходит. Шоколадница расспрашивает, чем думает заняться вышедший на волю, и обязана по его просьбе подыскать невесту, если он думает «завязать» и стать цивильным. К шоколадницам поэтому и обращаются с просьбами о приискании мужа или невесты. Задание серьезное, требования и запросы у зэков самые разнообразные: одному требуется непременно девственница, другому — в возрасте, чтобы могла любить и управлять его «буйным» нравом. Кто-то просит женщину на время, чтобы перекантоваться, осмотреться и дальше пуститься в плавание.

В случае, если зэк не может расходовать деньги, а это так на самом деле — длительная изоляция делает чучека совершенно беспомощным на воле — он оставляет деньги шоколаднице. Часть из них она расходует на свои нужды, другие — на опеку прибывшего. Считается, что опытная шоколадница может сделать зэка импотентом, дав незаметно выпить настойки ковыля, или наоборот возбудить вечную любовь, вложив свои

лобковые волосы в лацкан пиджака или вплета их в ткань белья, носков, рукавиц. В бегах — «путешествиях» по Союзу зэкам запрещается останавливаться у шоколадниц, дабы не навести на них ментов. Если это происходит, она сообщает пахану, и его вмешательство все ставит на место.

Шоколадницы предпочитают жить тихо, незаметно, в отдельных домиках на окраинах, в небольших городках при магистралях — железнодорожных, автомобильных. В Красноярском крае таковые проживают в городах Абазе, Ачинске; в Кемеровской области в Белогорске, Междуреченске; на Алтае в Бийске; в Иркутской области в Слюдянке; в Якутской АССР в Алдане. По незнанию граждане умиляются их благонравным поведением, незаметной, но исправной работой на почте или в больнице. О них рассказывают истории: не живет ни с кем, был человек, ее обманул, обещав жениться, и она теперь мужикам не верит. Бывает находят их мертвыми и ползут слухи — убили, дескать, позарившись на деньги. Менты этими смертями не занимаются, только убирают из картотек бывших уголовниц. Жизнь идет своим чередом, одни поколения шоколадниц воровского мира сменяются другими.

ПОЦЕЛУЙ ЗАПРЕТОК

В центре Иркутска находится глазная клиника, которую жители называют Второвской по фамилии текстильного купца, ее основателя (история его греха и покаяния, рассказанная жителем села Тамарей, что в Боханском районе, прилагается к этой главе). Среди пациентов клиники — люди, ставшие жертвами преступлений — их глаза выжжены кислотой, известью, выколоты. Из последних — большинство мужчины, их изувечили женщины — жены и любовницы в порыве мести и ревности. Симпатичная дама — главный врач клиники резюмирует: «Женщина по природе более жестокое существо нежели мужчина. Зато женская жестокость — с состраданием. У меня тут такие пациенты, которым женщины выжгли глаза, а потом сами их забрали и ухаживают до конца дней. Мы такие ситуации оформляем как несчастный случай. Мужчинам легче не будет, если их жен осудят. Кто тогда будет за ними, слепыми, ухаживать?»

Как все это объяснить? Может быть тем, что женщина чаще соприкасается с состраданием: в менструациях, рождении детей, чаще видит кровь? Эстонские социологи решили выяснить как относятся разведенные мужчины к своим бывшим подругам и бывшие подруги к бывшим мужьям. Большинство мужчин злость долго не таят и по истечении короткого времени доброжелательно отзываються о своих бывших женах; у женщин наоборот — надолго, а то и навсегда сохраняется стойкое недоброжелательное отношение к мужчинам. В уголовном мире известно, что банды, группы, шайки, кодлы, в которых задействованы дамы, отличаются особой изощренностью и коварством. Такие Зойки-Золотые ручки, попадая в женские зоны, превращают их в крошечный ад. Сохраняется все, присущие мужчинам группы экзотов, точнее экзоты: паханы здесь именуются блатнячками, мужики — работнячками, черти — помойницами, педерасты — ковырялками-лизалками. Каждая блатнячка — кобел имеет на подхвате одну или несколько ковырялок, то есть свой гарем, члены которого обслуживают кобла — варят ей чай, стирают белье, достают продукты, улаживают лесбийскую страсть.

Пахан-кобел, окруженный девочками, настоящий вампир — зависимость помойниц и ковырялок от ее прихотей не знает границ — они даже обязаны менструальные выделения вылизывать, пятки чесать, в груди играть и развлекать ее сеансами от журнальных рассматриваний мужчин до

собственного показа. Коблы все время пребывают в ревности и любовных разборках и выдумывают наказания. Одно из самых легких — запрещение говорить с провинившейся ковырялкой и обязанность всеми способами ее ущемлять. Запомоенные ковырялки — ворох лохмотьев, обгаженных, обляпанных. Выход из подобного состояния для падших почти невозможен, так как в женских зонах затруднен переход из-за их разбросанности. Зоновские врачи говорят, что избитого до синевы мужика можно встретить редко, а женщины уродуют женщин до полной синевы, избивая для начала мокрыми полотенцами и валенками, заполненными тяжелыми предметами. Бывает, насильно надевают на голое тело мокрую маломерную рубашку, которая ссыхаясь, со страшной болью корежит грудную клетку. Редко кто из женщин, пройдя зонный ад, может стать женой или матерью.

В стране нет развернутой статистики, но примерно на пятнадцать мужских лагерей приходится один женский. Женщин за жестокие преступления, как правило, не расстреливают — не дают вышак, и у них два режима — общий и строгий. Смешение разных категорий женщин в таких режимах превращает женские зоны в море сплошного беспредела. Правило беспредела везде одно: хочешь жить, умей вертеться. Неволья на всех действует гнетуще, на женщин особенно. Меняется речь, например, коблы говорят по-кобельи; походка становится прыгающей, здесь сказывается одежда: кирзовые сапоги, косынки, халаты, юбки, отсутствие мужского внимания; телосложение становится сельдеподобным, плоским. Резкий визг, ориентация на нарочитую сексуальность и подхватывающее подбострастие — форма поведения многих. Поддержка мероприятий начальства вместе с глупой инициативой выделяют большинство осужденных женщин. Многие тут же начинают «исправляться», исправляя других нескончаемыми поучениями. Доносы цветут и пахнут букетами. Мужские семьи в зоне более или менее постоянны по кругу людей и интересов. Женские же семьи создаются мгновенно и так же быстро разваливаются. Исключение составляют дружные скрутки: кобел — ковырялки, многие из которых продолжают жить вместе и на воле. В женских зонах происходит полное растление женского, как материнского, так и культурного начала, заложенного прошлыми поколениями. Вышедшие на волю женами уже не могут быть, остается дальше идти по пути падения, проституции и наркомании. В Сибири можно увидеть детские тельца, выброшенные в мороженный кал общественных туалетов, в мусорные урны и на свалки. Цинизм по отношению к жизни тут превосходит дьявольские пределы.

Женщины так же, как и мужчины, покрываются татуировками, имея

отличие в преобладании партаков, отмечающих одиночество, потерю детей и сексуальность: на лбу под волосами некоторые выкалывают лозунги типа «Да здравствует горячая ебля», в нижней части живота «Сад коммунизма» и т.д. Давно замечено, что женщины опускаются на дно быстрее, чем мужчины, и крепче привязываются к алкоголизму — «фунфуризму» (питье разных суррогатов в фунфуриках — маленьких пузырьках), к наркотикам (вмазыванию), к «кваканию» (поглощение возбуждающих таблеток).

Никакое описание любви не сравнится с письмами женщин-ковырялок своим друзьям (как мужчинам, так и женщинам). Эти письма зэки берегут, ценят, так как их чтение возбуждает и является хорошим пособием при сеансах. Мат-перемат в женских группах превращается в соревновательное состязание, прицепившись к конвоиру они будут перемалывать его по косточкам и «обливать помоями».

Женские казармы и камеры выглядят в сравнении с мужскими намного грязнее — особенно камеры в тюрьмах, где плач, стоны, крики новорожденных детей, постоянные склоки-драки создают гнетущую атмосферу.

Каждая зэчка знает, что после ее осуждения, она будет, как правило, брошена мужем, и посему стремится обзавестись поклонником из «своих» — зэков, да на всякий случай не одним. Начинается бесконечная переписка, перекидывание ксив в прогулочных двориках, разговоры пустыми кружками по трубному телефону, запуск «коней» через окна и канализацию. Писание превращается в процесс и завязывается «трубная любовь». Старый, прожженный сроками и преступлениями зэк, расписывает свою удаль какой-нибудь молодухе (в переписке все молодые), а старуха-зэчка ловит на крючок молодца. Договариваются о будущей жизни, переписке, явках, связях. В итоге иногда и впрямь создаются на воле семьи по переписке. Они обычно быстро разваливаются из-за конфликтов, ибо большинство прошедших через советские зоны становятся навсегда психонервноподорванными.

Но все же бывает под солнцем планеты и зэковская любовь. Нередко молодой отдает сердце старухе, лишь бы уцепиться за что-то, лишь бы почувствовать дом. Да и вольной жизни советской даже самой «равноправной» женщине нужна мужская поддержка-защита, подмога, без которой в большинстве районов Отечества просто невозможно жить.

Попав в тюрьму, зэчка стремится всеми путями забеременеть или, как говорят в Забайкалье, бугор на пузо поставить. Беременность и дети — важнейший фактор амнистии. Половая связь в тюрьмах и зонах является предметом купли-продажи, то есть, по-марксистски, товаром. В

Новосибирской тюрьме час общения с зэчкой стоит 50–60 рублей. Дубак Сережа по кликухе Афганец продает бикс блатным в свои смены и подешевле — за 30–40 рублей, занимаясь личным подбором пар и завоевывая тем самым в уголовном мире большое, заслуженное уважение. «Ай да молодец, Сережа-Афганец, — рассказывает дважды убийца Саня Бурыкин, пробывший в зонах Сибири и Дальнего Востока 32 года из своих 50 лет и туда же шествующий по новому сроку, — удружил мне молодуху-малолетку. Испугалась меня, всего в шрамах, но потом сговорились. Чудо девочка!»

Зэки завидуют, просят Афганца. Однако Сережа к тому же шутник и большой юморист. Вот отслюнявил ему Витя Устинов (вор, только что из армии, служил в погранвойсках на Уссури) 50 рублей и ждет-переживает. Наконец, щелкают запоры и Афганец выводит Витю. Через несколько минут в коридоре мат. Афганец оправдывается: «Бикс не было, они нарасхват, ты получил остатки, они сладки». Расспрашивают зэки.

— Что случилось, Витек?

— Как что, такой прокол за 50 рублей!

— Что, бабы не было?

— Была, да еще какая.

— Какая?

— Без ног и с одной рукой.

Все покатываются со смеху. Косоглазый Витя потирает лоб.

— Ты ее оприходовал все-таки?

— Конечно, не пропадать же рублям. Она за эти мгновения мне преподнесла. — Показывает сверток чая. — Пронесла в протезах, вот так баба!

— За что сидит, курва, безногая и безрукая?

— Мать прихлопнула. За то, что ее родила, в свет пустила. Ноги и руку она потеряла, будучи под градусами при переходе железнодорожного полотна. Вот выйду на волю, Сережу обязательно отблагодарю. Обманул, стервец-пиздожмот, обещал Нюрку — пальчики оближешь, а подсунул Маньку — развалившийся трактор ЧТЗ. Тебе бы, Обрубок, такую бабу, была бы пара.

Обрубок — человек без ног, сидел уже много раз и ныне шел разматывать новую пятерку. Он — пьяница, работал в сапожной мастерской и, будучи в универсаме, где после работы искал выпить, невзначай, на своем агрегате заехал под юбку одной даме. Она вскочила, взревела, он с испугу, стремясь остановить подшипники, схватился за юбку и ее невзначай сорвал. Дама оголилась — стыд-срам, и все это в дневное время,

на виду у города. Дама была из партийного мира, этого не стерпела, юбку натянула и вызвала милицию. Обрубка забрали и всучили новый срок. Ему Сережа-Афганец секс, как инвалиду труда, устраивает бесплатно.

Менты на этих сделках хорошо зарабатывают, устраивая распродажу эковской любви. Зэк в свою очередь стремится попасть в такую КПЗ, где ему отстегнут бабенку, а зэчки тоже ищут подобной связи. Тысячи детей появляются от подобных утех — детей без отца, без мамы, без места рождения. Их называют «без мамы рос, без папы рос — папирос», то есть, папиросный мальчик, пустой. Эта пустота широким потоком вливается в тело страны и прежде всего в его уголовную часть.

Женские лагеря в прямом смысле — общественные публичные дома развитого донельзя социализма. Селения этого нет на картах Иркутской области, но его знают многие иркутяне — им стращают, ему и радуются. Находится оно недалеке от Качугского тракта в Эхирит-Булагатском районе и называется Базой. В Базое наряду с мужской присутствует женская зона — расконвойные зэчки занимаются сельским хозяйством, пасут стада по берегам Куды, проживая летом в бурятских шестистенных деревянных юртах. Юрты — летние публичные дома. Десятки именитых горожан, прихватив напитков и еды, направляются отдыхать и развлекаться в широкую степь, на свежий воздух. Цена зэчки от пятерки и выше, еду надо взять с собой и не забыть конвойному начальству отвалить десяточку. Уже десятки лет в расположенных рядом бурятских и русских селениях нет танцев, игр и веселья. Парни с раннего детства окунаются в атмосферу сексуальных походов с жаркими зэчками. Там отсутствует онанизм. Там уже давно осуществлен один из идеалов коммунизма — полностью стерлись грани между возрастами.

Подобных мест в стране немало, сюда можно отнести не только женские лагеря, психбольницы, но и целые области типа Ивановской, забитых текстильными предприятиями коммунистического труда. Знакомы ли вы со словом «посопим»? Не в том смысле, что человек тяжело дышит, когда нос у него заложен. «Посопим» — это приглашение даме, с определенной целью сидящей в парках Иваново, Шуи, Судогды. Сопят незнакомые, тут же в кустах, бесплатно. Надо было системе довести людей до такого состояния, когда женщина завидует другой только потому, что у той есть мужик. Не важно какой, но мужик. «Надо же, как везет Ирине, у нее муж и вдобавок вчера вечером ее хором гэдэтушники изнасиловали».

Мужиком в тех безмужних краях наслаждаются, их, безвольных (обычно спившихся) распределяют по графику — в этот месяц мой, в другой — твой, на стыке месяцев перебранка. Приходят и забирают, ежели

сам не идет по графику. Гордо идет женщина по фабрике с фингалом-синяком под глазом, ей не сочувствуют, а завидуют. Как-никак, сразу видно, что баба при мужике, любит ее, коль лупит. Такова психология, что сызмальства девушка готова выскочить замуж за любого — косого, хромого, зэка, терпеть неслыханные, садистские издевательства, мордобой, прижигание пяток папиросами, вымогательство денег, когда у него, милого, каждая копейка пропою служит. Но все же по сравнению с другими счастлива — при ней мужик, у других и такого нет.

Некоторые женщины не только пишут зэкам, но и приезжают к воротам зоны, чтобы взять к себе бесхозного, бездомного. Газетные и журнальные службы знакомств заполнены женскими предложениями и отвечают им в основном зэки с большим сроком отсидки. Но и это хоть отдушина, появившаяся недавно. В массовом потоке отдыхающих бегут женщины принимать кустотерапию в Дома отдыха и санатории, чтобы побыть с мужчиной, а потом рассказать и похвастаться своим подругам. В стране работает мафия по обмену женщин-проституток: завозят смазливых кавказок — азербайджанок, грузинок, армянок в северные широты — Мурманск, Норильск, Надым, где они зарабатывают телом тысячи, а северных красавиц переправляют в Баку, Тбилиси, Ереван, где они обслуживают южную часть Родины. Вот и плывет такая, вся из себя недотрога по Братску, либо Красноярску. Сердобольные вздыхают: надо же, не везет ей, видать, с мужиками, нет поклонников, уж больно привередливая. Знали бы привередливость таких шлюх, не говорили бы, а плевались ежеминутно.

Юная проституция, широко разлитая по побережьям и столичным городам, проходит зэковское перевоспитание в специальной зоне на станции Уй в Нижнеудинском районе Иркутской области. Там поют: «Если хочешь обуглить хуй, поживи на станции Уй». Девочек пытаются перевоспитать в ткачих и швей-мотористок широкого профиля. Результаты депроституциализации нулевые: проститутку перековать — не коня обуздать. Они наоборот приобретают много нового опыта к примеру, как восстанавливать девственность по старинным российским рецептам.

Многие девушки из Центральной России уезжают в Ташкент, Тбилиси, на разные БАМы лишь бы найти мужа. Для многих, особенно текстильщиц, мужчину не только встретить, но и увидеть сложно, работая всю жизнь в трехсменку по скользящему графику. Время для свидания не выберешь, а покинуть производство нельзя — с работы выгонят и общагу потеряешь. Такова женская доля многих в горемычном Нечерноземье России. Стоит родиться и пойдут: ясли, садик — детский коллектив;

начальная и средняя школа — юношеский коллектив; после обучения в коллективе ГПТУ — фабричный коллектив — сплошная жизненная коллективизация. Старость подойдет — пенсионный коллектив. И везде комнаты-общаги, поделенные ситцевыми перегородками. «Феня Богу душу отдала, счастливая, не болела, не мучилась, ее кондрашка сразухватила» — говорят соседки, ожидая приезда людей из морга, которые ее похоронят за счет коллектива. Радуются — одна, что угол более светлый займет, другая — оставшимся скарбом поживится. Жизнь начинается с мата — тюремного, лагерного, — дома матери и ребенка, затем зоны, промзоны и кончается им же, матом зэков, опускающих жмурика в могилу. От мата до мата по дорогам коммунизма жизнь прошла никчемно: без мужа, без детей, без земли, в сплошном обслуживании отчужденных станков и поддержке различных гагановских и виноградовских починов. Душа не светлеет, не приближается к Храму, не возносится к Богу, а чернеет, черствеет. Предупреждаю заранее, увидев такую производственную старушку, будьте осторожны, не приглашайте ее ухаживать за детьми. Может всякое быть. Возьмет, например, — это распространено в районах Владимира, Шуи, Калуги, Орехово-Зуево — и ватку, смоченную спиртом, на темечко младенца положит. Чтобы лучше спал. Позже родители будут в недоумении: дитя недоразвитое и склонно к алкоголизму, любит допивать остатки пива, вина, водки. Осторожен будь с коллективом и продуктами его воспитания!

На воле большинство блатхат содержат бывшие зэчки. Блатхата — сборный пункт зэков, место распределения ворованного, отдыха, обсуждения «производственных» вопросов, поиск напарников для дела, нахождения новых адресов и стоящих «гусей». Блатхаты — мост уголовного мира к барахолкам, ямкам, скупщикам краденого, заказчикам — кого пришить, избавить от ненужного свидетеля, от мужа, от жены, от детей, припугнуть, организовать вымогательство. Хозяйка блатхаты имеет своего хахаля, поддерживает связи с ментами; она знает, что говорить и как себя вести в случае обыска, будучи свидетельницей. Все хозяйки имеют кликухи и часто блатхаты называются их именами, название блатхаты иногда переходит по наследству, там уже и не Дунька живет, а Валька, но все равно блатхата называется «Дунькин пуп». Расскажут вам непременно происхождение этого названия.

Была, говорят, тут рядом тайная тропа спиртоносов на гиллойские желтуги, где работало много пришлого люда, в том числе и китайцев. Отработав лет двадцать, они тайно возвращались домой. Открыто ходить было опасно, их убивали, называя этот промысел охотой на синюю птицу,

потому что китайцы любят синий цвет, считая его небесным. Проходя мимо этого дома, заглядывали в него. Там жила Дунька с ухажером и спиртешко имела. Соскучившиеся по бабе мужики, будь то русские или китайцы, после стопки разведенного спирта приставали к Дуньке. «Дунька, отдайся, озолочу». «Хорошо, отдамся, косоглазенький, но с одним условием, ежели мой пупочек золотым песочком присыпешь». А в пупочек целая кружка золотого песка входила. За большой срок намытая в бесконечной шурфовке, оттаивании грунта в вечной мерзлоте.

Отвлекись, читатель, от текста и представь ситуацию не фантастическую, а действительную: миллионы женщин не имели нормальной половой жизни. Их никто никогда не голубил, даже писаных красавиц, никогда им не дарили цветов, не писали любовных писем, за ними не ухаживали, им не пели серенады. Они жили вне жизни — в системе социалистического производства, там создавая «семейные отношения» с деталями, гайками и болтами, тайно влюбляясь в передовиков и стахановцев.

Вот картинка, списанная с натуры: провожают человека на пенсию, говорят речи, благодарят, а в углу рыдает пожилая дама, льются неутешно слезы. Кто она? — спрашиваем у юбиляра. — Катя, она уже тридцать лет работает на тех же заводах, где и я — в Свердловске, Нижнем Тагиле, Муроме, Владимире. Она живет по общежитиям. — Какой вы жестокий человек, у вас же пятнадцать лет назад умерла жена. Почему вы на ней не женились? — Ей я как муж не нужен, а нужен как миф — так она себе внушила, так и живет без меня со мной. Мне ее очень жалко, я уйду на пенсию. Как ей меня не видеть? Как ей без меня жить?..

Раскрою вам тайный секрет советско-сталинского режима, подтвержденный многочисленными исследованиями женского труда на предприятиях Советского Союза. Самую высокую производительность и эффективность труда дают вдовы, те, у которых погибли или умерли мужья, те, у которых мужья сидят в тюрьмах и вдовы социальные, те, кто из-за сложившихся условий не в состоянии были реализовать себя как жены. Они своих нереализованных мужей, детей отдали на закланье социалистическому производству, которое невозможно без принудительного, рабского труда, будь он женским, детским, эковским.

Зэки на станции Просвет в Курганской области работают на оборудовании Шадринского автоагрегатного завода тридцатых годов выпуска (на станках стоят инвентаризационные номера ШААЗа имени Сталина), зэчки в девятой зоне Новосибирска шьют фуфайки на швейных машинках фирмы Зингер начала нашего века. Как-то я спросил Дмитрия

Георгиевича Большакова, друга Алексея Косыгина (вместе учились в Текстильной академии) и Леонида Ильича (вместе воевали) — бывшего директора Ташкентского меланжевого и Барнаульского камвольно-бумажного комбинатов, заместителя председателя Совета Министров Киргизской ССР и зампреда Владимирского совнархоза, многолетнего депутата Верховного Совета СССР, постоянного осведомителя КГБ: «Скажите, вам не жалко так эксплуатировать женщин, загонять в трехсменку, заставлять спать на трехэтажных койках в общагах и платить им меньше, чем экам? Они все же женщины». Он ответил: «Зря расчувствовался, они все почти воровки. У меня в Ташкенте умудрялись по 20 метров натурального парашютного шелка в половые органы загонять. Жалеть их не надо, а погонять стоит». Результат виден — верховные чучеки так загоняли «прекрасный пол», что он превратился в эковский.

История греха и покаяния купца Второва, рассказанная старожилом села Тамарей в 1957 году.

Из одного илимского села прибыл в Иркутск юноша Второв, где по знакомству смог устроиться извозчиком. Вozил грузы по сибирским трактам — Московскому, Качугскому, Кругобайкальскому. Был немногословен, исполнителен, сдержан в поступках и не предавался порокам. В Иркутске в те дни проводила время веселая жена одного ленского золотопромышленника. Предприниматель постоянно был в тайге, а его молодая супруга тешила себя балами и гуляниями. Однажды ей представился молодой человек с личным посланием от супруга. Муж просил взять в Русско-Азиатском банке крупную сумму денег и передать вручителю. Подделкой здесь не пахло: и почерк сходилcя, и бумага, и форма просьбы, и тайные, только им двоим известные знаки. Необычным было то, что прежде за деньгами приезжали родственники. Жена подумала и решила поехать самолично к мужу с деньгами в сопровождении молодого человека. Ехать надо было до Качуга, а там спуститься сплавом Леной до Киренска, а затем Витимом добраться до приисков мужа. Она попросила найти ей хорошего надежного кучера до Качуга. Ей порекомендовали Второва. В назначенный сентябрьский день утром подкатила пролетка, в нее положили сундук, подушки, спальные вещи, теплую одежду, дорожную провизию. Дама без умолку всю дорогу болтала с молодым человеком, который ей все более и более нравился и располагал к себе.

Так солнечными сентябрьскими днями доехали они до реки Манзурки, впадающей в Лену. Второв держался стороной, в беседах и трапезах участия не принимал, больше занимался лошадьми и обзорением природы. Смеющаяся пара подошла к реке. Вздрогнул неожиданно Второв, услышав

крик. Молодой человек схватил даму и поволок ее к реке. Дама, как и положено сибирячкам, оказалась неподатливой. Она отчаянно сопротивлялась, и силы были равные. «Второв, помоги, разделим пополам», — прокричал насильник. Не спеша подошел Второв к барахтающимся на берегу и, схватив обоих, сунул их в воду. Затем оттащил трупы в заводь и завалил корягами. «Хорошая подкормка будет для налимов», — пробурчал он. Заехал потом в Качуг, а оттуда потихоньку вернулся домой и доложил хозяину, что урок выполнил — отвез господ до Лены-реки.

Через некоторое время пошел слух о бегстве жены промышленника через Китай в Европу с молодым поклонником. О Второве в этом деле даже не вспоминали, на тракте его многие видели и был он вне подозрений. Еще несколько лет занимался Второв извозом, затем попросил взаймы у хозяина денег, купил себе лошадей и открыл дело. Занимался извозом на Север, скупал у монголов верблюдов, присоединился в Троицкосавске к китайской торговле текстилем. Стал известным купцом. Магазинов понастроил по всей Сибири, все они красным кирпичом выложены под расшивку швов — в Томске, Каинске, Минусинске, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Верхнеудинске, Благовещенске. Их и ныне называют второвскими и вспоминают, как, войдя туда в костюме из воздуха, выходили господами. Все у Второва было: здоровье, деньги, красивая жена, только не было детей. Он считал это наказанием за «манзурский грех» и, умирая, завещал — треть капитала оставить жене, треть отпустить на строительство православных храмов, а оставшуюся треть употребить на возведение приютов и больниц для страждующих недугами и детей. Эти больницы и ныне называют второвскими.

СОДОМ И ГОМОРРА

По-зэковски насильников называют потрошителями мохнатых сейфов. Это многочисленная часть зон, охватывающая все возрасты и группы населения. Смотришь на потрошителя и не можешь понять, как это такой, вроде милый человек и насильник. Совсем загадка для страны, где женщина для блатного стоит меньше бутылки бормотухи.

Насильники говорить о бабах не любят, превращаясь постепенно в лютых женоненавистников. Многие не виноваты, все произошло без умысла, часто по прокладке — подстройке дела. Конечно, есть мастера высшего пилотажа во взломном деле, но залетевшие случайно, ибо до этого их похождения насчитывали сотни совращений и целколоманий. Эти в каждой новой жертве находят свой смак, свежесть тела и трепет удушения.

Преступный секс, как весеннее половодье, разлит по Отечеству, заполняя наиболее глубокие впадины — такси, гостиницы, Дома отдыха, тайные и явные притоны. В московских такси «сосалка», «мальчик-пидорчик» стоит по дешевке от пятерочки и выше, правда, надо еще такую же сумму «за поиск» передать водителю. В гостиницах все зависит как от их класса, так и от масти проституток; в Домах отдыха и на побережьях, разумеется теплых, товар сходит почти за бесценок.

«Дядя Омар, подвези, покатай!» — кричит толпа малолеток у парка имени Кирова в Новосибирске. «Детки-сеголетки, занят, завтра утречком, при хорошей погоде покатаю, ждите» — машет рукой сбитый смугляк. Слышавший такой милый разговор и не подумает, что дети просят таксиста Омара взять их с собой, напоить вином и ублажить дядюшку, все его разносторонние похоти и желания. Утром подкатывает «Волга» и из группы, ее ждущей, Омар острым взглядом выбирает аппетитных мальчиков и смачных девчонок. Он размещает их по сиденьям и катит на берега Ини-реки, выбирает цветистый лужок с бархатной лиственной подстилкой. Машина загоняется в кусты и из багажника достается вино, закусь, стелется скатерть и приступают к действию. Детям нравится, захмелели, говорят: «Больно, дядюшка Омар, не надо так».

Летит по городским трассам машина дяди Омара; дети, как обычно, проснутся, попьют водички из ключика и на электричку, по домам. Каждому по рублику ссужает добрый дядюшка Омар. Родители дома на отсутствие детей и внимания не обратят, а они довольны-предовольны, славно поиграли-развлеклись с другом пионерского детства Омаром.

Думают, может снова его поймают, уговорят и утром быстро на перекресток улиц Котовского и Станиславского бегут: «Дядя Омар, покатай, но не бери с собой Лешку Гребешка. Он пидор, триперный, грязный, заразный».

Алексей Гребенников стоит в нише здания, тут же невдалеке. Лешка — круглый педераст и семья у него вся «педерастичная». Папу он не помнит, так как тот в вечной командировке, говорят, он тоже пидор, мама блядь-проститома, проститутка по-местному. Она сейчас шныряет у завода имени Кузьмина, надеясь, что ее подберет какой-нибудь металлург с ночной смены, опохмелит и отдерет по обычаю натошак. В семье, если ее еще таким именем можно назвать, перманентный конфликт — неутихающая борьба. Мать с сыном проживает на бойком месте по улице Котовского в пятиэтажном бараке — рядом заводы, магазины, Ленинский рынок. И районное отделение милиции тоже рядом. Но ими не интересуются, так как менты подбирают разную спокойную шваль. Приведет мама ухажера, сын отбивает: он беленький, смазливый, податливый. Лешка подцепит гуся — клиента, мама нагло из постели тащит в свою, обзывая сына педерастом. Лешка, как и мама (наверняка и папа) отдается за все, что течет и пахнет, деньги им перепадают редко, чаще предлагают выпивон — на двоих-троих. Мама опекает Ленинский рынок — там сшибает продукты и клиентов, Лешка специализируется по магазинам. Он отдается за все — баночку минтая, пачку папирос, печенья, булку хлеба, сайку. Очень любит конфеты любые и вино любое. От вина наступает балдение, которое прошибает до пяткок. Его оприходуют, то есть дерут и вафлюют, тут же в кустах парка имени Сергея Мироновича. Опытные гомосеки выпить дадут и тут же оприходуют, они конфетами не угощают, так как считают, что сахар фуфло клеит.

«Дядя Омар, не катай Лешку, он пидор, берет вафли у собак и кошек» — кричит ватага детей.

Омар удивлен, останавливается около Лешки, просит разъяснить и тот сбивчиво говорит: «Взяли меня, затащили вон в тот деревянный кинотеатр, а там надрочили пса и меня заставили брать вафли. Дядя Омар, мне было больно, меня избили. Нет, у котов вафли, дядя Омар, я еще не брал, они царапаются». Омар матерится: «Сволочи, так поступают с детьми! Ладно, Лешка, не переживай, не то бывает в жизни. Я их поймаю и хуи на баранку наверхчу. Так изголяться над ребенком! Лешка, сегодня взять тебя не могу — план еще не выполнил, гнать его надо. Вот в пятницу у меня ночная смена, возьму тебя на всю ночь. Жди. Будешь сшибать гусей в Толмачево. Навафлюешься вдосталь». — «Дядя Омар, голова болит, трещит, дай

опохмелочки или рублик». — «Денег у меня еще нет, рублики на размен нужны. Вот возьми фунфурик», — подает наполовину заполненный флакон «шипра». Он им протирает в начале работы рулевое колесо и обрызгивает сиденья, так как ими пользуются разные твари. Гигиена необходима. — «Только разведи водой наполовину. Будет сначала белым. Пей, моментом снимет головную боль». — Трогается дядя Омар, план торопит.

Дядя Омар мечтает открыть кооператив с притоном. Конечно, подошла бы Лешкина квартира, но мать больно спившаяся, ненадежная, с ней договариваться без толку и ее никакими средствами в порядок не приведешь, да и отпугнет всех. Он уже нашел квартиру в пригороде, в поселке Криводановка — там есть ресторан и недалеко расположен аэропорт Толмачево. Лешка впишется в одну из вечных потребностей трудящихся масс.

Вскоре судьба распорядилась — лешкина мамаша загромыкала, что-то утянув на Ленинском рынке из магазина. Ее забрали и вклеили срок. Лешка недолго педерастил и вафлевал в одиночку — с одним малышом залез в лабораторию, что в их доме. Там на окне неожиданно стали ставить бутылку со спиртом. Лешка мог прочесть, унюхал, выпил маленько, его взяли и уже в тюрьме он «отпраздновал» совершеннолетие. Ныне он круглый тюремный педераст. Куда ему возвращаться после отсидки? Домой, назад в квартиру? Жилье тут же отбирают — описали в распоряжение Ленинского райисполкома. Поговаривают, что это дело специально подстроили: стали ставить на подоконнике спирт. Сгинул Леша Гребешок, пропал. Кто о нем вспомнит, о круглом педерасте, который, как говорят, фуфло вешал на любой куст?

Омар в зоне идет по четвертой ходке — первые были воровские и бандитские — съём чемоданов и мордобития по всему советскому Черноморью с Азовским впридачу. Последняя ходка поганая — изнасилование. Не ожидал, что подлетит на такой шлюхе, и не влетел бы, да брат двоюродный с перепугу оговорил. Выйдет из зоны Омар и его непременно примочит, решил твердо. Брат имел блядь, та прихватила соседскую девчонку на обской пляж, где их и встретил Омар, пришедший отдохнуть и поглазеть на мяско, солнцем поджариваемое. Базар за базаром, договорились податься в Затон, там выпить, закусить, вспомнить родную Абхазию. Девушка тоже пошла, хотя ее и не приглашали особо, так как одной бы хватило на братьев. Но вино все смешало, девчонку подпоили и Омар ловко увлек ее в постель. Она царапалась, кричала, звала, но бесполезно. Омар овладел сейфом и вскрикнул от удивления, выбежал в горницу с окровавленным джамбулатом: «Смотри браток, полюбуйся,

ломанул, не представляешь, целка была!!»

Так бы это дело прошло и исчезло, как миллион подобных, но мать девчонки оказалась женщиной, хоть и одинокой, но строгих правил и нравов. Дочь взяла в оборот, да так, что та все и рассказала и показала дом, где свершилось надругательство, указала блядь. Не в милицию пошла мать, а к завучу школы, даме тоже неистовой, неумолимой по части нравственности. Они тут же написали совместное заявление и направили в областное УВД. Да угодили в разгар кампании по борьбе с грузинами и прочими черномазыми на рынках; так что история, смазанная постановлениями, закрутилась, завертелась. Прослышал Омар и полетел домой, к родителям и родственникам — все рассказал, как было. Те приехали в Новосибирск, десять тысяч давали: только откажись, пощади сына, всю жизнь он в тюрьме. Мы его жену — тогучинскую немку взяли в свой род, она молодец, грузинский выучила, двух внуков нам родила, а сын наш непутевый, на месте не сидит, носит его по стране. Пощадите, деньги возьмите, стыд залечите — говорили старики. Сибирская душа мягка и отзывчива, может быть и пошла бы мать на попятную, да только уж многие подключились — школа, милиция, разные доброхоты из управления, ненавидящие кавказцев.

Пришлось отказаться, понимая, что девственность и моральное потрясение не вернешь и не успокоишь.

Суд рядил, крутил и вlepил Омару девять лет строгого режима. Опытный зэк Омар в лагере Табулга решил навсегда с прошлым порвать, то есть встать на путь исправления, надел пампасы (косяк), завязал связи с начальником отряда Равве. На национальной почве они оказались родственниками — он немец, а у него, Омара, жена немка. Начальник продвинул Омара в завхозы отряда. Завхоз величина значимая — имеет свой кабинет-кильдым, распоряжается каптеркой, холодильником, педерастами (девушками, на их языке) и режущим инструментом. По утрам вместе с дневальным поднимает зэков на подъем пинками и ими же загоняет после отбоя в кровати. Кулачным правом стал Омар наводить порядок в отряде — запретил нюхать в казарме ацетон, выдал операм мастеров партачных дел, тех наказали ШИЗО. С пидоров и тех, кто ими пользовался, стал брать особый налог. Многих покалечил и вогнал в страх — отряд стал показательным, красным по-зоновски. Но фортуна изменчива, избитые и покалеченные уже после отсидки добрались до Москвы, пробились к прокурору, который возбудил против Омара новую уголовку. Куда только не обращался за помощью Омар — в областное управление МВД, в Москву, даже к самому Шеварднадзе писал (ему он

приходится, якобы, дальним родственником по линии матери). Оказалось бесполезно — суд добавил пятак. Когда теперь выйдет и выйдет ли вообще на волю Омар, одному Богу известно.

Страна пребывает в неутихающей перманентной войне с насильниками-садистами, плодящимися, как навозные мухи у многоочковых туалетов. В Свердловске некто начинает ловить полненьких, коренастых, чернявеньких уралочек непременно только в красном одеянии или на худой конец в пурпурном — будь то блузки, юбки, пальто, плащи, косынки. Слух пошел: вчера придушены двое «красненьких» и число их уже перевалило за три десятка. Город сереет, зеленеет, желтеет, тускнеет — всю красную одежду убирают с прилавков. Дабы успокоить насильника, приспускают красные флаги и велят транспаранты писать на синем ситце и сатине.

В Новосибирске другой маньяк умело вычленяет одиноких девственниц, затворниц, вдовушек и, преобразившись в слесаря-телефониста, почтальона, страхового агента, или еще лучше, просто ошибающегося адресом, — в субботние и воскресные дни щелкает эту популяцию. Размышлявшие всю жизнь, выходить замуж или нет, вдруг наседають на кавалеров и любовников, отбивают от живых и любящих жен и даже прописывают на свою жилплощадь: только живите, кушайте, смотрите телевизор, даже выпивайте изредка, но нас оберегайте. Пустеют побережья морей, заливов, искусственных водохранилищ и оросительных каналов — появилась группа монстров — любителей подводного насилия. До парашютного и космического еще не дошли. Аквалангисты-насильники на жертвах зарабатывают, припрятывая утопленников в скалах и укромных местах под водой и за плату быстро находят труп.

Есть истины, которых люди боятся знать: судят, пишут, рассуждают, но правды не желают. Некоторые из них: алкоголизм неизлечим, окунувшиеся в него им и закончат. Ежели силой воли перестанет пить, все равно останется до конца дней больным, искалеченным человеком. Неисправимы наркоманы. Женщины, мужчины, девушки, парни, не жалейте их, алкашей-анашистов, не вступайте с ними в браки! Они, прикоснувшись к зелью, стали его рабами — отбросами! Этот лозунг должен висеть в каждом магазине — в неоновых огнях, на плакатах. Чтобы ввести в жизнь одного дебила, требуется долгий кропотливый труд родственников и пяти, как минимум, специально подготовленных для этого людей на протяжении тридцати лет, слепоглухонемого — двадцать пять человек и вся жизнь. Половое воспитание в системе религии и знаний не связано с такими тратами, которые могут позволить только страшно богатые страны. Оно в

этой системе — божественно-естественное и соответствует природе вещей. Если это отсутствует, то патология неизбежна — появляется злость, ненависть, причем половая, которая переходит в форму мщения девушкам, женщинам, матерям. Группа малолеток, вышедших из зон, посчитала виновниками своих злоключений девушек и начала их насиловать и убивать в лифтах. Присмотрев одиноко входящую в лифт девушку, парни врывались в него, зверски насиловали и убивали, выбросив труп на пустом этаже.

Недалеко от целлюлозно-бумажного комбината в Братске стоит городок из трехсот деревянных, одноэтажных общежитий, обдуваемых кислыми зловониями — запахами этого предприятия. В один из летних дней, в подпитии девушки-строители, а также девушки, прибывшие в поисках женихов из мужеопустошенных областей России и Украины, взяли и, раздевшись, повыпрыгивали из окон, а затем бросились штурмовать мужские бараки. Амазонки душили, насиловали, раздевали, отрывали, обрезали, отгрызали половые органы мужчин, строителей коммунизма. Война полов закончилась победой более трезвых женщин над выпившими мужиками.

Харчев, Кон, Рюриков — ученые-философы, размышляют об отсутствии в отечестве должного полового воспитания, а сами ничего конкретного предложить не могут. Религия зачеркнута и разорена, буйно цветет полынь зла. Отброшено таинство брака и невежество окружает, кружит воронкой, затягивает в животное-сексуальные страсти, в различные виды и формы преступлений. Вот почему женщины страны превращаются в различные группы блудей и проституток, а мужчины — в «ваше чешежопие» и сутенеров. Уголовное законодательство под стать ситуации в стране. Профессор юридического факультета Иркутского университета Григорий Виттенберг говорил: «Самая безобразная, неразработанная и запутанная статья — 117 УК РСФСР и от нее танцующие остальные — 118, 119, 120», его ученик правовед Григорий Гаверов вторит: «Не поймешь, как определить по виду — она совершеннолетняя или нет? Девки все сейчас крупные и задницами крутят так, что я часто падаю в автобусе от их разворотов».

Пока юристы страны спорят и говорят, сотни тысяч сидят «по мохнатушке». Обвинительные заключения по этой статье самые примитивные. Пригласила девица парня или наоборот, выпили, подзакусили, потянуло к взаимной борьбе полов: «Отдайся, оную операцию оплачу, озолочу». «Не хочу, женись, ставь штамп в паспорт и наслаждайся мной» — куражится она, цену набивает, да и пригласила, чтоб

от подружки отбить. Обнял парень девушку, та закричала, вырвалась и, стремглав побежала напрямик к ментам. Пишет в заявлении: приставал, угрожал, насиловал, лез в трусики и отстегивал булавки на бюстгальтере (это слово всегда пишется с ошибками, некоторые заменяют другим — лифчик, лифтик). Мой крик, зов о помощи слышали: Ф.И.О., место жительства многочисленных соседей. Вот вам, господа, и статья, и срок, катящий под десятку усиленного режима. Ежели следствию с изнасилованием не повезет, то попытка уж обеспечена.

Сложилось превратное мнение, что насильники — это силачи, не знающие куда девать энергию и берущие баб нахрапом и повалом. Посмотришь на них в зонах — большинство опомоеванных, зашкваренных в натуре и по виду — срамота, облитые баландой, обшарпанные, забитые, хромые, глухие и совсем интересно — слепые. Вдоль стенки коридора в тюрьме ходит эдакий насильник, и в зоне его ведут под руки педерасты в столовую или кормят прямо в казарме, выливая содержимое в хайло-рот. «Ты, Рука (кликуха — однорукий глухой зэк, сидящий за изнасилование), — ему показывают жестами, — как мог прижать бабу, где и чем?» Мычит, жестикулирует, махая обрубком руки, как собака хвостом. Потом передает бумажку на которой накалякано: «С ней, Верой, я раньше жил-дружил, она тоже глухонемая. Потом мы переехали в Искитим и я женился на другой глухонемой. Пришел к Вере в гости, мы легли, а тут ее мама. Она меня не любит из-за того, что я женился на другой. Раньше я спал как с Верой, так и с ее мамой. Мы тогда дружно жили. Мама, увидев меня с Верой, побежала в милицию и Веру заставила писать, что я ее насиловал. Вера маму очень боится. Она написала и показала синяк. Он не мой, не я ставил его Вере. Со мной поступили очень хорошо, у меня папа имеет много медалей, он уговаривал суд, ездил, плакал. Он не глухонемой. Мне дали всего четыре года. Осталось год и пять дней. Башмаков Гена».

В тюрьме по обычаю зэков Гену изнасиловали — ныне он проткнутый педераст. Живет в проходе у самого выхода из казармы, работает на «блатной» должности, вызывая гнев зэков других мастей. Он ставит одной рукой маркировочные штампы на изготовленную продукцию. Блатные хохочут: «Вся наша работа запомоева. Позор, куда смотрит хозяин». Вши очень одолевают Гену, их ловит в его одежде его коллега, тоже глухонемой насильник-педераст, но с двумя руками. По договору за десять пойманных вшей, Гена дает ему буханку хлеба. Зэки об этом знают и вшей Гене подбрасывают, чтобы его товарищ поскорее заработал.

Дальневосточник Анатолий Дзюбенко был доволен, славно отдохнул в Ленкорани. Санаторий попался отличный, еда сытная, кустотерапия

обновляющая. И к этой радости прибавилась история, о которой в назидание потомкам он будет «вещать», пожалуй, до конца дней жителям Сихотэ-Алиня. Она приключилась с одной из отдыхающих. Дело вышло так. Москвич, страстно любивший свою жену, тоже москвичку — помпушечку и лапочку, привез ее в санаторий для поправки пошатнувшегося здоровья. А сам направился в командировку на другой берег Каспия, в Красноводск. Муж числился в нефтеразведчиках в одном из столичных НИИ.

Жена по водворении в санаторий получила комнату на двоих, и этим была очень обижена, как так ее, москвичку, поселили в комнате с какой-то колхозницей-дояркой. И запахи не изысканные, и интеллект на уровне унитаза. Администратор, человек, знающий столичную психологию, пообещал при ближайшем случае ее положение улучшить и поместить в отдельную комнату. Москвичка стала отдыхать, шатаясь по парку. Не сидеть же ей и базарить с соседкой.

Прогуливаясь, к ней подвалил красавец восточного типа, такой приятный и по-русски прекрасно изысняющийся. Ухаживать, скажем, начал изычно. В первый же день подарок преподнес — цепочку с кулончиком. Когда в его комнате под лампой рассмотрела, цепочка оказалась золотой, а камушек натуральным. Всесоюзнообщеизвестно, что все любят подарки. Но больше всех, как и положено по рангу городов и мест — москвичи, считающие, что живут хуже всех в стране, а заботятся о ней больше всех. Москва немыслима без подарков — музей подарков со всей страны. Ежели некоторые скряги и не дарят, то у них централизованно изымают. И сами москвичи пропитались подарками: нижестоящие несут вышестоящим, а те к еще более вышерасположенным, отбирая для верхов самое лучшее. Иномосковские обязаны дарить также, как платить профсоюзные взносы, ибо столичному жителю все к лицу. Войдите в его положение: ему тяжело, он нищ, живет в самом большом континентальном городе мира, каждый день прессуется в метро и очередях и заботится о тебе, провинциале.

На следующий день поклонник ошеломил и потряс нашу даму: небрежно повесил на ее руку запястье индийской работы, галантно пристегнул и, представляете, без намека. От этого москвичке стало не по себе. За такую ювелирную прелесть она бы, ох, непременно отдалась. Ясно, он в нее втюрился. Что-то еще преподнесет? Вечер настал и на шее засветились бусы из настоящего янтаря, не прессованного, а естественного, в некоторых бусинках виднелись застывшие букашки-мурашки. Красота, да какая! И она в первый раз чмокнула кавалера в обветренную щеку и

привалилась к гибкому стану. В своем счастье-радости она не побрезговала подружкой, и ей поведала о своих успехах. Та вздохнула. Не из зависти, а ввиду измены мужу, человеку, как ей показалось, хорошему и доброму.

В назначенное рандеву молодой красавец был не один, а с другом. Они познакомились, стали любоваться горами. Предложили покататься и сели в авто, к ним подошел третий, попросил подвезти. У нее спросили разрешения — вот такая галантность! И она, млея от нее, разрешила. Машина покатила, незаметно на ее руки надели браслеты уже английской работы, а на головку с прической-перманент опустилась чадра тегеранского производства. Кричать было бесполезно. Ее внесли в один из домов, сняли украшения, раздели и стали тешиться: мучить, насиловать, обсасывать и прижигать; она не помнит ни ночей, ни дней, даже как золотые коронки сняли горячими ложками, прижгли и десны и губы. Она к этому времени перестала уже ощущать боль. Сознание твердило: конец, конец, конец. И он, казалось, наступил — на нее, лежащую поперек дивана, набросили старую фуфайку и по этому сигналу лежащий на ковре пес, вскочил, бросился на нее и по псиному отодрал, вызвав хохот компании.

Она не помнит, во что потом ее рядили и затягивали. Очнулась в парке утром, обмотанная свинными кишками и затянутая в целлофан мешка. Ее по дурному запаху обнаружил дворник, думал, что подбросили падаль. Внесли в санаторий, врачи осмотрели: жива, будет жить. Продезинфицировали, обработали уколами и порошками и положили к соседке, которая взялась за ней ухаживать. Одыбавшись, она поведала ей о своих злоключениях. Тут и муж возвратился из Туркмении. Очень удивился эффективности отдыха: постарению и похудению, а также беззубию супруги. Подумал: так, наверное, надо, даже полезно. Похудеть не мешает, особенно в нашей бурно клокочущей московской жизни... С соседкой она прощалась и обнималась, как с лучшей подругой жизни...

СУИЦИД: ПРОТЕСТ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ

На каком-то этапе лагерного срока у человека возникает сопротивление режиму, самой жизни. Жизнь, она при тебе, но как бы отстраняется, отчуждается, становится смешной и противной. Тогда человек, как Незнакомец у Альбера Камю, убивает себя. Наступает неустойчивое равновесие между желаниями жить и не жить. Малейший сигнал может быть толчком: окрик завхоза, замечание прапора при входе в столовую, что не помыл хлорной водой руки, шмон, подъем, отбой. Вы входите в ауру, в собственное безмолвие, в нирвану перед смертью. Все становится ясно: надо уходить из жизни. Руки сами вяжут петлю, они не трясутся, петля смазывается маслом, маргарином. Вспоминаются счастливые лица повешенных, стихи Франсуа Вийона.

Я Франсуа, чему не рад.
Увы, ждет смерть злодея.
А сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Это еще жизнь и уже не жизнь. Протест. Пусть посмотрят, как будет валяться голова моя, и тонкая проволока натягивается на шею. Проволока или веревка могут висеть на шее как крест, до толчка. Человек ушел из жизни, считайте, что он победил жизнь. А смерть торжествует в зоне, когда его возвращают к жизни.

Эмиль Дюркгейм написал большой трактат о самоубийцах. Он вывел зависимость самоубийства из жизни от погоды, жизненных установок, болезней, возраста. Философ писал еще до начала нашего века, ведь наш век начался не в 1900 году, а в 1914-м. Век не обязательно сотня лет. Некоторые года нашего века стоят тысячи прошлых и они всей тяжестью ложатся на маленького человека. Двадцатый век — это век очумелых толп, шагистики и шеренг, погромов и вакханалий, колючих объятий многокилометровых заборов, утонченного рабства, научного обмана, пулеметных очередей и всепроникающего стронция. Век складирования трупов, как поленьев, в жутком безмолвии сибирских зим. И, если человек

в этом веке рвался умереть, то он слишком любил жизнь, он еще оставался Человеком.

Разве не хочет человек жить, если вешается на проволоке локалок, бросается на виду охраны в запретку, поджигает целлофан и дышит его гарью, пьет ртуть и всякие нитролаки? Он разумно присоединяет себя к большинству, чтобы напомнить, закричать живущим.

«Я все же человек, а не чучело!»

Руки советских зэков покрывает шпальная решетка шрамов — от вскрытий вен. В строгих, тюремных режимах режут стеклом, гвоздями, заточками, мойкой (бритвочками), в иступлении рвут вены зубами — хлещет бордово-красная жидкость. Ныне почти всех вскрывающих спасают. Никто из них толком и не объяснит, почему и зачем вскрывал вены. Выгода-то какая? Врачи вену зашьют и снова бедолагу бросят в ту же камеру. Когда в прошлом целые камеры воров в законе вскрывали себе вены, так что пол сплошь становился пузырчато-красным от бега по нему и фырканья тюремных крыс, многие гибли от потери крови. В основе протеста лежало игнорирование воровского кодекса администрацией. Воры уважали администрацию и требовали такого же отношения к себе. В 1948 году целый вагон воров отказался заходить в Черногорскую зону в Хакасии. Зона была сучья и это оскорбило воров. Начальник конвоя применил силу — приказал всех при сорокоградусном морозе облить водой из пожарных машин, но все равно ни один не пошел, все стали Карбышевыми.

Равиль Муратов, вор-рецидивист с шестнадцатилетним стажем отсидки, рассуждает: «Когда я вскрываю вены, я отдыхаю, я ложусь, мне становится так хорошо и свободно, словно сбросил с себя огромный груз». Вешаются на чем попало, обливаются бензином и сгорают, подставляют руки-ноги под прессы и пилы множество зэков. Это порывы к жизни, поиски выхода из затхлости и преснятины лагерного режима. Часто мостырятся молодые зэки, питомцы детских домов и неполных, разведенных семей. Дети, которые никогда не видели человеческой ласки, у них не было дедушек и бабушек, отцов в прямом понимании этого слова, с ними никто никогда не разговаривал, их не целовали, не носили в детстве на руках. Как назвать это явление, когда они воспринимают тюремную администрацию, черствый медперсонал, давно забывший клятву Гиппократ, как матерей и отцов, которые их якобы могут пожалеть. Перевод в больницу ими воспринимается как жалость, как материнская забота. Они для этого глотают иголки, пружины, ложки, наборы домино, прошивают свое тело проволокой, втыкают ржавые гвозди в легкие,

вдыхают сахарную пудру и растертый в пыль целлофан пакетов, выдавливают пасту из шариковых ручек, соскабливают слизь с зубов и втирают все это в порезы. Опухают руки, ноги, начинается заражение крови, гангрена, гниют кости, предстоит ампутация. Надо так трансформировать жизнь зоной, что ампутация воспринимается, как забота о больном. Дефицит товаров и услуг экономисты научились подсчитывать, но еще ни один психолог и социолог не вычислил вес, объем и размеры дефицита добра в заэкспериментированной марксизмом-ленинизмом стране. Встают волосы дыбом, когда видишь в скульптурах Эрзи четырнадцатилетних пацанов в арестантской серой форме. Их вина, определением которой занимаются тысячи специалистов, чаще всего в детском озорстве и любопытстве. Вот Женя Шайдуров, уголовник, ему только что исполнилось восемнадцать лет, сидит уже два года, маленький, как все сибирские татарчата. Но его уже отчешежопили, он уже вскрывал вены, живет пидором и думает, что сказки — это явь. В них ходят чудные Дюймовочки и миниатюрные короли. Он совершил гнусное преступление, за которое получил пять лет лагерей. Жил в колхозе с мамой, папа спился и замерз. С тринадцати лет Женя стал водить трактора, пас коров, косил сено, собирал ягоду и отгонял мух от лежащих по пьянке на навозе скотников. Мухи облепляли ноздри, рот, уши, а он отгонял их от дядей Коль, Вань, которые спали в кровати его мамы. Однажды (любимое слово сказочников) он на тракторе, оставленном в поле, подъехал с такими же, как он сорванцами к магазину. Им хотелось сладостей и было несколько рублей мелочью в карманах. Магазин был закрыт, они постояли, раздумывая, а один из пацанов вставил гвоздь в замочную скважину и замок открылся. Вошли, насыпали кулек конфет, взяли бутылку портвейна и свои деньжонки высыпали на весы. Закрыли дверь, уехали в лес, выпили. Здесь же их и арестовали (групповое хищение с проникновением-взломом!!!). Приписали многое из того, чего и не было. Ребята ничего не могли возразить, их запугивали, избивали. В камере Женю сразу же посадили на хрящ любви. Он говорит: «Сам я виноват, фуфло в карты проиграл». Из Толмачевской зоны решил убежать — в кузове машины завернулся в брезент. Охранники заметили уже за зоной неполадки в свертке. Поймали, суд добавил год за побег. Отныне он побегушник, будет проверяться трижды ночью: прапорщики будут освещать его лицо фонариком и поднимать застиранное одеяло над щуплым тельцем. Он будет носить красную полосу под фамилией на всех видах верхней одежды, будет стоять сбоку в пятерке среди чертей и педерастов при просчетах. Ему не положены ночные наряды, УДО — условно-досрочное освобождение,

«химия» и расконвой, он отбудет свой срок от звонка до звонка.

— Объясните мне, — просит пидор Женя Шайдуров, — есть ли секрет уменьшения. В сказках все могут быть маленькими, индейцы головы так сморщивают, кукольными делают и волосы на голове их сгущаются, инженер Сипливый в зернышках моторы размещает и они работают. Вот бы мне этот секрет раскрыть, превратился бы я в клопика, жил бы так, не высовываясь, припеваючи, в разных трещинах и щелях.

Как много знает человек, который окружен людьми, семьей, братьями и сестрами, соседями, добрым пространством жития, молитвами и повествованиями, древними обычаями и традициями — он связан с Богом в бессмертном круговороте жизни. Если же человек этого лишен, он может удивляться тому, что, оказывается, свиное сало можно жарить, можно жить, не донося (не сексотя) на соседа, знать, что у тебя никто никогда не украдет вещи. Он, однако, не приходит в изумление, когда встречаются два мира: Детства и Антидетства; Бога и Дьявола. Мир Антидетства — дома ребенка, приюты, шагистика, одинаковая однополая одежда, казенные воспитатели, грязь, запахи, кровати, тумбочки.

Отрядник требует: «Напиши рапорт на имя начальника колонии, почему ты, осужденный Андрей Федоров, вскрыл себе вены».

Начальнику ИТК-2 от Федорова Андрея Петровича, 1968 года рождения, осужденного в 1986 году по статье 144 часть 2 УК РСФСР к четырем годам общего режима. Начало срока 06.08.86, конец срока 06.08.90.

РАПОРТ

Я вскрыл себе вены потому, что вчера освободился по УДО дядя Коля Сучилов. Мы с ним жили в одной семье. Он делился со мной посылками, одеждой, подарил теплые носки, угощал и говорил: «Держись, Андрюша, как выйдешь на волю, так приедешь ко мне, будешь мне сыном». В его колхозе много работы, много пустых домов, где я буду жить человеком.

ДУША В РАЗВИЛКЕ

До мистической густоты, до предела наполнения зоны и тюрьмы полны слухами. Приход по этапу нового зэка, появление начальства или какой-нибудь комиссии, с акцентом прочитанное слово в газете, полученное письмо с воли, изменение в правительстве, обкоме, прокуратуре, ЦК КПСС, сообщение о заседании Верховного Суда СССР об очередном «усилении» или «повышении», домысел свой или с воли переданный — все истолковывается особым зэковским способом. Сотни тысяч людей, по их убеждению, попадают в запретки «вообще ни за что». За примерами ходить не надо — все при социализме воруют, даже верующие сектанты, и он, горемычный, попробовал. Дружков не посадили, отмазали, а его сделали козлом отпущения. Другой повздорил с женой, она по совету доброхотов — бегом к ментам и пишет заявление. Менты его — в сейф, знают, что пригодится.

Где вы, российские мудрые книги XV-XIX веков — «Домострой» разных изданий, «Добротолюбие», многотомники Адольфа Книгге, где вы, советы духовных отцов, матушек и монахов, неспешных попов, строгих пасторов, мудрых раввинов, сердобольных мулл и стойких в тяготах жизни лам? Не знают, человеки социализма, как по-человечески вести себя, и никто их не учит. Как овчарка набрасывается жена на пьяного мужа — проклятья, ругань. Забыли, что с выпивохами ни в коем случае нельзя вступать в пререкания и скандалы, они же не владеют собой, они во власти дурмана. Рукоприкладство — его бы применять для ремесла, для дела, хозяйства, двора, но отнюдь не для избивания ближних. Колотит жену муж, и мужа жена не так уж редко, родители бьют детей, дети — родителей. Бегут с жалобами в парткомы, профкомы, райкомы, обкомы, милицию. Бюрократия дает делу ход, опрашивают соратников по партии, соседей, свидетелей. Бывает и так: жена уж и забыла о том, что писала на мужа поклепы, живут-поживают, картошку в мундире чистят и радуются. И вдруг приходит по почте (чаще приносят с нарочным, ибо прокуратура и суды экономят на всем) повестка в суд. Дома переполох. Выясняется, что вызывают в суд мужа за истязание жены. Подруга подтвердить отказывается, а другие свидетели — за дачу ложных показаний на суде полагается тоже наказание — подтверждают. Прямо с суда мужика уводят на пару лет в систему общего режима. Жена ревом исходит: что наделала, точнее наделали — хозяйство разваливается, сено косить некому, дрова

колоть не под силу, чурки тяжелые, корявые, узловатые. Чтобы у Петьки пилу «Дружба» взять для распила хлыстов, надо его напоить и, что противно, переспать с обормотом. Все село, которое участвовало в посадке мужа, ныне смотрит на нее косо, в магазине люди отворачиваются. Впору вешаться, да детей жалко. Пишет мужу, просит извинения.

А муж в это время в зонавском беспределе доходит — он опущен, опомоен, опедерастен. Одно упование — на амнистию. Ждет не дождется праздников, круглых дат, скорей бы 40-летие победы над Японией, Германией, Финляндией, Польшей (чем больше побед, тем скорее освободят), 60-летие Советской власти, образования Союза, принятия Конституции. Срок же катится от круглых дат к круглым. И всюду идет сплошной треп-базар об амнистиях: с воли передали, что Плишкинская, Чунская зоны уже закрываются. Вот оно, подтверждение амнистии! Казарму обнесли локалкой, ясно, готовят для другого режима: наш, общий, ликвидируют. Амнистия! Кто-то помилован, что бывает в зоне один раз в десять лет. Ясно, скоро амнистия! Человек в психозе амнистий полностью теряет себя. Он весь в ожиданиях. Подходишь к знакомому и говоришь: «Алексей Васильевич, слышал, что вас скоро амнистируют. Об этом ходят разговоры по зоне». Алексей Васильевич сияет, хотя сам в глубине души знает, что это неправда, туфта. Ожидание хорошего — вся зэковская жизнь. И ты становишься для Алексея Васильевича своим человеком, тебя он обязательно с посылки угостит ломтиком сала.

Другой психоз — отрицание всяких амнистий и на этой почве недоразумения и драки с теми, кто ждет не дождется амнистии. «От коммуныг амнистии не дождешься» — человек не верит. Ему сообщают.

— Хасанова знаешь из седьмого отряда?

— Знаю.

— Так его помиловали, делает прощальное и уходит из зоны.

Не верит, не верит даже, когда зэк на самом деле уходит, когда ему все завидуют и его радости не разделяют. Неверящий усмехается, считая, что Хасанова просто переводят в другой режим или зону. Не верят советские зэки, что кто-то на воле о них думает, страдает за них, милосердствует, сочувствует. Не верят, и в то, что на самом деле людей расстреливают, считают, что посылают на урановые рудники, где они сами коньки отбрасывают. Не верят зэки в людей — жен, отцов, матерей, детей, правителей. Коль так написано на роду, надо лямку тянуть. И вспоминают тех, кто из родни сидел, перечисляют по пальцам — почти все осуждались и редко у кого — каждый второй. Говорят зэки: «Мы потомственные каторжане. Тюрьма — это политика. Так было извечно и так будет всегда.

Изменять существующее, конечно, не надо, пусть все посидят, глотнут неволи. В тюрьму следует поверить, как в дом родной, так легче, так скорее привыкнешь к полному переходу к коммунизму — один котел на всех и для всех».

Однако и самые неверящие верят в то, что Запад, Америка все знают об их положении. Рассказывают о том, что буквально через час после Толмачевского кипиша (бунта) об этом с надрывом передавали радио «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Америки» и японские станции. Верят потому, что так легче прожить.

Есть и такой психоз, как вера в слово, в писанину, в силу бумаги. Одержимые им пишут во все инстанции (большинство писаний не доходит, их изымают лагерная цензура, милиция, КГБ. Почтовым перехватом заняты сотни людей, только в маленькой по населению Читинской области на перехвате в почтамте работало 76 человек), передают на волю через знакомых, тратя на это большие деньги. Реально письмо может дойти, если попадет из рук в руки, это знают опытные зэки и содержат при зонах (поселках) специальных нарочных. Посылать через другие населенные пункты, скажем, в Иркутск через знакомых в Ужгороде, бесполезно, так как вся информация от зэка и вся вообще информация к его родне проверяется. Передача только простой ксивы за зону стоит 25 рублей, а нарочного послания — сотни рублей.

Писаки придумывают все новые версии своего дела и в них верят, точнее влюбляются. Пишут и ждут, пишут годами — ждут месяцами. Без этого уже и жить не могут, всем рассказывают, куда написали. Этих графоманов не любят все — особенно начальство, так как они записываются на каждый прием, к каждому встречному-поперечному: к начальнику зоны, к прокурору, к приехавшему для встречи с преступными массами академику-землевладельцу Терентию Мальцеву, даже к бывшим ворами в законе, доживающим под присмотром ментов и ими возимыми по зонам, где они, впав в старческий маразм, живописуют пагубность жизни в воровском законе. Мудрые начальники, загодя, до приезда комиссий перепроваживают писак в ШИЗО и ПКТ, чтобы глаза не мозолили, ибо они имеют обыкновение после слов начальства: «Вопросы к нам есть?» их задавать и «влезать со своим делом». Пишут они коряво, безграмотно. А уж когда кто-то им грамотно и слезливо напишет, то эту бумажку берегут, лелеют. Всем дают читать и ждут оценки. Когда скажешь: «Как это ты здорово написал, умно объяснил», считай, владелец письма попался на крючок. Далее он обязательно спросит: «Ты думаешь, это разжалобит верха?» — «Конечно».

Теперь у вас будут об этом постоянные разговоры. Каждого новичка зоны они встречают со своим делом и рассказывают, рассказывают о том, куда написали, когда, по их мнению, придет настоящий ответ. Манна небесная для них рассказы такого плана: «На этапе один мужик, идущий из Котласа, рассказал о таком событии. Баба у его знакомого — золото. Поехала в Верховный Суд РСФСР, открывает дверь в приемную и ба! Секретарем там пребывает грудастая, пышущая здоровьем ее землячка Зойка. Девка не промах, ушлая, замуж за москвича выскочила. Пробы на ней негде ставить было, такая раньше была. Баба к ней в ноги: „Зоинька, зайчик, выручай, несчастье-то какое, мой дурак в тюрьму угодил. Ни за что, подрался, повздорил, кто-то, не он, конечно, одного ножичком пощекотал. А моего зачинщиком посчитали и вlepили. Выручай, голубушка, в долгу не останемся. Там в Верховном Суде вся приемная с пола до потолка забита делами. Конечно, с ними и за сто лет не разберешься. Страна-то у нас огромная и все сидят“. Зойка сказала: „Хорошо, ищи дело своего“. Баба, не поверите, неделю перебирала папки и нашла, положила на стол Зойке. Та утречком подсунула Председателю Суда. Тот взглянул, ясно, туфта. Приказал подать на пересуд, так как состава преступления не было. Мужика вскоре освободили. Писать надо, братцы, писать, на то и грамота дана, на то и всеобщее среднее образование сверху спустили».

Зона травмирует человека до основания. Мучительно наблюдать за истощенными людьми, впавшими в жор. Это такое разрушение психики, когда хочется есть, есть, есть — без конца и без начала. Всегда. Жор от слова жрать. Жорный чучек ест все подряд — плесневелый хлеб соседа, так свой сразу съедает, протухший маргарин, промасленную бумагу, все, что является съестным или когда было им. Блатные бросают ему свиную шкурку от сала, которой они драили сапоги, она черная, грязная, пыльная. Жорный ее съест. Мужики и блатные еще в состоянии сдержаться себя, не впадать в жор. Молодые крепятся. Старики, инвалиды, алкоголики — все в жоре. Черти копаются в мусорных свалках, ищут рыбы головки от хамсы и кильки, разваренные кости, очистки, выброшенные жабры океанических рыб. Из них варят суп, пьют это вонючее грязное месиво. Им, вроде, и ничего не делается. На то они и черти. Чертей сразу видно — они обмусоленные, одежда в подтеках, облитая помойным супом. От них на расстоянии несет падалью. В их чайниках всегда тысячу раз прокипяченный чайный заварной мусор. Чай такой коричнево-черный, употребление его приводит к отеку ног, они становятся грузными, слоновыми, рыхлыми. Меняется походка, черти не ходят, а передвигаются, раны на их теле не зарубцовываются, они всегда гнойные, открытые. Летом на этих ранах

всегда, когда черти спят, сидят мухи. Черти их не чувствуют, кажется, что даже довольны тем, что вызывают интерес у мух. И летают такие жирные мухи по казарме, от одного вида которых наступает тошнота, пропадает аппетит. Черт всегда просит, просит глазами, упершись взглядом в еду, просит отдать ему баночку от консервов минтая: «Не выбрасывайте, она мне сгодится». Черт ее оближет, пальцем грязным впитает оставшиеся жиринки. Черту все можно. Он не кушает, а хакает, то есть глотает, набивает ненасытную утробу. Он умоляюще просит обеды, выпивает пролитое на оцинкованный стол, сгребая сначала в ладони. Черт всегда в жоре. Жор даже на воле не проходит. Идет человек по улице и подбирает все съестное, кладет в карманы, в сумочки. Он, жорный, копается в мусорных корзинах, слизывает сладкое с конфетных бумажек вместе с оставшимися слюнями и плевками. Знайте люди, это порождение советской пенитенциарной системы — человек в жоре.

Когда все в состоянии тревожной взвинчивости, то любое парасихическое расстройство сразу вызывает коллективный ответ. Неуместная шутка или придирка надзирателя вызывают хохот-ржание. Зэки лошадино ржут и сами не знают почему. Часто только потому, что кто-то где-то заржал. Может, и на самом деле бывает смешно. Вот, впрягшись в лист железа, группа пидоров из хозотряда тащит бочку с испражнениями. Все ржут и советуют лидерам там искупаться. Ржут без смысла даже тогда, когда по зоне несут гроб — кто-то в санчасти окачурился. Не выясняют кто, а просто ржут, веселятся, потому что увидели живой, свежий гроб.

Надзиратель на шмоне проверяет зэка, ощупывает его, требует поднять руки, расставить ноги, осматривает сапоги, одежду, пачку папирос, кепку-пидорку. Осматривает со вкусом, как артист и мастер своего дела, держит руку в промежности, ища якобы привязанный гибким бинтом чай. Все смеются и умиляются, а уж апогея достигает веселье, когда от пинка, запутавшийся в портянках чучек летит в грязь. Все в восторге: «Так ему, так ему, молодец, Сметана! (кликуха прапорщика)».

Бывает и не до смеха. Вдруг, как бы по команде на ходу поезда начнут раскачивать «Столыпин». Этот вагон несбалансированный — с одной стороны проход, с другой набитые зэками трехэтажные купе. Качают, качают в упоении, бегают, очумев, охрана, дергают тормоза. Наконец — крушение поезда. Стрельба, кровь, военные вертолеты.

Качают и воронки, погибая от удушья после опрокидывания машин, так как по инструкциям МВД СССР их открывать вне тюрьмы, зоны и территории суда не полагается. Валяются сутками автозэки до прибытия спецконвоев. А потом лезут, лезут в камеры, уплотняясь сапогами

надзирателей, лезут, обливаясь потом и мочой, обблевывая друг друга, испражняясь, впадая в обмороки, с кровотечениями из носа, но лезут. Никто не скажет: «Хватит, рядом пустые камеры, не пойду, нет места. Стреляйте». Никто же тебя за это не убьет и солдата этого ты больше не увидишь. Так же, пожалуй, смертники лезли в газовые камеры и дрались за место в них.

Объясните, если сможете, такое явление. В 1963 году, похоже, спятила вся хозобслуга Чунской зоны. Около ста человек принесли чурочки в столовую, служившую, как и во всех зонах, одновременно и клубом, и стомиллиметровыми гвоздями, передавая гвозди и молоток друг другу, прибила к пенькам свои мошонки. Среди участвующих в этом мероприятии был и зэк, в прошлом генерал, прошедший финскую, германскую и японскую войны. Когда начальник отряда вошел к ним с лектором, который должен был провести беседу, никто не встал. Все кричали: «Не можем, гражданин начальник, встать, члены из дерева вытащить». Своих санитаров не хватило, пришлось пригласить из местной районной больницы для ответственного задания — гвозди из мошонок выдергивать.

В зонах малолетних психозы суций ад и сплошной ущерб. То плющат кружки, то рвут одежду, то разбегаются. В них запрещается стрелять. Там, как считают, сплошной кипиш. Укажите, какая советская зона не пребывает в скрытом кипише? Администрация даже заинтересована в таком психозе и он нагнетается разными сообщениями, усиливается лекциями, режимными и политическими часами. Психоз амнистийный ожиданий держит зону даже крепче, чем автоматы охраны, верит простой советский человек, воспитанный страхом и популистскими лозунгами, во всесилье и милосердие правительства и ЦК КПСС, в справедливость законов. В конце концов, он даже благодушествует: «Разве плохо сидеть? Кормят, хоть и хреново, но мы и того не достойны; одевают — дают бушлат, зэчку, пидорку, две рубахи, два костюма, сапоги и портянки, как-никак заботятся; спим на матрасах с простынями, подушками, одеялом, можно даже на время отключиться под одеялом и подышать собственным духом; моют и даже мыло дают раз в месяц, полкуска хозяйственного, если его высушить, хватит и на физиономию; стригут зоновской машинкой — жить можно. На воле не лучше». Начинаются на эту тему бесконечные разговорчики: «Там, за забором — одна скука, надо каждый день вставать и ехать на работу в переполненных автобусах, стоять в очередях за продуктами, ждать десятками лет клетушки в малогабаритных хрущобках, ругаться каждый день с бабой, которая, ясно как день, в рабочее время спит в цехе с пузанчиком-начальником, добывать филки на еду, выпивку, курево. Жизнь

на воле собачья. Дети отцов забывают. Только вот маму почему-то жалко. Но это так, кого-то надо и пожалеть». От таких раздумий становится жутко. Выход один — по-тихому подохнуть и ножками вперед из зоны.

ВШИ-АКРОБАТЫ

Живность, которая водится в тюрьмах и зонах, рассматривается зэками через призму товарищества и сострадания. Не увидишь, чтобы воробьи в зонах вили, а ласточки лепили гнезда, вороны садились на столбы, а чижи на провода. Им сверху виднее — зона. Зэк же не терпит стерильности вокруг, он желает видеть вшей, клопов, тараканов, мокриц, пауков. Они разнообразят арестантскую жизнь и отвлекают от мрачных мыслей. Подходит зэк утром под лампочку и, найдя в нательном белье вошь, убивает не сразу, а рассматривает, бурчит: «У, какая корова, отъелась». И лишь тогда, извинившись, с жалостью приканчивает ногтями. К зэкам из-за отсутствия волос на голове не применим сибирский способ обнаружения вшей и их уничтожения, когда водят тыльным концом ножа по голове, раздвигая пряди волос и, подвинув к нему вошь или гниду щелкают словно кедровые орешки. Клопов убивают только больших, жирных, отъевшихся, черно-кровяных; малышей-клопиков жалеют: пусть еще поживут. В камерах стены от клопьяных надавов выглядят сюрреалистично, а порой абстрактно, так как вокруг шконок из-под известковой штукатурки их выжигают спичками, делая черные мазки. Клопы горят с треском.

Бескрылые клопы отличные парашютисты и спускаются на человека в любом месте. Кусают они больно, спина опухает, начинается зуд. Перед какой-нибудь комиссией администрация приказывает чистить стены от надавов, в камерах, покрытых шубой, это невозможно, а гладкие стены чистят так: берут доминушки и ими соскабливают наплывы размазанных клопьяных тел. При этой операции все покрывается красной известковой пылью, люди чихают, задыхаются, проклиная тюремное начальство, только не клопов. Зэки уверены, что клопы живут до 500 лет и уже одним этим вызывают к себе уважение — кусали еще узников Ивана Грозного, Петра, Сталина и сейчас то же самое творят. Не разрешается убивать тараканов и пауков — они хозяева хаты. Самые крупные величаются паханами, вождями, генсеками, а то и по имени — вон вышел Фидель Кастро — черный таракан, паук Хомейни уполз под толкан. Могут отлупить за убийство такого «вождя». В Новосибирской тюрьме тараканов заставили соревноваться с клопами, вшами, пауками. Высушенных тараканов курят, их также пьют. Это на спор, при проигрывании. Набрать кружку тараканов непросто, их хоть и много, но они шустрые, как цыгане, и посуда наполняется ими за месяц а то и два. Пьют глотками,

поперхиваясь, жевать не полагается. К мухам в камерах отношение не особо положительное — спать мешают; в карцерах, наоборот, их любят. Мухи изображают самолеты, за которыми в одиночестве интересно наблюдать. Иногда устраивают игры имени Валерия Чкалова или Полины Осипенко. Выбирают муху и гоняют, не давая возможности сесть, время засекают, и так до тех пор, пока обессиленная муха не упадет замертво. Чтобы муха долго продержалась, советуют накормить ее кровью клопа, смешанной с сахаром, и продержать с такой пищей парочку суток в темноте спичечного коробка. Такие мухи становятся чемпионами. Мухами играют на курево, сахар, конфеты.

Пауки — объект особой заботы. Их очень уважают за всеобщую проникаемость. Живут они везде — в камерах, карцерах, смертных коридорах, провожая ээка по вышак. У пауков многому можно научиться и наблюдать за ними не надоедает. Особенно, как они ловят мошек, мух, маленьких тараканчиков. Они очень быстро растут. Их можно вызывать на подсвистывание. Они доверчивы. Ждешь, бывало, в карцере часами, когда же, наконец, появится молодец из укрытия. Называешь его добрым именем, самым любимым именем друга. Вот, наконец, появился Иннокентий, притаился. Он тоже может ждать часами — стоять на вассаре. Паутина — чудо природы, в лучах, попадающих в карцер случайно, искрится, а какое сложное переплетение нитей! Забава, которая сразу отвлечет от мрачных мыслей и прилипчивых дум — наблюдать, как вошь перебирается по паутине. Вшей пауки не трогают. Сначала вошь пробует ползти, но запутывается в паутинных узлах и тут начинает акробатические номера выкидывать. Она кувыркается, как дельфины в гонолулском океанариуме, выпендривается, как Олег Попов на арене. Потеха, одним словом. Паук тоже наблюдает и, пожалуй, усмехается.

Мокриц и слезневидок хоть полагается тоже не убивать, но их не любят. В них воплощение подлинного тупоумия, уж больно скользкие, гадкие, как лысый хуй с прищуром городской следователь Леня Соловьев. Ни на что не годные, пусть себе живут и смердят в мокрых туалетах.

Мышки — еще одна отрада. Их в тюрьме много. Ловят их обычно шахматными досками. На доску кладут хлебца с сахаром, делают подпорку из карандаша, к которой привязывают нитку, и наблюдают. Надо тихо сидеть и за ночь можно парочку запросто поймать. Затем кому-нибудь в сидор положить, в узел с продуктами, спящему черту или пидору засунуть под одеяло. Можно и в сапоги, некоторые ээки их боятся и подпрыгивают в ужасе. С мышками можно играть. Их не убивают, а играют долго, пока кто-нибудь не скажет: «Садисты, подумайте, у мышки есть все же детки,

подружки». И ее отпускают восвояси.

Крысы. Это вроде тоже эки, умные. О них рассказы ходят всякие: и жуткие, и добрые. Жуткие — когда крыс много, они голодные. При всеобщем голоде крысы грызут трупы, начиная с ушей и носов. Крысы очень ловкие, верткие — лазят по канализационным трубам, толканам, унитазам. Часто там погибают, устраивая потопа в камерах. Вылезают мокрые. Позавидовать можно — настоящие воры.

Вам непременно расскажут о том, как один зэк поймал в карцере крысу, кормил ее, расчесывал, берег от ментов, а потом стал с ней передавать в другие карцеры и камеры ксивы, привязывая их к лапкам. Был в курсе всех тюремных дел. Она даже спала с ним иногда, прижавшись к груди. Многих выручила и предупредила. И вот однажды исчезла Королева. Эки загрустили, думали, что менты прихлопнули. Судачили: «В капкан попасться не должна, она умница, берет пищу только из рук, отравить поэтому не могли, ментов различает по походке». Что же все-таки произошло? Однажды спит зэк и чувствует, что кто-то по его телу ползает. Приоткрыл глаза — на груди сидит Королева с детишками, крысятами. Пришла, не пропала.

Самые невероятные истории рассказывают о крысах. Они, оказывается, очень ловко деньги воруют и из хрустящих бумажек делают гнезда. При этом изображение Ленина на деньгах обгрызают, что-то он им не нравится. Обожают собирать зеленые трешки и коричневые рубли. Воруют по выбору украшения, серебряные и золотые цепочки, кулоны и даже куриные яйца. Три крысы-подруги подползают к яйцу, одна сверху захватывает его лапами, прижимая к животу и опрокидывается на спину, две другие берут ее зубами за хвост и тащат против шерсти в норы. Сотни яиц похищают за ночь, работая целыми коллективами. По повериям как только в тюрьме появится крысиный король — три и более крысы, сросшиеся хвостами, так жди, что «хозяин» скоро дуба врежет, или сам коньки отбросит, или его братва примочит. Королем таких крыс называют потому, что они передвигаются с трудом, как сиамские близнецы, садясь на других крыс. У всех тогда появляется веселое настроение, начальника перестают бояться. Он, гад, и не подозревает, что эки знают о том, что его песенка в этом мире уже спета. В лагерях Карельской и Коми АССР, Урала и Сибири ходит много рассказов о медведях, которые помогают и выручают зэков, на лесные деляны приносят мед, оленину, дают незаметно сторожевых собак. Некоторые эки, рассказывают, имели медведиц-любовниц, а зэчки — мишек-ухажеров. Медведицы — это женщины, только в шубах. Разденешь такую — настоящая белокожая мадам. Мишки — парни

обходительные. Медведи питают органическое отвращение к колючей проволоке и всякого рода лагерным заборам. Белые мишки в одном из Чаунских лагерей на Чукотке за ночь все вышки вокруг лагеря пораскидали, наведя панику на ментов-охранников, те с перепугу автоматы побросали, наложили в штаны и остались зайками до конца дней. Мишки повалили забор, проникли в зону и сразу в ларь, давай выкидывать экам продукты.

В тех местах, где водятся медведи, бывшим работникам лагерей лучше не жить, они их ловят, прячут под колдобину, чтобы протухли, а потом с аппетитом поедают. Если бывший охранник устроится в геолого-разведочную партию, тотчас в ней начнутся несчастья, склады будут разворовываться, лошади убегать. Не будет никому покоя. Медведи договорятся с росомахами и начнут преследовать отряд до тех пор, пока из него мент не исчезнет. Опытные начальники партий бывших работников зон к себе на работу не принимают.

Медведи очень благодарные и, не в укор людям будет сказано, стыдливы. На Чукотке, в бассейне Анадыря, когда женщины собирают голубику, то одевают на себя одежду без пуговиц, чтобы можно было легко раздеться догола. Дело в том, что мишки в этот период очень проказливые, стремятся подобраться и повалить бабенку. Нет, не для насилия, а потехи ради. А те, увидев Топтыгина-шалуна, раздеваются догола. Мишкам становится так стыдно, что они убегают прочь.

Есть и такой зверь-проказник, любящий переполох, величают его «друг с кисточкой» из-за красивых ушей. Это рысь. Очень любит она посещать лесные зоны. Стоит на вышке охранник, скучает, зевает, проклинает про себя советскую власть, и дни прошедшие отмечает крестиками в календарях (в нагрудном при себе и в другом — казарменном по вечерам, чтоб со счета не сбиться) сколько осталось до дембеля. Дни прошедшие со злостью вычеркивает. Ни один нормальный человек, время, прошедшее в конвойной сторожевой службе МВД, за жизнь не считает. Об этой службе с товарищами говорить зазорно, девушкам приходится врать и придумывать, что, дескать, служил в войсках ПВО, на худой конец, в стройбате. И в момент таких раздумий — прыжок. От страха — вопль нечленораздельный, бешеный лай собак и стрельба с других вышек. Что произошло? Побег? Эки-то знают: зверь с кисточкой прошел по зоне. Рысь эков не трогает, а охранников пугает до онемения. Считается, что рысь наказывает страхом и переполохом тех, кто не в ладах с моралью. Собак заключенные не любят. Они по своей изодранно-искусанной шкуре знают, что это за «друг человека». В сибирских селах идешь по улице и, если в

подворье нет пса, ясно — хозяин в тюрьге бывал. Псов любят те, кто не сидел и не вкушал жизни подневольной. Недаром именем собаки называется мент — легавый.

Сибиряки раньше называли северного тигра бабром, он изображен на гербе Иркутска, держащим соболя в зубах. Это неправда. Тигры соболей не ловят, а промышляют кабанами, обожая сальце и их теплые, сладкие внутренности. Головы свинячьи любят рассматривать, и в них играют подрастающие котята, отбирая друг у друга. Но еще больше поросятинки тигры обожают из-за давней генетической вражды собачатину. Лай шавок на них действует, как запах алкоголя на выпивох, ум идет тогда шиворот-навыворот. Это знают охотники-тигроловы. Ныне обитающие уссурийские тигры в зоопарках Пекина и Токио пойманы русскими охотниками-староверами в Маньчжурии. Ловили их так. Приметив слишком шустрые выводки диких кабанчиков, охотники приходили к выводу, что их пасет тигриная семья. Поросята, как и люди, обожают, нажравшись, похрюкивая, полежать, понежиться. От чрезмерной неги поросят спасают тигры, заставляя шевелиться. В это место и приводят охотники свору шавок, набранных по селениям. Тигры забывают о поросятах и начинают незаметно скрадывать шавок. Охотники по исчезновению собак определяют место жительства семьи и обнаруживают логово с котятами. Шавки с перепугу разбегаются по тайге, но тигры так ими увлекаются, что забывают о детях. Доверчивых котят ловят охотники и увозят. Тигры, опомнившись, «людеют», покидают места обитания и начинают ловить всех псовых напропалую. Начинается собачий геноцид. В этом истреблении тигры выходят далеко за свой ареал. Тигр Африкан, чучело которого украшает музей народов Севера в Якутске, был убит в 20-х годах в окрестностях Алдана.

Учуяв тигра, все охранные собаки — немецкие овчарки приходят в ужас — начинают беспрерывно лаять, теряют аппетит, вешаются на ошейниках, выпрыгивая через заборы, совсем не обращают внимания на эков, даже кастрированных котов принимают за тигров и сходят с ума. Лагерная администрация знает — собак этих надо ликвидировать и завозить издалека новых, ненапуганных. Завоз дело не простое — обученные псы стоят дорого, намного дороже эков, и идут по разнарядке из Москвы. Питомники есть в Копейске и на станции Иланская, что в Красноярском крае, собак оттуда развозят, как большое начальство: каждой сучке полагается спальное место в купе и сопровождающий собаковод.

Потеряв детей, тигры обиду помнят вечно и мстят, только не людям, а собакам. Многие звери в этой схватке гибнут, когда люди защищают своих

обезумевших друзей-собак.

Зэки-дальневосточники в это время пребывают в радостном приподнятом настроении, наблюдая понурое поведение ментов. Знают, что мент без собаки, как без оружия. Ходят они по зоне опущенные, опомоенные тиграми.

Хорошая примета — появление в зоне муравьев, это означает, что ее скоро снесут, ликвидируют, мураши прибыли ее переработать в труху. Муравьи — молодцы, организованные, любят порядок, ходят строем, внешне у них жизнь похожа на эковскую, только она справедливая и правильная. Мурашей при голоде можно употреблять в пищу как витаминную кислую добавку, которая помогает и при зубной боли. Высушенных мурашей, растирая в муку, крошат на раны, они тогда быстрее заживают. Собирать их, конечно, долго. Когда мурашей много, надо ходить осторожно, смотреть под ноги, кричать другим экам, чтобы случайно не раздавили. Появление мурашей внушает радость и надежду на скорое освобождение. Появление муравьев по народным приметам — путь к богатству.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МНОГООЧКОВОСТЬ

Странно, что до сих пор никто не взялся написать историю отхожих мест: нужников, туалетов и многоочковости. Это тем более непростительно, поскольку значительная часть умных мыслей появляется в момент посещения туалетного заведения. Преобразуя обычного человека в нового на разных стадиях социализма — коммунизма, советское общество под воздействием коллективистских установок перешло от туалетной индивидуальности к открытой многоочковости. Последняя изменила физиологическое положение человека: посадило всех, почти всех на корточки. Мужская и женская многоочковость опоясала бараки и соцгородки рядами с «М» и «Ж», превратив их в неотъемлемую часть социалистического ландшафта как жилого, так и промышленного. Так же, как квартиры, женщины и пища, многоочковость стала сословной — отдельные туалеты для лиц номенклатурных, значимых для общества и государства, упрощенные, открытые — для простолюдинов. Для последних они «спортивные»: все для закалки морозами, ветрами и дождями. В зонах, где открытость всеобщая, ибо входит в систему наказания, паханы и их дружки огородили для себя ячейки, запретив фуфлу других мастей к ним приближаться. Толкан пахана (персональной ячейки) защищается от посягательств круглосуточной спецохраной чертей и педерастов, зорко следящих и отгоняющих остальных в запомоенную многоочковость. Каждый новый период комсозидания вносил в проблему многоочковости свои особенности. Закрытые сначала в полный рост кабины были вскоре «раздеты» до пояса. Дело в том, что несознательные товарищи стали их использовать, особенно на вокзалах и рынках, для жилья и складирования вещей, а также для обмена товарами и тайной перепродажи. Граждане закрывались и преспокойно под шорох кряхтения, разминания бумаги со сводками достижений, вдохновенного пердежа и журчания-опускания, если работали смывные бачки, в аромате растворенных желудочным соком пайковых продуктов отдыхали, предавались утехам любви, обсуждали изгибы будущей жизни и даже вспоминали прошлое. Подобная неподнадзорность, а также возмущение ждущих очереди вскоре привели к ликвидации закрытых кабин.

Поясные кабины просуществовали также недолго, ибо вызвали

появление новой разновидности воровства — туалетного, более известного в народе, как шапкоснимательство: снимали не только шапки, фуражки, кепки, платки, шали, парики, волосяные приплеты, но, случалось, и скальпы женские с роскошными природными волосами. Шустрый шапкосниматель за один забег в многоочковость мог сразу снять несколько головных уборов и смыться с глаз. Поймать его было практически невозможно: пол в туалетах зимой обледенелый, скользкий, даже если его посыпают опилками или песком со шлаком.

Подскользнешься и растянешься в калово-мочевую эмульсию. Одежда, особенно зимой, многослойная — нательное белье, кальсоны-рейтузы, а поверх ватные брюки. Быстро не наденешь — надо застегнуть, подтянуть, запахнуть пальто, прихватить сумку-портфель и лишь тогда можно кричать истошно в крошечной тьме многоочковости. Да и что толку кричать: шапки воры хорошо прятали и передавали коллегам по ремеслу. Посему поясные кабины в туалетах почти повсеместно ликвидировали. Туалетные кабины любых видов представляли для советской власти огромную идеологическую опасность: они были стендами наглядной агитации и контрпропаганды, как ни соскабливали, ни закрашивали, ни обкладывали дефицитной кафельной плиткой, они исписывались антиправительственными изречениями и мыслями вперемешку с гомосексуальными и проституционными приглашениями и половыми позами. Вожди и их кодла изображались круглыми педерастами, сосущими члены у пролетариата, сидящими на хряще любви у различных право-лево уклонов. Лозунги — плоды многомесячных партсогласований и коллективного обдумывания — коверкались в издевках непростительных. Даже такие основополагающие, шедшие от Манифеста Коммунистической партии, как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! (совокупляйтесь!)», «Под знаменем марксизма-ленинизма вперед в победе коммунизма! (мудаизма!)». Какие стихи публиковались здесь, какие куплеты, изречения, песни!

«Сейчас у нас Никита — жрем мясо из кита,
Завтра станет Микоян — зажуем из обезьян».

Целые отделы НКВД — КГБ боролись с подобным волеизлиянием масс. Когда не стало карандашей, страждущие перешли на писание углем, царапали гвоздями и осколками стекла и глиняных горшков, вырезали ножичками. Всеми средствами и путями стремилась советская власть

отучить людей пользоваться туалетами, видя в их посещении проявление свободомыслия. Поэтому и туалетная бумага появилась лишь на завершающей стадии коммунизма. Власти знали о склонности соотечественников написанное против них спускать в туалеты и с древних времен их подвергали ревизиям. Известно, что еще в 1722 году в связи с тарским делом (возмущениями крестьян-старообрядцев в Таре, что в Тобольской губернии) была проведена проверка отхожих мест по тракту Тобольск–Москва. Искали улики против раскольников. В советское время такое уничтожение улик вызывало перманентную затопляемость туалетов мелко разорванными клочками нерастворяемой бумаги.

Без туалетов все же ни туды и ни сюды, их приходится строить даже на вечной мерзлоте, долбить в ней ямы, которые к тому же сразу затягиваются наледью. Выход был найден: строить «многоэтажные» туалеты вроде бабояговских избушек на курьих ножках над горами мгновенно смерзающегося кала. В местах же, где вечная мерзлота, к сожалению, отсутствует, заполненные дерьмом туалеты трактором перемещались на новое место. Старые ямы сверху присыпались землей, куда имели склонность проваливаться неосторожные граждане, скот и техника. Во многих местах необъятного творчества туалетами служат по-прежнему, как и в глубокой древности, кусты, поля, скотные дворы, где, примостившись удобно, люди порой гибнут от ожидающих их там бандитов и раздеваются ворами. Туалетная тема нашла место в творчестве Василия Шукшина в рассказе «Мой тесть украл машину дров», где герой тещу-орденоноску за доноительство заколотил в туалете.

Многие не поверят, что именно советская власть посадила своих подданных на корточки. В подтверждение приведем описание российского туалета, сделанное в конце XVIII века японцем Дайкокуя Кодая: «Над полом в нужнике имеется сидение вроде ящика, в этом сидении вверху прорезано отверстие овальной формы, края которого закругляются и выстругиваются до полной гладкости. При нужде усаживаются поудобнее на это отверстие так, чтобы в него попадали и заднее и переднее тайное место и там оправляют нужду. Такое устройство объясняется тем, что в России штаны надеваются очень туго, так что сидеть на корточках, как делают у нас, неудобно. Для детей устраивают специально сидения пониже. В деревнях под уборными ничего не устраивается и испражнения скормливаются свиньям. А зимой кал смерзается как камень, целыми кучами, его раскалывают на куски и выбрасывают в реку». (Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., Наука. 1978. стр. 182–183).

Надо сказать, что дореволюционная Россия считала туалеты неотъемлемой частью человеческого бытия, сооружала их из обструганных, прочных плах. К примеру при строительстве Транссиба и КВЖД на всех станциях были построены добротные туалеты с дверями, закрывающимися прочными задвижками и крюками, с крышками для закрытия отверстий и для того, чтобы в них не проваливались дети. На некоторых маленьких станциях, где-нибудь в Могзоне или Хилке, они еще сохранились, правда исписанные похабщиной всех советских поколений, без крышек и задвижек. Крючки и задвижки заменены вертушками на гвоздях, что вынуждает граждан при пользовании туалетом брать с собой моток проволоки и привязывать к себе на расстоянии двери, что при коротком сидении, вестимо, ненадежно. На новых магистралях — БАМе, Сургут-Уренгое туалеты вообще не строят, а сколачивают из обзола и горбыля клетки, где в фуфло попадают занозы из дерева, и гвозди, а ежели зазеваешься, то и провалиться недолго.

Раньше в Сибири чистили туалеты пришлые китайцы, ныне — бичи, штрафники и говновозы. Так называются специальные машины с прорезиненным хоботом и бочкой. Насосами вытягивается туалетное месиво и вывозится на поля, как удобрение — бесплатный подарок от трудящихся масс колхозно-совхозному крестьянству. Шоферы-золотари с говновозок — объект неутихающей веселой молвы и потешек. Они почти все одного содержания: мама, узнав, что ее дочь дружит с говновозом, подняла скандал и запретила девушке встречаться с парнем. Он в отместку подъехал к дому, в форточку комнаты, где спала матушка просунул шланг и вылил народный сбор. Таким образом, запомоил не только несознательную даму и ее дочь, но и жителей всего дома.

В зонах туалеты чистят зашкваренные, запомоенные педерасты, их иногда называют чесоткой. Их работа — извлекать содержимое из выгребных ям и в бочках вывозить за зону. Бочки на КПП (контрольно-пропускном пункте) подвергаются шмону, тщательной проверке — промесу. Шкварота-чесотка также зимой раскалывает горы кала и смерзшейся мочи — эта работа считается западло, особенно позорной, так как при дроблении осколки летят и попадают на человека. Он при этом запомоивается навечно. Подобными смерзшимися кусками иногда помоят эков, подбрасывая их в постель. В чучекском понимании сила определяется не только мощностью организма, но и умением «срать» (оправляться) — хорошая куча показатель здоровья, так же как и высота струи. Посему туалеты в зонах обмочены на высоту, превышающую человеческий рост, стенки их одеты в бледно-желтую ледяную рубашку с

протаянными отверстиями, куда блатные и мужики вставляют бычки. Черти и педерасты и оттуда их забирают для курева. Иногда в утай, обычно на свежем настовом снегу, как на воле, так и в зонах, пишут мочой ругательства — лозунги против начальства, руководителей партии и государства. Это высшая степень презрения.

Подглядывание за оправлением взрослых в туалетах — любимое занятие детворы. Затем у некоторых это любопытство стойко сохраняется всю жизнь, наполняя ее заботой о пробивании туалетных отверстий и устройстве тайных лежаков-ходов под нужниками. Насильники и воры об этом знают и прочным захватом за половые органы оглушают жертву. Туалеты — опаснейшее для жизни человека место и прекрасное — для насилия и грабежа, цыганских спекуляций и патологий.

Важное событие в истории многоочковости произошло 23 августа 1990 года, когда жители Самары впервые в истории СССР всенародно отметили День какашки лозунгами: «Свое не воняет», «Жрать нечего, а дерьмо течет!» и песнями из цикла «Выдь на Волгу, чья вонь раздается». В это время в Жигулевское водохранилище прорвалось из Тольятти 1,5 млн. куб. м фекалий, образовавших в нем автономное экскрементное море. Оно проследовало к Каспийскому и провожалось торжественно, так как в смешавшихся фекалиях всех слоев общества наконец-то было достигнуто единство. В церемонии проводов раздавались бесплатно листки туалетной бумаги и спускались на воду кораблики — ночные горшки с букетами полыни. Хор мальчиков и девочек, часть из которых в будущем попадет непременно в пидорное сословие зон, скандировал слова известного поэта.

«И писсуар глядит на нас,
Как гипсовой богини глаз».

Под ноги для запаха сыпалась дефицитная хлорная известь, давнишнее средство для обеззараживания и отпугивания насекомых от многоочковости. Известь и здесь умудрялись умыкать — воровать, ибо она важнейшее средство для приготовления «варенки» — модной ткани, дающей песевую пестроту. (Песь — кожная болезнь, приводящая к пигментации тела).

СОВЕТЫ СТАРОГО ЗЭКА

Издавна зэки живут семьями — большими и малыми, национальными и земляческими, группируясь по мастям. Прожить одиночкой в тюрьме еще можно, а в зоне нельзя. Опасности подстерегают со всех сторон, везде ментовские и зэковские «прокладки» — все усилия направлены на твоё уничтожение и низведение тебя до стойлового состояния. К примеру, пришла, наконец, и тебе посылка, каких-то пять, но ой, как значимых килограммов. Ждешь ее, родимую, половину срока. Прикинь: вlepили десятку — это 120 месяцев, посылку имеешь право получить через 60. К этим пяти годам набегут разные ШИЗО, ПКТ — их время плюсуется для отсрочки посылки и первую получишь реально через 75 месяцев, почти к концу срока. Посылку ждешь, о ней раздумываешь, о ней знают твои друзья-семейники и тоже ждут. Из дома написали об отправлении.

Что можно вложить в пятикилограммовый ящик, где только ящик весит из-за тяжелой фанеры, планок и гвоздей около килограмма, а превышение веса на 50 граммов приводит к тому, что администрация зоны отправляет посылку назад. Наконец, завхоз сообщил, что видел твою фамилию в штабном списке. После проверок, всяких прощупываний и разрезаний-мешаний мыла с сахаром, а печенья с сапожным кремом, высыпают содержимое в твою, уже год как приготовленную сумку. Теперь надо угостить: завхоза, дневального, бугра, товарищей по работе. Остается с гулькина нос. Но без семьи и этот «нос» неохранишь — выкрадут, никто не найдет. Ежели семья крепкая, драчливая, не посмеют, побоятся крысятники, как называют казарменных воров.

Цель семейника — все нести в дом-семью и поддерживать ее существование: доставать продукты, «десятку», т. е. кастрюлю разливать, ежели вы одной семьей за стол попадаете, так, чтоб «гуща» и «мясо» в шлюмки своих шлепались, лучшие куски хлеба — горбушки, тоже своим, а в промзоне — работу блатную прибрать в «семейные» руки. Ясно же без кумеканий, что работа бывает разная: или электриком баклуши бить или без прорыва стоять у конвейера. Без семьи нельзя прожить в зоне! В бане шайку не дождешься, места на лавке не найдешь, под душ не попадешь — все заранее занято; кто моется и растирается, кто, наворовав горячей воды, нательное белье, простыни, наволочки и полотенце стирает, а кто, договорившись с пидором, его чешежопит. В ларек за продуктами пойдешь, могут обокрасть и отобрать купленные продукты. Как найдешь виновника,

когда все кругом — серота, зимой рано смеркается, да, ежели ты в очках, их сорвут и разобьют. Пока опомнишься, и след простыл. Без семьи — нельзя. Все объединяются в семьи, даже черти и пидоры. Семья — оплот зэковской жизни.

Приглашают человека в семью после долгого присматривания и совета в своем кругу. Стоит ли брать его? Что он нам принесет и даст? Не подведет ли? И потом незаметно подойдет к тебе посыльный и скажет: «Хочешь жить в нашей семье?» С семьей не пропадешь.

Некоторые большие семьи, состоящие из малолеток, вводят специальный ритуал прописки, иногда болезненный. На Урале в молодежные семьи принимают так: кладут человека на панцирную сетку, а затем укрывают сверху матрасом, и каждый член семьи бьет по нему ломом. Выходит такой семейник решетчатым, пробитый сеткой и опоясанный ломом. Случается, что потом и болеет. Все зависит от ударов.

Жизнь семейника наполняется смыслом. В семьях отмечают дни рождения друзей, своих родителей, помогают друг другу во всем. К примеру, ты стар и неповоротлив, и норму, рассчитанную на молодого, вытянуть не можешь. Что ж, в семье есть молодые, шустрые. Они подбегают к тебе, помогают, и пошла работа. Удивляется начальство, пожелавшее убить тебя работой, даже в пример другим ставит: «Смотрите, в могилу, морда, смотрит, а работает на наше светлое будущее». В ларек тоже ходят семьей — перед этим принимается решение семейного совета: столько-то хлеба взять, маргарина, конфет — глюкозы. Выделяют и на курево, и на спички. Сахар в зонах не продают, опасаясь, что зэки будут гнать из него брагу. Семья все делит по справедливости. Ежели у кого есть «дорога» на волю, то семья живет богато — с чаем, маслом, деньгами, книгами.

Семейники, общаясь, входят в положение друг друга, знают домашние дела, личные проблемы, находят поддержку со стороны и готовят волю для тех, у кого, как говорится, ни кола ни двора. Бывает, и рождаются. Пишет домой в деревню кто-либо и рассказывает, какой у него друг, знакомит с сестрой или соседкой. Завязываются отношения и переписка, а там дело порой доходит до расписки — брака. Зэку на воле не красавицу выбирать, а бабе был бы сожитель, которого значительная часть женщин не видит всю жизнь. В сибирских обычаях не принято упрекать человека зоной, особенно, если сел по малолетству.

Семьи формируются в зоне обычно по территориальному, районному признаку, например, кучкуются забайкальцы, их называют «ЗК» (Забайкальский комсомолец). Приходит новый этап, к нему подбегают и

спрашивают: «Есть ли буряты?» Это не только буряты по национальности, а все прибывшие из Бурятской АССР. «Есть ли амурцы?» — из Амурской области. «Есть ли якуты?» — из Якутской АССР. «Есть ли островитяне?» — это зэки из Сахалинской области. «Есть ли евреи?» — не спрашивают, так все знают, что евреев в Еврейской области почти нет. Здороваются, говорят о делах, рождаются, угощают друг друга. Конечно, надо быть очень осторожным — земляк может оказаться пидором и тебя запомнить. С таким лучше не связываться, ни за что потом не отмоешься.

Освобождение семейника — большое торжество и грусть. К нему готовятся заранее. Положено «дембелю» угостить и попрощаться не только с семейниками, но и с товарищами в зоне, их пригласить, с ними почирить. Приглашают зэков из других смен, тех, кто не подвел, кто помог выжить, кто спас. Угощение — чай, сладости, бацильная (калорийная) пища. Принято при дембеле, на радостях, угостить чертей и педерастов передачей специального отходного пакета. Все прощаются и после объявления по радио или специального вызова из штаба провожают счастливец к выходным воротам.

Ни при каких обстоятельствах не должны оставлять семейники друга в беде: посадили в ШИЗО, они стерегут постель и имущество и готовятся к встрече. Встреча возвращающихся из ШИЗО и ПКТ дело важное, ответственное — зэк оттуда вываливается как с того света, идет, шатаясь, озираясь, щурясь от дневного света, бледный — обезжиренный, в сплошном телесном холоде, промерзший до костей. Семейники на стреме, встречают, подбегают к дверям локальной зоны, ведут, поддерживая. Уже вскипятили чайники и готова «ванна» — пол со стоком воды. Бывает, находят и тазики. Так как тазы не полагаются зэковскому брату, то их умельцы делают из ламповых отражателей, запаивая или забивая пробками патронное отверстие. Есть мыло, мочалки. Опытный зэк заранее достанет кусок хозяйственного мыла, его просушит, чтобы медленнее мылилось и не расквашивалось. Прибывшему из ШИЗО и ПКТ — «буры-будки-бочки» положен новяк — новая одежда с ног до головы, от постельного белья до рабочего костюма. Все должно быть новое — носки, тепляк (лучшее теплое белье — китайское и венгерское), подают брюки с ремнем и новые пробитые и прокаленные сапоги; на рубахе, лепне, кителе — художественно расписанная фамилия и номер отряда. Бреешься и не узнаешь себя — из зеркала смотрит на тебя какой-то мертвец. Довели, суки!!!

Между тем, стол уже готов — сидят семейники в хорошей, не рабочей одежде, дымится эмалированная кружка с чифирем и ждет круга, тебе

положен смак, цимус — первый глоток. Затем угощают самым питательным — салом с чесноком и луком, конфетами, татары достают конский жир, кавказцы — курдючное сало, киргизы — сушеное в горах мясо, таджики и туркмены — вяленую дыню. Ежели куришь — ждет тебя табачок. И разговоры, базар за базаром, треп до ночи — в основном о событиях, случившихся в зоне. Их набирается много: «Костыль» ушел в дальняк, Колька Баламут получил накрутку, вызывали на следствие Гетмана, пришли новички, есть тебе земляки, они такие-то. Было «ЧП»: знаешь Колчака? так его пришибло кипятильником — включил, да так шарахнуло-бабахнуло, что сразу в аут и до конца. Разговоры, разговоры.

Ни с чем не сравнима чистая зэковская постель после ШИЗО — в нее проваливаешься, как в сказку детства, засыпаешь не сразу, зарывшись с головой в одеяло и думаешь: «Не забыли; хорошие, добрые у меня семейники». Засыпаешь без злости даже на ментов-истязателей и с добром и радостью за человека.

На следующий день выясняется, что ты и не подозреваешь, сколько у тебя корешей: подходят, поздравляют с выходом, матерят начальство, угощают, суют в карманы конфеты и ломтики сала. Скажу, наперекор всем социологам и авторам многих лагерных воспоминаний — неистребимо сочувствие и сострадание в человеке, несмотря на все усилия коммуныг его истребить. Конечно, любые насильственные скручивания редко делают людей друзьями. Но все же мы знаем дружбы, начавшиеся в лагере и продолжавшиеся всю жизнь, многие зэчки по переписке сходятся с зэками и получают стойкие браки, в которых растут дружные дети. Ефросинья Антоновна Кереновская в «Великом постриге», на мой взгляд, все же ошибается, когда пишет: «В лагере не может быть друзей. Некоторым людям я очень благодарна — они там спасли мне и другим жизнь. Но дружба — это другое. Это полное доверие друг к другу. А вот этого никто себе позволить не мог. Ложью и предательством пронизана вся лагерная жизнь».

Пожалуй, на эти утверждения накладывается то обстоятельство, что в женских зонах, как правило, семьи не складываются прочно, ибо там часты дразги, склоки, брань. Об этом менты пишут следующее: «Чувство дружбы в местах лишения свободы у осужденных женщин несколько деформировано; они открыто подчеркивают недостатки и ошибки других, стараясь представить перед администрацией с лучшей стороны себя. Малые группы женских ИТК легко создаются, но так же и легко распадаются. Причиной этому является „утечка информации“, которой обмениваются женщины в процессе общения. Раздоры, сплетни, частые,

порой беспричинные конфликты заканчиваются иногда драками и даже преступлениями». (Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными. Под редакцией Ю. В. Гербеева. МВД. Рязанская высшая школа. 1985. С. 299.). Семейники живут в самоконтроле, поддерживают друг друга, охраняют себя от соперничающих групп. Столкновения ведь часто бывают и со смертельным исходом. Ненавидит зоновское начальство крепкие семейные группы и старается всеми способами их разбить — переводит в другие отряды, разбрасывает по сменам и участкам. Но семьи связаны друг с другом преемственно и ценят тех, кто может в них жить. К такому вскоре подойдет и скажут: «Хочешь жить в нашей семье?»

Вся эковская жизнь пропитана ритуалами. Если знаешь правила и блюдешь закон, не пропадешь, выживешь. Менты бросили тебя в камеру, стоишь с барахлом и сидором у двери, ждешь, бывает, и целый день, пока на тебя обратит внимание пахан. Он вызовет тебя и спросит: «Кто ты и по какой статье идешь? Бывал ли раньше в командировках?» Отвечаешь, рассказываешь. Если был в командировках, то есть уже сидел, то где и кем жил — блатным вором, мужиком, чертом, лидером. Спрашивает у присутствующих, знают ли его и кого он знает. По туалетным, трубным и прочим телефонам сообщают: «В нашу хату прибыл Рысь (кликуха)». Несутся известия — мужик ништяк, свой в доску. Отзывы хорошие, ксивы-характеристики дают стоящие сведения: человек надежный, не подсадная утка. Только тогда дается ему постоянное место — стойло, определяется, где сидеть — за столом или на шконке, где спать, на какой шконке. Пахан, установив, что ты не пидор или черт, приглашает на кровать и там начинается задушевная беседа. При этом надо говорить только правду, не врать, ибо, скрыв масть, ты можешь подвести всю хату — ее опомоить. При раскрытии обмана — суд жестокий, избиение до полусмерти и отмывание от соприкосновения, что стали практиковать недавно. Камера в этом случае моется, стол скоблится стеклом до белизны, а обманувшего, ежели он черт, запомоивают в пидоры.

Любой разброс камеры, отряда, смены, зоны — глубокая душевная травма для заключенных. К камере прирастают, обзаводятся собеседником, возникают местные «хатные» интересы и даже проводятся соревнования с другими камерами. Камерник, куда бы его ни вызывали, должен думать о хате, ее обитателях, даже педерастах. Вызвал «следак» — следователь и предложил сигареты — хоть не куришь, не отказывайся, возьми, пригодятся сокамерникам. Бычки, где можешь, собирай, складывай — все пойдет в дело, табак для многих дороже золота, ведь курят же лавровый лист, проникотиненные карманы и ногти, табачную пыль для курения

смачивают и сушат шариками под лампочкой. Сладостно вспоминают ээки автобусные остановки и вокзалы, забитые окурками-бычками. Мечтают: вот бы на часок туда, там бычков навалом, набрать бы и накуриться.

Оставили тебя менты стоять в коридоре, а там бочки с килькой и хамсой — не теряйся, набери в карманы, рукава. Знай, если хата сытая, то она бесскандальная. Главный враг человека — человек, живя без скандалов и драк, сам веселеешь.

В камерах паханы заставляют чертей и педерастов наводить чистоту, мужикам и блатным такое дело запаadlo. Уничтожают часть клопов, ремонтируют разными подтяжками вечнотекущие краны; уменьшают смачиванием скрип половиц, делают заначки и проводят камерные торжества — дни рождения паханов, блатных, мужиков в авторитете и даже годовщины ломания целок пидорам. Могут отметить день получения кликухи. Отмечают, но как-то со скорбью, Новый год. В камерах еще ничего, а вот в карцерах, ШИЗО и ПКТ его отмечать тягостно. К убийственному состоянию примешивается полная отрешенность и тоска, сознание никчемности жизни, злость на судьбу-злодейку. Менты на Новый год за карцерами усиленно наблюдают, так как многие ээки в это время расстаются с жизнью, обычно вешаются. В ШИЗО в Новый год администрация стремится сгрудить ээков и не оставлять по одному человеку в камере. Ежели повесится, то ответственность падет на сидевших с ним, будут таскать, требовать, чтобы подписали бумагу, якобы они виноваты, довели человека.

Зэку, идущему в дальняк (лагерь с тюремным, строгим, усиленным, а то и общим режимом, расположенный вдали от родных мест) полагается готовиться основательно, запастись теплой одеждой, наволочками, носками, майками, достаточным запасом табака, глюкозы, мыла, зубного порошка. В долгой дороге, в пересылках, в сплошной изоляции все сгодится. Идущему в дальняк вся камера помогает, меняют одежду на более теплую и прочную, надшивают, потрошат меховые шапки на верхонки — теплые рукавицы, их обшивают, обтягивают материалом, чтобы не заметили менты. То же самое делают с носками и обувью — сапогами, которые внутри обшиваются мехом и говорят: «Они у меня со смехом». Кирзовые сапоги солдатского покроя и рукавицы относятся к рабочей одежде и их можно проносить в зону. Под обшивкой можно сохранить и меховую шапку, сделав ее похожей на ээковскую. Опытные ээки обвязывают сидора-мешки, вшивая в них свитера, а потом в зонах их распускают и вяжут тепляк и носки. Старый, скрученный сроками зэк никогда «не лається» из-за тряпок, ибо знает, что при распределении и ему

достанется, если у него дальняк. Человеку, намеренному (если таковые бывают) провести жизнь в тюрьмах и зонах, надо с детства научиться хорошо шить, вязать, штопать, сучить дратву, уметь делать заначки в теле и одежде.

Попадая в ШИЗО и ПКТ, обязательно встретишь там долго сидящих, и по установленным издавна правилам полагается в первый день пребывания не прикасаться к пайке и пище — она идет тем, кто уже живет здесь. Так же поступают, «выписываясь» из камеры — в этот день не едят, оставляя пищу тем, кто продолжает отсидку.

Зачастую бывает: ждешь выписки, сидишь голодный в усмерть, а тебе срок добавляют, и получается два дня пролетных. Опытные зэки чувствуют, когда их «снимут в бочку» — они начеку: надевают майку, пропитанную конфетным раствором и высушенную загодя. В долгой отсидке каждая грамулька сладости придает силу и освежает мозги. В закрытые швы натальной одежды набивается табачок, тырятся бумажки с ластиком — стержнем от авторучки. Знатоки камер никогда не оденут двойные носки, они не полагаются по правилам нахождения в ШИЗО, а носят под носками скрытые подследки — эдакие шерстяные полуноски, на которые сверху надеваются носки. Мент, отвернув носки, подследки не замечает. Под пятки приклеивается табачок или чифирная выгонка. При любом шмоне можно кое-что пронести. Если удастся в камеру затянуть лишнюю одежду, то спасете много здоровья и калорий, ничто их так не пожирает, как холод. При выходе из ШИЗО берут у сокамерников самую плохую одежду. Ругаются менты: «Не может быть, чтобы ты сидел почти голяком, подох бы, вроде одетым выходил?» — «Гражданин начальник, таким и был при выходе, ничего не дали с собой из натального белья, говорят — не положено». Радуйся, что твое натальное белье носится сейчас в ШИЗО и согревает сокамерников.

Тюремный карцер — живая могила: холод, голод, сырость, сквозняк и все это скопом валится на зэка. Опытный зэк, получив постановку в карцер, не торопится замуроваться в яму, а требует одежду. Он скандалит, подбирает надевку попрочнее и попросторнее, с карманами и со всеми пуговицами — ненароком что-нибудь удастся стащить у зазевавшегося коменданта кладовой, такого же зэка, но получившего покровительство от ментов. В карцере все пригодится: бумажка, гайка, гвоздик. Особенно тщательно следует подбирать чивильботы. Это обрубленные на сгибе валенки — пропотевшие, холодные, мокрые. Они так натирают ноги, что образуются кровавые рубцы, которые в тюрьме из-за отсутствия света не заживают.

Неопытный по водворении в карцер начинает бегать, шататься маятником от стены до стены — согреться, считать шаги и в конце концов на третьи-четвертые сутки ослабеет, заохлодеет. Прожженный зэк начнет с того, что определит, послуныив палец, есть ли в карцере сквозняк, топится ли батарея. Оторвет лишние, ненужные карманы (в карцере зачем они) и обшлага и ими законопатит дующие щели, затем заштопает, затянет завязками, обкрутками все прорехи в одежде, чтобы тельное тепло не выходило наружу. Потом прижмется к батарее, если она греет мало-мальски (в сибирских условиях поэтому карцер зимой лучше, чем летом, весной и осенью, когда нет отопления) и будет в таком состоянии мотать срок, раздумывать, «гнать», вспоминать, а то и про себя напевать, если знает песни, и придумывать рассказы. Зная азбуку Морзе, можно осторожно перестукиваясь, сообщить друзьям о том, что находишься в карцере. Они могут подумать, что перевели в другую хату или выдернули в этап. Потихоньку, по щепотке, где корочку, косточку сэкономишь и в «летний» день не съешь, все сгодится в голоде, в нелетный день.

Есть на Руси такие типы зэков, которые выдвигают свои требования к администрации, идут только в те хаты, которые им нужны для встречи с друзьями. В другие камеры не идут, их и держат в карцерах до посинения. Представляете, добиваются «льгот»! Дело в том, что они замедляют своим упрямством оборот — посещаемость карцеров. Можно понять гнев начальства — в тюрьме две тысячи гавриков, а карцеров всего два десятка. Многие ждут не дождутся очереди попасть туда, а тут находятся «сволочи-любители», которые их незаслуженно заполняют. По карцерам, как положено со времен Ленина, существует у коммунаг строгая отчетность и она должна впечатлять неуклонным ростом. Это впечатление — важный показатель тюремной деятельности.

Интуиция подсказывает бывалому зэку: совершил наказуемое деяние, видишь менты насели, пускаться в бега бесполезно, готовься к отсидке — командировке. Пока на подозрении, сходи к гадалке. Они говорят почти всегда правду, гадая на картах, на кофейной гуще, чаинках, есть предсказатели по расплавленному воску и свинцу. В Новосибирске на улице Автогенной проживала баба Маня — та давала по картам дельные советы: как вести себя со следователем, как на суде, какой срок тебе вкатят, где будешь сидеть и уйдет ли от тебя баба. Плата за совет три-пять рублей, а успокоения и ясности за сотенную. Сколько лет отсидки получишь, можешь и сам определить. Возьми спичку, ее подожги и сгоревшую, скрученную пламенем, положи на бугорок ладони внизу большого пальца.

Затем от другой руки приложи валетом тот же бугорок и поверни ладонь так, чтобы пальцы рук совпали. Спичка раскрошится и будет на руке цифра срока. Это один из самых верных и старинных способов.

Схватить могут в любой момент, в любом месте — закрути деньги и вложи их в простые брюки, ни в коем случае не надевай штаны из военной ткани — не пропустят и снимут при шмоне перед входом в тюрьму. Обувь найди с супинаторами — хороша в этом случае обувь чешская «батеvская» и югославская — там супинаторы стальные. Пронесешь такую обувь в камеры — отличные заточки получаются, ступики. Надо в камере и хлеб по-настоящему, не ниткой, не отточенной ложкой, порезать, да мало ли еще что, без ступика не обойдешься. Хорошим ступиком даже бреются. Резина от каблуков и подошв такой обуви дает отличную копоть, идущую на краски для партаков-наколов. Мойки — безопасные бритвочки следует вшивать в шапки, фуражки. Чтобы на суде выглядеть по-человечески, надо заранее об этом подумать, так как в тюрьмах не бреют, а стригут машинками, как шерсть у баранов, ими же стригут не только бороды, но и под мышками, а то и срамные места — «помоют заранее». На супинаторы обувь проверяют, каблуки отрывают, но все найти невозможно, мойки и иголки хорошо проносятся в сырой резине, приваренной к подошвам. Пройдись, где только сможешь, легкой нашивкой крепкой капроновой нити по швам — в долгом сидении ее вытянешь из одежды и она пригодится при ремонте. В тюрьмах иголки и нитки (нарезанные по 20 сантиметров) дают только на время, их не хватает, за них дерутся. А ушивать приходится многое — человек худеет — брюки спадают, ремни нельзя носить, а давно примечено, если жизнь ломается, то и все остальное рвется. Стремись перед арестом ходить в такой одежде, в которой и в зоне можешь появиться — в советском народном костюме XX века — в фуфайке, кирзовых сапогах, пробитых медными гвоздями и хорошо прогуталиненными, не пропускающих сырость, черном тепляке (можешь сам выкрасить — черной краски хватает при социализме) и сине-черной простой рубахе. В фуфайку можно вшить чай, наточить конфет и в них (втырить) лекарства от тех недугов, которыми страдаешь. Хорошо иметь запасные очки и слуховые аппараты — человек при аресте, как бы сходит с ума и часто теряет очки, а это плохая примета — без глаз и на свободе не сладко. В тюрьмах и зоне никто тебе очки не предоставит.

Знатоки еще натолкают в карманы зубки чеснока, рассыпят перец-горошек. Дело здесь в том, что к эковской пище — баланде нужна привычка. Хряпать ее с воли не в силах даже бывалые, от нее тошнит и воротит. Чеснок и перец, развивая аппетит, помогут преодолеть

отвращение. Зэк — не враг своему здоровью. К тому же сок чесночный хорошо клеит даже стекло.

Все заботы брось и приведи в порядок зубы — в тюрьмах их не лечат, не ставят пломбы, а выдирают. Знаменитая на всю Сибирь Галина Евгеньевна, врач-стоматолог Новосибирской тюрьмы, бывает, войдет в азарт — до сотни зубов в день выбрасывает. Рука у нее сильная — любые зубы летят, как брызги, как здоровые, так и больные, кариесные. Она удаленные зубы использует: для творчества, ими рисует, выкладывает на досуге портреты любимых людей — Ленина, Дзержинского, Буденного. Ими, по рассказам, у нее отделана прихожая в квартире.

Приготовься заранее к теплому врачебному отношению в тюрьмах, где любой врач будет тебя хлестать по морде, пианистка (работница дактилоскопического кабинета) — пинать под задницу, надзиратель — хлестать и пускать гуськом с задранными за затылок руками. На то и тюрьма...

Тюрьму совместно с зоной недаром называют длительной командировкой. Настоящие командировщики туда, куда их направляют, сами переводят деньги, не надеясь на родственников, жен и знакомых. Деньги в людских отношениях — тонкая материя, люди их любят и могут забыть отправить и даже прикарманить, узнав о вашем большом сроке. Подумают: он там окочурится, зачем ему переводить зря. Позаботься о том, чтобы как можно большую сумму перевели на твой тюремный адрес. Деньги твоего счета помогут сильно. Тюремные деньги в отличие от зональных имеют важную особенность — они ходят по этапам с тобой, переводятся на счет в зону, по ним можно отовариться в лагерном ларьке, ими можно заплатить за зэковскую одежду, выписать на них газеты и журналы. Дело в том, что в зоне ты не зарабатываешь даже на питание, а без денег могут и в семью не взять. Кому нужен такой, который не отоваривается? Рассчитывать на заработок в зоне смешно — половина идет «хозяину», а с остальной части вычитается на питание, одежду, алименты и прочие услуги, даруемые тебе администрацией и любимым государством.

В зонах отечества до четверти зэков вообще не могут получить работу даже за взятку, так как ее просто-напросто нет. На воле приходится завозить на предприятия вьетнамцев, болгар, кубинцев, на подходе китайцы. Получается, чтобы оплатить только лагерную одежду, приходится работать, годами жить на положняке, без отоварки. Надо учитывать, что над каждым зэком в зоне висит веер «прокладок», например, испортилось оборудование — считают, что сломали специально, чтобы не вкалывать, и это рассматривается, как вредительство. Могут возбудить уголовное дело.

Чтобы его не было, плати простой, рассчитывайся за брак. Так что деньги здесь очень нужны. Деньги со своего счета можешь перегнуть на волю родителям, которые их используют для тебя же. Чтобы сносно прозябать в командировках, надо заранее на них заработать.

...Бывает, что и в зоне при наличии конфет и дрожжей заводят брагу, используя любые емкости — резиновые сапоги, порожние огнетушители, полые станины производственного оборудования. Умудряются ее заводить даже в воротах локальных зон. Каким образом? Стойки ворот изготавливаются из цельнометаллических труб, в них просверливается потихоньку несколько отверстий или прожигается сваркой, затем в нижнее вливается парафин, чтобы добро не уходило в землю, а в верхнее отверстие заливают сироп с дрожжевой начинкой, бросают для крепости и балдежа табачок, медный купорос. Говорится же — голь на выдумки хитра! В зону спиртнапитки заносятся расконвоем и вольняшками. Еще до антиалкогольной компании бутылка водки стоила сто и более рублей. Спирт наливают в сапоги, им пропитывают прокладки, заготовки, идущие в зону, которые затем выжимаются; используют двойные презервативы (один в один), к которым приматывается трубка-шланг. Это приспособление затем пропихивается в желудок, туда закачивается водка и так, зубами и животом, проносится. Способ очень опасный, так как желудочная кислота может растворить даже двойную стенку презерватива, может оборваться сцепление. Менты этот способ проноса знают, подозрительных бьют по животу и заставляют раскрывать рот. Более надежно проносят спиртное педерасты, используя фуфло, куда загоняют спиртовые цилиндрики. Вольные проносят спирт в сосудах, имитированных под папки, книги, прячут в столовских замороженных тушах, в бочках с соленой капустой. Сколько мозгов — столько и способов проноса. При обнаружении проноса спиртнапитков в зону расконвойному зэку уготовано ПКТ сроком на полгода, а вольного увольняют с работы и лишают права работать с заключенными.

Люди, думающие о будущем, не относятся презрительно к ментам, а стремятся завоевать их уважение и почтение, договариваются о связях, оказывают им помощь в повседневной жизни. Не как соучастники и доносчики, а как товарищи. Любой мент от цветного рядового до начальника тюрьмы и зоны может многое сделать для облегчения участи твоей и твоих дружков. Будешь сидеть в привилегированной камере или со спокойными интеллигентными сокамерниками, а не с разной шоблой. В зону тебя отправят местную, могут и при тюрьме оставить, где будет встреча с родственниками и скорое УДО. Знай, самыми богатыми и

влиятельными людьми в СССР являются начальники зон, они располагают самым ценным материалом — тысячами человеческих судеб — безропотных, рабских, готовых на все за пайку, шлюмку баланды, смягчение режима. На все.

В семье Дерябиных, преподавателей Курганского сельскохозяйственного института уродился непутевый сынок Вячеслав. Рос красивым, рослым, но в драке потерял глаз, который сохранили, но видеть он им не стал. Проказник во всем, до пятнадцати лет еще удавалось держать в руках, далее все прогнозы говорили, что тюрьмы ему не миновать. Отец и мать стали заводить знакомства в Курганском УВД, посетили окрестные зоны — на станциях Просвет и Иковке. Некоторые отрядники и работники УВД поступили при их содействии в институт. Пока родители заводили связи, сын действовал. Таких, как он, набралось в Кургане несколько сотен — парни и девушки, встречаясь, решили поставить город «на уши». В один час в магазинах закупили синие рубахи старого покроя, которые много лет думали списывать, но все не решались, ожидая указаний сверху. В это же время с помощью трафаретов на сотне красных галстуков была нарисована фашистская свастика. В миг, достав галстуки из карманов, повязали их на рукава и 20 апреля, в день рождения Адольфа Гитлера, хмурыми колоннами вышли на центральную часть города. Прохожие шарахались, пока власти соображали и искали пожарные машины, прошло много времени. Роль Адольфа сыграл тринадцатилетний пацан, он взобрался на трибуну, поднял руку в цезаревском приветствии, с криками «хайль!» принял парад и растворился в колоннах, свернувших в боковые улицы. Галстуки быстро спрятали.

Город оказался в панике, в слухах. Во главе одной из колонн видели сына секретаря обкома КПСС Князева. Считали, что манифестацию организовали панки-фашисты, поклонники Адика. Ребята пребывали в эйфорическом восторге — они доказали, что их действия внушают обывателям страх.

Прошло несколько месяцев. На этот раз скупили залежалые черные, из кожзаменителя куртки. Взяв их под мышки, пришли на рынок, купили цветов, затем, разобравшись по пятеркам, в строгом молчании двинулись в центр города. Милиция не могла понять, куда это они идут с букетами цветов, вроде, к памятнику В. И. Ленина. Прохожие стояли в недоумении. А колонна, держа цветы, как факелы, перед памятником опустила их вниз, угрюмо прошла под распростертой рукой вождя, не испытав ни малейшего желания положить даже веточку. Она двинулась на старое кладбище, где были похоронены участники белого движения. В советское время их

могилы превратили в свалку, завалили нечистотами и металлическим ломом. Там юноши торжественно, молча уложили букеты цветов буквами «РОА» — Российская Освободительная Армия. В конце концов власти приступили к репрессиям — «отца» исполнителя роли фюрера исключили из рядов КПСС и выгнали с работы, а многим парням придумали уголовные дела. Для отвода глаз сына секретаря обкома отправили подлечиться в психбольницу, а Вячеславу Дерябину организовали «кражу с проникновением». Он получил три года лишения свободы в лагере общего режима.

В зоне на станции Просвет, о которой зэки поют: «На Просвете без просвета комарье кружится», молодой вор попадает в руки знакомых и приятелей. Отряд у него лучший, работа не пыльная — контролер, раз в неделю вызывают его в оперчасть: для подкормки продуктами от родителей. Несмотря на частые нарушения режима, ни одного ШИЗО. Даже тогда, когда он все же получает выговор, его тут же приказом начальника зоны полковника Б. А. Архипова снимают. Дерябе (кликуха) и такая жизнь, конечно, не по нутру, но все же не то, что терпят остальные. Когда он пожелает, тогда заболевает, денег на счету у него хватает, передачи частые, книги и газеты выписывает любые. Услышав эту историю, писатель Юрий Рытхэу сказал: «Умные родители учли и провели через превратности судьбы свое любимое чадо».

Бедные родители собирают по крохам продукты и теплую одежду для родного зэка, едут за тысячи верст из Орска в Улан-Удэ, из Киева в Сусуман, что в Магаданской области — земли отдаленные и труднодоступные, свидание сроком на один день — чтобы своими глазами увидеть, подбодрить, поговорить, может быть, в последний раз. Сроки для родных идут медленно, они быстро катятся только для чужих и ментов, посторонних людей, восклицających: «Ба, да ты, говорят, сидел, а я даже не заметил».

Дадим некоторые советы уезжающим на свиданку. Продукты берите привычные для зэковских желудков, а то наберут дефициту — сгущенного молока, шоколада, винограда. Зэк от радости «напорется» до отвала, а потом уж в зоне желудочные боли, непредвиденные расстройства. Они и для других накладны, так как в зоновский туалет входят в порядке живой очереди. Из теплых вещей обязательно следует взять валенки и утепленные рабочие ботинки, ибо зэк всегда обменяет тепляк на нужные ему вещи и продукты. Для передачи хорошо брать электробритвы, электрочайники и кипятильники, их разрешается использовать для личных нужд. Всегда необходим черный сапожный крем — начищенные сапоги лучше держат

тепло и не пропускают влагу — бич зэковских ног, всевозможные мази, эластичные бинты и рабочие рукавицы. Опыт подсказывает: для родного надо взять самое нужное, а подарки, деньги, дефицит приберечь для зоновского начальства и работающих там вольняшек. Начальством для зэка является любой не зэк. Преподносить подарки надо втихомолку, не говоря при этом зэку: мол, мой, из такого-то отряда, часто мне пишет о вас хорошее и благодарит за то, что вы ему помогаете встать на путь исправления. Мой говорит, что уже твердо встал на него и сейчас уже делом доказывает свое исправление. Ежели вы с Южного Урала, прихватите с собой оренбургский пуховый платок, из Киева — домашней колбаски, залитой смальцем в глиняном горшке с Бессарабского рынка, из Иркутска, скажем, бусы чароитовые и нефритовые. Тюмень — столица деревень, может порадовать сердце мента ряпушкой копченой и пелядкой соленой. Охочи до них работники лагерей и тюрем, любят и соленую семгу с водочкой. Работают они во имя интересов государства и общества в местах отдаленных и с контингентом не ахти каким, мало уважающим моральный кодекс коммунизма, а не только ради льгот или из страха. Но все равно подарочки окажут хорошее воздействие — исчезнут придирки, работа для зэка со временем подыщется непыльная. За крупную взятку, возможно, будет большой скосяк — УДО, направление в колонию-поселение или перевод на химию, в худшем случае — расконвой. Еще лучше, надежнее взятка «натурой» — ежели вы симпатичны, с хорошей фигурой и в привлекательном возрасте, умеете строить глазки и живете без особых принципов. Возьмите с собой на свидание презервативы из расчета не только на мужа-зэка, но и на славных офицеров МВД. Войдите в их положение: не жизнь, а сплошная скука, работа по перевоспитанию уголовных может увлечь только молодых выпускников школ и училищ. Выпить хорошо и переспать смачно — смысл всего охранно-воспитательного бытия. С выпивкой дело обстоит нормально — все пьют и собутыльников уйма. Но вот с кем переспать в каких-нибудь Карабулах? Все бабы и биксы на учете и распределены, как колхозно-совхозные картофельные поля по городским организациям. Бабий свежак идет только с зэковских свиданок. Ушлые бабенки это знают и, удлиняя свидание с мужиком, прихватывают офицерские объятия. Грани стираются: муж жене рад с голодухи, мент от скуки — сплошной коллективизм и родственные отношения. Похлопает офицер-мент зэка и скажет: «Хороша твоя баба, умница!» Гадает зэк: откуда у его бабы ум прибавился — видно его командировка повлияла, самой приходится по жизни крутиться, договариваться. Научилась — однодневное свидание продлила аж до трех

суток. И засыпает бедолага, убаюканный встречей, рассказами, новостями, сытостью желудка и половых гормонов.

В местах, где сидит «твой», следует завести знакомства, иметь людей, у которых можно переночевать. Об этих местах-приютах менты знают и содержат их люди, им доверенные. Там надо быть осторожным, особенно по части языка. Язык — первый враг зэка. Добираться во многие уральские и сибирские зоны тяжело, дорого и долго — много пересадок, редкий транспорт. Водителям государственных организаций запрещается брать попутчиков, надо договариваться с частниками и платить им много. В общественных автобусах кассиры дают билеты незнакомым на плохие места, хорошо, если втиснешься, а там, будь ты старый или инвалид, места не уступят. Считается, что родители, жены, близкие зэков — не люди. Кричат: «Не уступай этой старой карге место, она едет в Харюзовку (лагерь в Иланском районе Красноярского края) к своему урке. Родила преступника, небось, убийцу или вора, а хочет всеми благами настоящего человека пользоваться». В мате, плевках, пинках, унижениях едут, бредут, добираются до свиданок.

В дальняк везут «Столыпинскими» и дают паек в расчете на сутки — булку хлеба, двадцать граммов сахара и несколько килек. Кильку советуем не брать, а попросить хлебной или сахарной замены. В вагоне затруднения с водой, «набухаешься» кильки и будет невмочь, пить захочешь, потянет на малую оправку. Без кильки можно обойтись, лучше хлеб сахарком посыпать и водой смочить, не будешь прыгать и воду просить у конвоя, нервы сбережешь и настроение будет не в упадке, как говорят, физиономия не будет иссушать мозги и стягивать зубы. Зэки разобщены, сгрудили их из разных возрастов, наций, рас, вероисповеданий и объединяет их только смерть. В следственных камерах, где сидят с уголовными деяниями, попадающими под вышак, особая атмосфера. Вышак — самый спокойный класс зэков, ждущий и ощущающий уход из сего бренного мира. Зэки безропотно отдают вышаку лучшую одежду, угощают из передач самыми калорийными и вкусными продуктами, а на суд собирают и пакует всем, чем богаты. Понимают, что видятся в последний раз — собирают табачок, чай, конфеты, чеснок. Договариваются о том, как сообщить о результатах суда, где написать и отметить. Если по приговору значится исключительная мера наказания — расстрел, то приговоренного переводят в одиночные смертные камеры. Там коротают они дни между жизнью и смертью.

Все объять невозможно, как говорил Козьма Прутков, но о ШИЗО стоит поговорить. ШИЗО — наказание серьезное, мучительное, но такова психика человека, что иногда многолюдство, гам, казармы и спины, спины,

спины вызывают такую раздраженность, что необходимо от этого отдохнуть. Как это осуществить в зоне? В больницу попасть — нужны связи, надо комиссии проходить и в доходяги записываться. Остается единственный выход — попасть в ШИЗО. Когда хочешь, не всегда удается. Наконец, напросился, повели. Камеры ШИЗО в своей зоне эки знают: какие теплые, какие холодные, где пол в сучках, а откидная на ночь кровать в железных полосах и выступающих острых болтах. Попадая в штрафной изолятор, просят: «Гражданин начальник, загони в 16-ю, там не так будет больно бокам и теплее чем в 18-й?» ДПНК усмехается, направляет в 18-ю камеру. Ура, этого и надо! Камера холодная, но без сквозняка и в ней уже на отсидке трое, все свои мужики. Спать будем кругляк, то есть полные сутки. Один днем стоит на вассаре, загораживает пику и ведет бесконечные разговоры с коридорным. Он просит поднять температуру, включить калорифер, просит курева, слушает, кто ушел и пришел, короче — канючит, выпрашивает. В это время сокамерники дрыхнут в клумбе (спать в ШИЗО от подъема до отбоя запрещается). В разных зонах этот способ спанья называют по-разному: «спать розой», «в цветке». Так спят только блатные и мужики, иногда допускают чистых и не опаршивевших чертей. Педерастам не положено спать в клумбе. Хорошо спится в розе малорослым, а также обладателям просторной одежды. Прижимаются друг к другу, обнимая спину и опуская голову в живот товарища, сверху запахиваются одеждой. Сибиряки знают, что холод прежде всего проникает через спину и поэтому охотники всегда спят по-тунгусски, на спине, прикрывая ее «мясом» живота. Через определенное время, устав, с одного бока по команде переворачиваются на другой. Опытные это делают спросонья, не просыпаясь вполне, и заолодевшие снаружи клумбы спины согревают переворотом. Так можно спать сутками и «хорошо отдохнуть в ШИЗО». Тяжелее приходится педерастам, они обязаны сидеть у параши или на ее крышке. Параши бывают разные, в последнее время пошли неудобные, их делают из обрезков манессмановских труб. Они тяжелые и крышки с приваренными сверху ручками — совсем пидорам сидеть плохо.

Клумбы — пример эковской солидарности и сплочения. Клумбники, проводя время в эмбриональной позе спячки, становятся близкими людьми. При сильных холодах клумбы многих спасают от верной смерти. Действуют тут по примеру таежников-охотников, попавших в студеную воду — зимой в наледи, осенью или весной провалившихся в «сало» или под лед. Охотники обычно раздеваются догола, одежду, спички сушат телом внутри, сами крутятся, как струи в речном водовороте. Просушив одежду, ее одевают и затем разжигают костер и делают шалаш. Эки также

поступают — раздеваются, обнимаются, половину одежды расстилают на полу, другой покрываются сверху. Весь теплый воздух из легких направляют внутрь клумбового мешка. Так спят и кемарят в долгие дни ШИЗО.

Важнейшее качество зэка — держать язык за зубами, или, выражаясь по фене, хайло за пазухой. Отвечать на вопросы надо последним, продумывая каждое слово, еще лучше — промолчать и не вступать в треп. Старики-зэки обычно молчат, завалившись на шконку, и читают, разглядывают картинки, прикинувшись неслышавшими и не знающими. Слово ранит, оскорбляет, возмущает, особенно когда ему нет выхода и сидишь в бочке — камере. Правило зэка — жить без оценок, не осуждать и не выдавать знаемое. Зэковские нравы сродни буре, переменчивы — сейчас он разламывает с тобой пайку, друг закадычный, через минуту из-за единого слова — кровный враг. Нервы у зэков всегда на взводе, на истощении, все живут во многих мирах — судебных, воображаемых вольных, и здешнем — реальном. Глубина оскорбления несоизмерима с обидами на воле, там можно уйти и промолчать, здесь нельзя, не положено, надо ответить.

Как-то завели глупое ботало — разговор на тему, любимую лагерниками — о педерастах. Стали вспоминать их кликухи и национальности, пристали и ко мне, спросив: «Как ты думаешь, есть ли пидоры среди твоей нации». Подумав, я отвечал: «Конечно, братцы, есть, только по этой части я профан». «Правильно, — закричали, — мы знаем пидора Вульфа в Толмачевской зоне». Стали перебирать всех известных пидоров от Анадыря до Астрахани, от Кушки до Харасавея, разбирать их достоинства и качества. Один из спорщиков скоропалительно произнес: «Я был в Узени, что на Мангышлаке, там был пидор — грузин, такой хороший, пай-мальчик». При этих словах вдруг вскакивает другой и бьет его наотмашь. Насилу тот болтун очухался. Грузин Чубабрия, сидевший по 117 УК РСФСР за участие в групповом изнасиловании, стал, отдышавшись, говорить: «Педерасты есть среди всех других национальностей, кроме грузин. Он оскорбил своими словами весь грузинский народ и поэтому я его чуть не убил. Падло, если еще раз раскроет свою пасть, я его примочу. Знай, среди грузин педерастов нет, не было и не будет. Мы, как узнаем о таковых, тотчас сразу убиваем». Ночью на Чубабрия набросили удавку, изнасиловали. Очнувшись, он пытался повеситься, но ему не дали, перевели в другую хату. Срок свой он добил среди педерастов в Убинской зоне, как и положено осужденному по статье за изнасилование. Так что слова надо знать, где произносить, будь ты хоть тысячу раз прав. Даже

опытные, бывалые зэки и те дорого расплачиваются за не к месту сказанное.

В камерах желательно не играть в карты и другие игры. Зэк иногда рассчитывает на свои силы, но в камере они иссякают. К примеру идет игра в карты на приседание. При мне один юноша проиграл три сотни приседаний. Ерунда вроде бы? Но по правилам триста присядок — с опусканием тела до пола и выпрямлением в полный рост — оказалось для него невыполнимыми. Дошел до 270 и упал: проиграл фуфло, стал пидором. Наберись стойкости, не играй, прикинься лучше дураком. Будут уговаривать, приставать, держись, не поддавайся, говорит тебе старый зэк.

РЕСНИЦЫ ДОБРОГО ДРАКОНА

Жаль, конечно, что добрый дракон, из ресниц которого по преданию появились чаинки, не родился человеком. Чай — жизнь советских лагерей, ее духовное наполнение и главный поставщик витаминов в обессиленное тело зэка. Этот поставщик — чай грузинский. Все другие чаи как в зоне, так, впрочем, и на воле, увы, кулинарно-ботаническая редкость. В ожидании ареста будущий зэк вшивает чай в фуфайку, рассыпая его в вате, хоронит в шапке, перестегивая ее, в обшлага рукавов, в ремни, каблуки, в резинки трусов. Мастера делают из чая черное, как смоль варево, которым пропитывают рубашки и майки. Как только новичок появится за решеткой, первым долгом подлетают к нему и спрашивают: «Принес ли чай?» В зонах и тюрьмах только и разговоров — где можно и через кого подтянуть плитку чая. Есть ли чай у баландеров, продается ли в тюрьме дубаками, на что он сейчас обменивается в бане и прожарке?

Чай — это живительный кофеин — кровь чифириста. Зэк так к нему привыкает, что когда чая нет, наступает горе, сумерки, болит голова, трещат кости, замирает сердце. В камерах начинаются драки и спаситель, объединитель людей — чай. Ищут его в сидорах — не завалились ли чаинки, перебирают пропахшую мочой вату матрасов и подушек, так как там он может завалиться, ибо часто от шмонов в них прячут чай. Найдя что-либо похожее на чаинки, кипятят. Чай пересыпают и заваривают нежно, как драгоценность. Рассыпанный чай не запахло и собрать. Чифирист за чай отдаст не только мать родную, но и все остальное, включая душу.

Чай кипятят много раз, до бесконечности, три первых подъема — первяк, вторяк, третьяк считаются благородными, далее на подъем чай отдается чертям и педерастам. Но некоторые и спитую заварку не выбрасывают, ее сушат и добавляют, мухлюя, в настоящий чай — фальсифицируют. В прошлом веке фальсифицировали только на воле и только в Капорье, в селе под Санкт-Петербургом, добавляя в китайский сушеные листья Иван-чая. Тот чай назывался капорным. Этот фальсифицированный, зоновский, зовется педерастичным. Педерастичный чай сплавляют пидорам и чертям, блатной же, обнаружив подвох, сразу бьет поставщика по мордам. По советским раскладкам зэку положено в месяц 50 граммов чая из ларька и по грамму в день в столовой. Получается почти три грамма в день. При этом в тюрьме чаем не отовариваются.

Учтем, что не каждый месяц можно купить пачку чая, так как многие наказываются лишением ларька и к тому же в столовой чай только по цвету является таковым. Давно научились в столовых подавать «чай», заваренный старой заваркой, запаренной с содой.

В ларьке прежде всего отовариваются чаем. Черти и педерасты, купив чай, по закону его должны передать мужикам и блатным, им настоящий чай пить не полагается. В тюремном шмоне чай спасают в первую очередь, его не запахло прятать в фуфло пидорам, привязывать пакеты к мошонкам, опускать в целлофановых пакетах в унитазы, хранить в мусорных бачках — тузиках. Камеры, в которых имеются заначки для чая, считаются особо хорошими. Умеющий доставать чай и знающий к нему дорогу — самый почитаемый человек в зоне и в тюрьме.

При допросах арестованный сразу просит следока принести ему плитку чая, только тогда он будет давать показания. На чай меняется все, из-за чая убивают, растлевают, мучают. Уже давно все пропахло, провоняло чаем и баландой в эковских учреждениях Союза. Торговля чаем — важная статья дохода работников зон и тюрем, а также охраны и конвойной службы. Охрана в большинстве комплектуется из иножителей: в русских районах охранники нерусские, в национальных наоборот — русские, украинцы, литовцы. Подкопить к дембелю денег, купить иногда водочки можно только продажей чая. В зонах с зонами в магазинах чая днем с огнем не найдешь, его получают в посылках, достают через знакомых, спекулянтов и родственников. Чай в зоны носят вольнонаемные, а также эки, находящиеся в расконное. Как ни просматривают машины, детали, готовую продукцию, какую только слежку ни организуют, чай проходит в зоны, скрепляя и объединяя людей, толкая их на разговор, отгоняя дурные мысли и не позволяя всему «шиферу» упасть с головы.

Лагеря и объекты, находящиеся в них, окружены сеткой противоклада, высотой в 15–20 метров. На этой сетке всегда висят «мертвяки» — не долетевшие до зоны пакеты с чаем, висят, как повешенные, служа предметом частых пересудов эков. Мастера клада — это непревзойденные спортсмены. На воле хобби «кид» очень ценится. Приезжают к ним дружки и направляются они в окрестные зоны, хорошо зная их ландшафтную планировку. Цена зоны повышается, ежели туда можно закидывать — забрасывать с размаху — с руки, с бега, с машин, мотоциклов; используют самострелы-арбалеты и переносные кидо-бросальные машины. Если зона в лесу, машину устанавливают на деревья и натяг — канатно-кожаные ремни — позволяет перебрасывать через противоклад любой высоты. Кидают обычно в праздничные, воскресные дни, ночью, заранее оповещаая

о времени киды, а на территорию строящихся зэками объектов даже в обычные рабочие дни. Удачный кид — радость и праздник: шутка ли, получить два килограмма чая сразу!

Проектировщики МВД при размещении лагерей учитывают возможность киды. С их точки зрения вовсе не нелепо размещение зон на открытых площадках, в болотах, на вершинах сопок. Хорошая продуваемость, болотистость и открытость вокруг зоны — лучшие препятствия киду. Попробуй что-либо забросить, стоя по пояс в холодной воде или на шатающихся кочках. Головное управление по проектированию лагерей находится в Ленинграде, имея почти во всех краях свои филиалы. Устроиться туда проектировщиками сложно, оформляют долго, проверяя тебя и предков вплоть до десятого колена; но овчинка выделки стоит — оплата богатая, все ментовские льготы в придаток, а работа несложная: сиди и черти простые казармы — бараки согласно советскому стилю «баракко». Морока лишь с согласованием проектов во всевозможных ментовских организациях, которые вносят свои «зоновско-оперативные» коррективы, в том числе для затруднения киды.

По поверию, чай содержит сотни витаминов и минеральных солей — он средство от всех болезней: от желудочных и головных болей, им промывают глаза и раны, прополаскивают половые органы, вступая в связь с педерастами, смачивают бинты и накладывают на опухоли. На воле из чая делают вытяжку, концентрат, которым начиняют конфеты и пропитывают оберточную бумагу, добавляют во все разрешимое к пересылке в тюрьму и зону.

Чай — важнейший элемент любого зэковского ритуала, им поддерживают зэков настоящих, понимающих вкус арестантской жизни. Можно жевануть и всухую. Сначала непривычно — словно песку в рот набрал, но потом, прослюнявив, почувствуешь прилив сил, на мгновение отойдешь от сумеречных мыслей. Он, чай, связующее звено между жизнью и смертью. Из-за него и к грузинам отношение особое: у них ведь чай растет! Приготовлять чифирь не каждый может и не все зэки к этому чародейству допускаются. Зэки страны Советов лучше китайцев и японцев — признанных ценителей чая, знают, как лучше заваривать — разбираются в воде, в посуде, в чаеразвесочных фабриках. Ценятся те зоны, где вода артезианская, из своих, лагерных скважин, а также где ангарские и енисейские воды. Нормален чай на воде Новосибирской, Иркутской и Минусинской тюрем, плох в Читинской, Курганской, «совсем не чай» в казахстанских и волжских зонах. Лучшая ферментация чая производится на Иркутской чаеразвесочной фабрике. Все знают, что в ее ограде стоит

памятник чифирю — большой заварной чайник с надписью «Грузинский чай». Настоящий чифирист и в драку вступит, доказывая преимущества иркутского чая по сравнению с зугдидским или уфимским.

Блатные и мужики чай варят сами, не доверяя этот благородный напиток чертям и педерастам. В камерах это производится так. Садится ээк на корточки у параша, ставит человека на вассер у пики и приступает к чародейству. Хороший огонь, плотное пламя и отсутствие запаха дают хлопчатобумажные «дрова» — рубахи байковые, нательное белье. Заранее из них делают жгуты-закрутки, их поджигают, пепел стряхивают в рядом стоящую шлюмку с водой. В считанные минуты вода начинает бурлить, и тогда другой, подручный, сыплет чай. Он поднимается кипячением несколько раз. Полученное варево сливается в эмалированную кружку пахана. Пьют чифирь по кругу, передавая кружку друг другу — по глотку в первый круг, затем по два во второй и так далее.

Не понять впервые попавшему в карантин, зачем к нему подходит блатной и по-сталински, так же как тот проверял новую солдатскую форму на параде 1938 года у солдата Ивана Водянова, начинает ощупывать рубашку, запускает руки в нательное белье и, взвизгивая, кричит.

— Скидывай быстрее! Братва, смотри, рубаха — ништяк, байковая — отличные дрова.

— Ребятюшки, — взмаливается владелец дров, — она теплая, жена по благу достала, я больной, все время простываю.

— Мы тоже все больные и тоже не пальцем деланные, знаем давно, что дрова пакистанские, корейские, китайские, наши — ситцевые, полотенца махровые и вафельные дают отличный жар, кипяточек славный. Скидывай и молись, что не сдираем вместе со шкурой, а замену даем. Возьми симпатическую (синтетическую). Такие не горят, а плавятся, руки обжигают, плохо тушатся. Вонь от них идет — смрад, как из толкана. Дубаки просыпаются. Дрянь из них дрова.

Многоходочный ээк, возвращаясь в свою хату, обязан прихватить дров и как можно больше — таковы неписанные правила.

Есть такие чаевары-виртуозы, что, разговаривая через кормушку с дубаком, кипятят чай, притом, одной рукой держит кружку, другой — пламя из сложенной китайским веером газеты. Плохое пламя дает московская «Правда», отпечатанная на белой финской бумаге, лучше своя бумага — пермских и сахалинских целлюлозно-бумажных комбинатов. Чай варят везде — на шконках и под ними, на одеялах, под одеждой. В этом случае под кружку подстилают мокрое полотенце, чтобы матрас не загорелся. Умудряются даже варить в Столыпинах, автозаках — будках-

коробках, которыми доставляют на объекты эков из выездных зон. От такой варки алюминиевые кружки становятся черными, их разрешается чистить чертям. Они соскребают со стен кирпичную и штукатурную пыль и драят кружки до блеска, тратя на это многие часы. Можно чистить использованной заваркой, кусками валенок и бумагой. Но бумага — дефицит, нужна для подтирки задниц, тарочек и чтива на досуге.

Началась заварка. В коридоре дубак почувствовал запах гари, а то и увидел в глазок. Он дал сигнал тревоги. Врывается наряд, для страха с собаками, которые имеют обыкновение прыгать на стол. Начинается шмон — распинывание кружек, поиски чая. Нашли чай, выписывают очередное постановление, сумма которых приведет в конце концов к карцеру. Постановки и карцер: в зоне их приходится отрабатывать долго и упорно, без нарушений режима.

Не нашли дубаки чая — радость и обсуждение. Как только не варят чай в зонах! Сколько людей гибнет от самодельных кипятильников, электроплиток с открытыми спиралями. Сколько возникает пожаров. Идут чередой сплошные замыкания, вплоть до отключения всей зоны, гибели людей и порчи оборудования. За изготовление самодельных кипятильников полагается строгое наказание — ШИЗО и ПКТ. Чайники и заводские кипятильники разрешены в жилых секциях, но они быстро выходят из строя, их надо достать с воли или покупать за бешеные цены у эков, куда-то прятать. В тумбочку ставить нельзя, так как места просто нет. Их прячут под кровать, шнур — отдельно. Под кроватью дневальный, убирая помещение, может такой чайник запомоить. Надо договариваться, чтобы предварительно перед уборкой поставил на кровать или отнес завхозу. Маленькие кипятильники в Советском Союзе большой дефицит. К тому же во многих уральских, среднеазиатских, закавказских, тайшетских зонах вода с большим содержанием солей. Ее на воле не пьют из-за жесткости. Такая вода при нагревании быстро покрывает кипятильник известковым налетом, и он выходит из строя. Приходится пользоваться самоделками, конструировать их из бритвочек — моек, как-то изолировать, доставать проволоку, штепсели делать из гвоздей, а то и без них. Первый раз человек, увидев такое приспособление, пугается и отказывается им пользоваться. Работает оно мгновенно — вода бьет ключом и часто «по голове».

КУКИШ С МАКОМ

Собираются они на тусовку у маленьких кинотеатров и клубов зимой, а летом в парках оживленно беседуют. Кажется, не столько с другими, сколько сами с собой. Вопросы — ответы: «Ханка, чуйская цепляют сильно; Самолет (фамилия наркомана и его же кликуха) ушел в поход; вызывали к ментам; вмазал — кайф; приход был тяжелый, никак не мог найти вену на ногах; ты пробовал под язык?; Мартын в виски — ништяк; такую шалаву посадил на иглу — тащился с ней; Жуча настриг много бинтов в Тогуцине; это что за кент? — Новенький, свой, из Омска; позвонили — прибыл рюкзачок свежей травки, кажется, ханка». Закуморенные, отрешенные бродят они по городам с расширенными белками глаз и объясняются словами-фразами, состоящими только из намеков, дефисов с пропуском и обрывками распространенных предложений. Окружающий мир служит им фоном для поисков единственной радости — укола или затяжки в смак. Они готовы на все, находясь в приступе, когда организм теряет усладу, когда бросает в раскуморивание — состояние, при котором все твое — голова, ноги, живот, печенка, легкие, кости, мысли, тело, слова — убегают, нагло покидая тебя. Спасение от этого рядом — горсть колес (таблетки морфина), укол маковым раствором из прокипяченных бинтов, затяжка анаши. Об опиуме и героине они могут только помечтать или увидеть во сне.

Притоны «наша-хана» есть во многих городах Сибири, они не специализированные, а обычно смешанные с блат-хатами в квартирах напроць спившихся людей. Эти «хавиры» размещаются в двухэтажных бараках предвоенной или послевоенной постройки в разных предместьях — «гэсах», «тэцах», «нахаловках» Иркутска, «индиях», «шанхаях» Братска, затонах всех сибирских городов. Распевают нашедшие там приют анашисты-марихуанчики: «Анаша, анаша, до чего же хороша! Лучший в мире шиш — гашиш». Из сибирского ареала конопли алтайская цепляет не сильно, посему успехом у курильщиков не пользуется. Лучший кайф дает забайкальская (бурятская), растущая в окрестностях Кяхты, хороша дальневосточная, произрастающая по берегам мелководного советско-китайского озера Ханка. По имени озера назвали и зелье. Ханка вошла в оборот наркоманов Сибири и Дальнего Востока. Остальные виды конопли кайфа не дают, а привезенная в другие места ханка и бурятская при посевах вырождаются. Чуйская-сорговка, рекордсменка и идеал

наркомана, конопли Кавказа и Южной Украины сильны, но не так. Чуйская — само вождение.

Поход за коноплей — путешествие, полное приключений и частенько с залетом в орнамент, он требует знания дорог и связей с местными ментами и поставщиками, а бурятская и ханка еще и проникновения в небезопасные, пограничные районы. На рынках Сибири стаканчик конопляных пыльцевых соцветий идет от 40 рублей и выше до бесконечности. Говорят: «Овчинка выделки стоит». Бедное растение природы — конопля! Его уничтожают, травят, сжигают, долины держат под кордонами, просматривают вертолетами. Площадь ее сокращается повсеместно от Тувы до Приморья, а наркомания растет. Только в Сибирско-Уральском регионе три крупных зоны отведены для наркоманов — в Альметьевске, Бокале и Подымахино.

В прошлом пыльцу конопли доверяли собирать во время цветения оголенным девственницам, которые бегали по плантациям и телом притягивали пылинки. Пробегав часок в преджаркое время, девушки ступали на белоснежные скатерти, где увядающие дамы серебряными скребками снимали с тела налет. Собранную пыльцу слегка просушивали и наполняли ей шелковые мешочки, которые подкладывали в обувь под пятки мальчишкам для проминания и подсушивания.

Лет тридцать назад в Карачаево-Черкессии мужики, курильщики анаши, собирались и шли в парную. Там парились до тех пор, пока соль не исчезала из тела, проверяя наличие ее прикосновением языка к плечам. После парения пива не пили, оставляя эту процедуру на утро. Утром в жаркий день шли с пивом в конопляник, там раздевались и выпивали пиво, покрываясь постным потом, и, бегая по кустам еще больше потели. Склеенную потом пыльцу конопли соскабливали деревянными ножами на газеты или плотную бумагу и далее сушили на солнце. Добавляя в табак крупицу анаши, смеялись: армянская травка с армянина, грузинская с грузина, карачаевская с карачаева, казачья с казака...

Сейчас все происходит в панике: второпях, вместе с листьями и соцветиями, вывозят добычу ночью подальше и втайне сушат. Весь сбор в рюкзаках, мешках и чемоданах часто приходит в негодность, парится и плесневеет. Коноплеводство, как отрасль народного хозяйства практически больше не существует, кроме ряда северных районов России и Западной Сибири. Нет в аптеках и магазинах ценного конопляного масла, хозяйки уже и не помнят о таковом. Изредка какая-нибудь бабушка поделится детскими воспоминаниями, расскажет о том, как собирали коноплю, плели веревки и ткали холст, а семечки шли на масло, корм птицам и животным,

кулинарные изделия, а легкий поджар с солью дети горсточками засыпали как лакомство в рот и, похрустывая, разжевывали, укрепляли здоровье. Это средство применялось также для лечения от импотенции.

Уже мало кому известно, какую роль в торговле России играло коноплеводство, особенно производство пеньки, из которой изготавливали парусину, брезенты, холсты, канаты, веревки, шпагат; из короткого волокна приготавливали паклю — скрученные жгуты вбивали в соединения — пазы срубов, придавая им тканый вид. Каждому сибиряку было известно, что пакля — лучший материал для защиты от холода, ни один «Степняк» или «Баргузин» не продует и не остудит дом, пазы в котором пробили паклей. Как из истории страны повикидывали имена, факты, события, так и из всех травников исчезла «крамольная», опасная марихуана-конопля.

Такой же участи удостоилось другое злосчастное растение — мак. Букет из алых маков исчез из поэзии и подношений самых пылких влюбленных. Мак — опиум, кокнар. Кокнар — маковая соломка, добавляемая к куреву, стакан ее «весит» за сотню рубликов. Цены опиума никто не знает, только укольчик обходится во многие десятки рублей. Не сеют мак садоводы, а огородники боятся его пуще обысков. Сеять мак запрещают, менты часто при его помощи устраивают прокладки, подсевая на огородах и грядках. Посему следят люди: где случаем промелькнет мак в картофельной ботве, его вырывают как сорняк. Выращивают мак ныне только в специализированных лекарственных хозяйствах за колючими заборами и с охраной. Плантации мака есть в Чимкентской области, в Тогучинском районе Новосибирской, тайно сеют мак в горно-таежных областях Читинской и Амурской, Якутской, Бурятской, Тувинской республиках. Булочка, посыпанная маком, пирожки с ним — далекие кулинарные воспоминания старых людей. Косы, свитые из высушенных маковых головок, уже неведомы, а маковое лакомство в них, раньше набиваемое в карманы и во время школьных перемен вытряхиваемое в рот, ныне неизвестно.

«Охотятся» за маком в период его созревания, вооружившись бритвами и бинтами. Маковую головку надрезают параллельно земле и выступившее тут же молоко впитывают в бинты. Затем бинты сушат, берут машину (на языке наркоманов так величают шприц), кипятят воду, в которую стригут бинты. Остывшим раствором колются и впадают в балдеж.

Подавляющая часть наркоманов — полинаркоманы. Они и чифиристы, и пьяницы-алкаши, вводящие в организм не только маковые слезы, но и другие вытяжки черт знает из чего, даже из моркови. Многие из них

нюхальщики ацетоносодержащих растворителей, наполнителей, лаков и красок — их прибор — целлофановый пакет, натянутый на голову, и открытый пузырь. Глубокий вдох и тут же выдох в «презерватив» (кликуха целлофанового пакета), через несколько минут — кайф, балдеж и дрейф. Дрейф редко бывает дома, тянет на воздух, на бесцельное шатание среди толпы на улицах. Непонятное это явление психики: ясно, что опасно, но тянет «на люди», в коллектив, толпу, массы. Большая часть там же в массах и прихватывается милицией.

В тюрьмах, зонах и притонах грезят наркоманы о миллионах, на которые купят килограммы героина и будут колоться всласть, не скрываясь. Самая отдаленная мечта — добыть миллиард (любой денежной единицы) и тогда они отберут десяток молодых, сбитых, здоровых тайцев, азербайджанцев, можно и узбеков, и китайцев и предложат им при полном обеспечении всем, всем, что пожелает душа и тело, сесть на героиную иглу. Так десять лет, не меньше в полном удовольствии будут жить и не тужить мальчики под контролем наркоманов. Потом, потом этих мальчиков прикончат и особым способом из голенной жидкости выпарят вещество. Укол этого препарата (название его наркоманы не знают) даст самое-наисамое наслаждение, не сравнимое ни с чем. Так бредят наркоманы, так плывут и текут. Пока же приход — расход — уход, шалманы, притоны, тусовки, тюрьмы и зоны. После вмазанья пропадает аппетит, но затем впоследствии наступает невиданный жор. За обе щеки уплетают рыцари шприцев и затяжек. Обильная, без разбору пища, ее быстрое поглощение вызывают запоры. Разговоры о еде и пище как химизации организма любимая и нескончаемая тема наркоманов.

Наркоман — нагл, агрессивен, в раскуморе — кипятик. Все ему не так и не эдак. Тюремщики это знают и в камеру для усиления психологического процесса сажают наркоманов. Начинается ад — драки по пустякам, ночные вскакивания, долгие стучания и скрежет зубами во сне. В трезвости, наступающей обычно через месяц, бесконечные разговоры о травке и жратве. Бенедикт Спиноза не описал наркоманное рабство, самое, пожалуй, низкое — сплошь из оголенных страстей и физиологии. Такого он не знал.

Почва наркомании — армия, сеть ПТУ, психбольницы, партийная запрограммированность молодежных интересов. Наркомания подобна грибковой плесени — врезается и охватывает все новые и новые венцы, калеча и кроша весь дом. Китайцы издавна торговцев наркотиками убивают беспощадно и скармливают их свиньям вперемешку с другой дохлятиной.

Челябинская наркозона на станции Бокал помещена внутри зоны общего режима. Зона в зоне. Зэки зэкам перекидывают наркотики из

перелета в перелет. Убить время — главное в жизни зэка и за любой наркотик он готов пойти на что угодно. Лагеря в Союзе для удобства управления располагают гирляндами. Это также выгодно поставщикам наркотиков. К примеру, на станции Лена в Усть-Куте торговец сорвет солидный куш — группа зэков, отбывших срок в зоне Якурима, приобретя травку, доставит ее в Подымахинскую наркозону. Другая, устроившись в Ленское пароходство, завозит на танкерах, баржах в якутские, магаданские, чукотские зоны. Осенью из таежных районов идут мотки бинтов, пропитанных маковым молоком. Мак начали сеять народы, находящиеся на грани исчезновения — кеты, эвены, негидальцы, ульчи. В далекой, таежной Сибири РОВД обзаводятся специалистами по борьбе с наркоманией.

«Я почти всегда в кайфе, а в промежутках — работа, поиски наркотика и „ломка“. Наркотик — это паук. У меня была галлюцинация: мне постоянно снился огромный тарантул, который разрывал темноту и вползал в меня. Я никогда не мог дожждаться, пока он весь вползет, и открывал глаза. Я боюсь людей, боюсь их взглядов. Боюсь девушек, они какие-то неземные! У меня были знакомые девчонки, которые за укол готовы на все, но это скотины. А эти, нормальные... Интересно, о чем можно с такой поговорить? Я существо из другого мира, из мира привидений и грез, где все неестественно и ирреально. Каждый наркоман когда-то доходит до „золотого укола“, после которого — смерть. Вот это и есть жертва. Сам себя принес в жертву. Я тоже когда-нибудь дойду до „золотого“. Говорят, что это — наивысший кайф. Посмотрим». Так описал свою судьбу в «Комсомольской правде» от 20 марта 1990 года один из морфинистов-анашистов.

ВАРЕНАЯ БЕРЕСТА

Психология человека такова, что как только за ним захлопнется с замковым поворотом дверь КПЗ, так он начинает думать, как выбраться, как вырваться. Он тщательно, словно реликвию, осматривает обитую металлической теркой дверь, дергает решетки, заглядывает под разными ракурсами, выворачивая глаза, прижимая щеки к металлу. Он ищет выхода. Со временем это перейдет в навязчивую идею — уйти, уйти. Подходишь в зоне к знакомому и он, как-то безо всякого повода, говорит: «Нас отделяет от воли всего каких-то тридцать метров. Перемахнуть бы?» Разговоры на эту тему опасны, могут донести, что мечтаешь о побеге и тогда пойдут ШИЗО, всякие «обезжировки», переведут на тяжелый труд, чтобы меньше думал и изнурялся физически. Но искоренить желание думать не смогли даже советские инквизиторы.

В принципе все зэки — побегушники, но выделяют активных, пассионарных, им нашивают на грудь красные полоски-нашивки. Стоять побегушники обязаны в боковых рядах, так как их просчитывают отдельно, называя каждого по фамилии (честь какая!), не допускают работать в ночные смены и наряды. Многие от этого даже, по российской привычке все использовать для счастья, имеют выгоду. Возражает такой побегушник завхозу или отряднику: «Не имеешь права в наряд гнать, я побегушник, нам вашими инструкциями не положено».

Думают, думают зэки о побегах — они становятся манией, снятся по ночам. Уйти из зоны практически невозможно, так как любые зоны — жилые, рабочие, промзоны, выездные просматриваются и вверх и вниз. Этим занимаются оперработники МВД, этому обучают в многочисленных учебных заведениях. Так, к слову, все выходы — водопроводные, канализационные, кабельные, которые закладываются в земляных траншеях, при их соприкосновении с территорией вне зоны бетонируются станками на все пространство рыхлой, вскопанной, утрамбованной площади. В странах, где правят жестокие законы, особенно прочные тюрьмы и зоны. Говорят, нет побегов в системе зон Северной Кореи, не так уж часты они в стране Советов. Люди так скомканы советской властью, так отчуждены друг от друга Павликами Морозовыми, ВЧК-НКВД-МВД-КГБ-КПСС, что привыкли выдавать заранее.

В царской России бегали все и куда угодно. Как говорят, сухорукий Джугашвили умудрялся бегать из Сибири через всю Россию в Европу в

объятия Ульянова-Ленина, с Чукотки убегали на Аляску, из Иркутска в Японию. Бегали, бегали добывая «свободу» для других (?!). Но, придя к власти, революционеры-ленинцы, сталинцы так продумали, так опутали все терновым венком проволоки, что страна, превратившись в спираль зон, сама стала всеобъемлющей зоной. Тем самым решили проблему ухода. И все же уходят, хотя большинство побегушников ловят. Но человек сложнее любой системы, им созданной. Слава Богу, что он — человек, а еще не Бог. Нет в отечестве ни одной тюрьмы, зоны, лагеря, откуда бы не бежали. Бегали из самых больших лагерей мира — Колымы и Караганды, из насквозь просматриваемой Воркуты — переходили границы, переплывали, переползали, перелетали. Один, сконструировав тайно планер... улетел из зоны Табулги, сотня ментов ловила его в Барабинской степи. Уходили, обезоруживая погоню, уничтожая десятки солдат и офицеров охраны, пролеживали, засыпанные углем, рудой, древесной щепой, в скрутках бревен и сетей, лежали и сидели в таком состоянии, что уму непостижимо.

Из верхней зоны Байкальска ушел зэк. По инструкции — так положено — лагерь закрыли, оцепили все, что можно. Домой, к шмарам и знакомым направили оперативников. Все станции и дороги взяли под наблюдение, лодки по всему южному побережью Байкала перевернули. Куда мог уйти? В саянские долины, к хребтам Хамар-Дабана бросили собак и направили вертолеты. Прочесали всю тайгу. А неделю спустя нашли рядом с зоной, в строящихся зэками домах. Обнаружили повторным обходом, взяла одна из собак. Под полом в туалетном помещении размером метр на метр в ледяном, холодном, мокром прямке лежал человек. До выхода из зоны ему оставалось несколько месяцев. Он болел тяжелой формой астмы и все же решил уйти. Вопреки обычаю оперативники не стали его бить, не дали собакам на растерзание. Даже их потрясло, в каких немыслимых условиях, в какой утробной скученности находился беглец.

Расскажу историю одного удачного побега, которым прославил родное Прибайкалье Николай Степанович Мамруков. Все Мамруковы родом из остяцких князей, прирожденные таежники, сильные, выносливые, как гураны — забайкальские козлы. Отец Николая Степан Мамруков сопровождал делегацию председателя Дальневосточной республики, пожелавшей установить дипломатические отношения с Китаем. Делегация пересекла пустыни внутренней Монголии на танках английского производства. Степан Мамруков прославился тем, что научил охрану пить спирт, на котором работали танки. За сие открытие его из Пекина вернули в родной Балаганск. Там он производил на свет сыновей и пил самогон собственной варки, а гнал он его в тайге.

Сам был нелюдим, но дети, наоборот, удались общительными — славили род постоянными и свирепыми драками и к армейскому призыву имели солидный стаж КПЗ во всех ближайших пунктах от Черемхово на запад и восток. В Балаганске мамруковскую троицу знали и ценили и никто с ними в конфликты не вступал. Бабенки легкого и легчайшего поведения гирляндами висли на их могучих плечах, ища защиты и покровительства.

Пришвартовался однажды к балаганской пристани пароход «Карл Маркс», где был ресторан с водкой и хорошей закусью. Там появился Коля. В Балаганске все знали, как и буфетчицы «Маркса», что Мамрук очередей не терпит. Он просто подходит к прилавку, берет нужное и платит положняк. Очередь ждет, буфетчицы, мигая глазками, и дрожа бедрами, стремятся обслужить Мамрука, чтобы получить похвалу-приглашение. Но тут, надо же такому произойти, вскакивает хлыщ и решительно отстраняет Мамрука от буфета: мол, встань в очередь, мальчик. Мы, говорит, все одинаковые, нахальничать не надо, встань в очередь! Как это стерпеть? Без разговоров схватил Мамрук за ноги правдолюбца и высыпал его из импортного трико со второй палубы, где был буфет, в Ангару. Вот смеху-то было, когда недотепа вылезал из воды в одной майке!

Через неделю Мамрука арестовали, ибо опозорил он (об этом говорили шепотом) не кого-нибудь, а одного из секретарей Иркутского обкома КПСС. Каких только статей ему не пришили — и хулиганских и политических, а после недолгого разбирательства в областном суде вклеили четвертак. Вот так.

В зону он попал самую никудышную — ту, что на станции Мерзлотная. С блатягами не сдружился, жил, как говорится, анахоретом, таким лагерным отшельником. Его, уважая, побаивались, ибо еще в Иркутской Екатерининской тюрьме навел шорох в камере: справился с паханом. Поставив на колени, Мамрук так помял ему позвоночник, что сделал горбатым навечно. Рассказывали, что во время драки даже клопы, испугавшись, не вылезали из щелей. Расправился и с дружками пахана, которые решили скопом заступиться за своего вождя. Дубаки-коридорные смотрели эту драку, как продолжение фильма «Приключения Тарзана», не ожидая, что один человек осилит столько озверевшей шпаны. Он осилил.

Так вот, весной 1949 года Мамрук решил: бежать! Весна выдалась ранняя и к середине мая снег лежал только в распадах. Мамрук втихаря сделал заточки, ссучил варом нитки, вложил в бересту и засмолил от промокания спички, то же самое сделал с крупцами соли. Березовым дегтем просмолил сапоги и пропитал пятки, натерся нутряным салом, втирал его долго в каждую часть тела, подтянул все пуговицы и крючки,

достал брезентовую фуфайку, раздобыл накомарник, зэкам не полагающийся. Нашел в зоне бывшего театрального гримера и потребовал: «Кровь из носа, сделай мне парик и научи морду изменять, нос подтягивать, а ушами шевелить и так все балаганские могут».

В былые времена Мамруковы жили зимой извозом, доставляя грузы на Север — к золотым приискам, в Якутию. Их охотничьи угодья занимали территорию, сравнимую с Чехией и Словакией вместе взятыми. Знали, где и как зимовье ставить и как из тайги выходить, ежели заплутаешься ненароком. Мамрук знал, что если напрямик до ближайшей на горизонте вершины дойдет, то попадет в бассейн Лены, а там ищи-свищи его.

Сердце подсказывало: если весной не уйдет в бега, то в дальнейшем не решится никогда — резвость потеряет и отяжелеет от такой мертвой жизни. Ни один конвоир его не догонит, а вот овчарки настигнут. Натасканы сволочи за глотку хватать — придется надеть на себя колючий ошейник, животы им пороть и хребты ломать. От четырех овчарок не открутиться, а с двумя справится. Накануне побега засыпал Мамрук, вспоминая свою бабушку, которая деда спасла от бродячего медведя-шизика, ибо настоящие мишки в пору кедрования на людей не нападают. Медведь набросился на деда, он же, изловчившись, всунул в разинутую пасть руку по локоть. А бабушка не испугалась и топориком со всего маху полбашки медведю снесла. Долго потом пришлось лечить пожеванную руку, мыть бадан-корнем, ставить смоляные лепешки. Рука ожила, до конца дней дед бабусю ею обнимал. Помнил Мамрук эту руку, похожую на смолье-корье и представлял, каково ей было в глотке медведя.

День наступил ясный, развод был удачный, зэков погнали на дальнюю деляну проводить подчистку, штабелевать разделанные хлысты. Шел Мамрук легко, прощаясь с лагерем, и дыша полной грудью. Буряты-ламы учат: сделай глубокий вдох, придержи его несколько секунд, а затем — полный выдох. Сей прием нервы успокаивает, мысли свежит. При этом головой надо в одну сторону повертеть двадцать раз и в другую столько же, чтобы в мозг нормально кровь поступала.

Портянки накручены упруго, вода не дойдет до пяток. Мамрук незаметно застегнул ошейник, сделанный из протектора со вставленными иголками, и прикрыл его легким кашне, уши закрыл шапкой. Прикинул: собак две — злющий Артур кидается в шею, второй пес, Брат — берет ноги.

Тайга была чистая, без сильного бурелома. Он пойдет сразу рывком, вот там примерно, если не положат очередь, он накроет псов. Из конвоя вдогонку пойдут эти парни, они — западники, тайги не знают, и он уйдет.

Только бы добежать до первого распадка и запутать след, пусть думают, что он подался в Илимскую долину, там и поставят дозоры.

Отряд оцепили и предупредили, как всегда: «Выход за эту черту, стреляем без предупреждения». Бугор расставил эков, несколько блатных стали варить чифирь в консервных банках и шутить на тему, стоит ли добавлять клочок прожженной фуфайки для крепости. Охрана тоже развела костер и стала курить, привязав собак. В роду Мамруковых пили охотно и много, но никто никогда не курил. Дымящих и сосущих табак не любили. Подошли ребята и предложили Мамруку глотнуть чифирька. Он отказался: «Чуть позже глотну, а сейчас принесу сухостоя к костру, смотрите — вот так жаркая жердина». И, как острогу в сонную рыбу, метнул Мамрук жердь в крайнего охранника, у другого выхватил автомат, вывернув руку так, что от дикой боли тот закрутился волчком и упал. Автомат упал в костер, а Мамрук по-медвежьи, прижимаясь к земле, пошел по косогору вверх. Не успел он войти в ритм бега, как Артур вонзил челюсти в прорезиненную ткань, сдавил ее и прижал голову почти к земле. Но в то же миг в его брюхо вонзилась рессорная студебеккерская заточка и потекли собачьи кишки по фуфайке: жалобно заскулил Артур, и от запаха крови из брюшного разрыва, ударившего в ноздри, Брат не рассчитал прыжка в ноги и попал на грудь. Резко и легко поймав его хвост, беглец переломил позвоночник, обездвижив задние ноги. Собаки остались скулить на месте, хватая друг друга за шерсть и растянутые внутренности. Охранники бежали, сколько их было — неизвестно, очередь почему-то шла невпопад, стороной.

О том, что ушел от погони, ему стало ясно на вторые или третьи сутки, когда зачесались собачьи царапины и он услышал рокот летевшего вдалеке самолета. «Пошел на Усть-Кут», — подумал Мамрук. Спад горячки начался с мыслей: вот поймают живьем или мертвым, разодранным собаками, привезут и бросят у лагерной столовой. И будут сами же эки потешаться: «Дурак: не верил, что от ментов не уйдешь, никто не уходил». Кто-нибудь возразит: «Неправда, уходили». И завяжется глупый разговор-базар «уходили — не уходили». От этих дум Мамруку хотелось, чтобы мысли были с ним, а тело куда-нибудь запропастилось, исчезло напрочь. Оно ему мешало. Он даже бросил ошейник, но потом почему-то вернулся, нашел его и от этого вдруг стало радостно: «Ушел, все же ушел!!!»

Зона неделю не работала, потом собрали завхозов и сказали: «Мамрука взяли живьем, сейчас он при смерти, порванный собаками поддыхает в лагерной больнице на Вихоревке. От нас, известно, запомните, не уйдешь!»

На ловца и зверь бежит. Около Илимска ребяташки-рыбаки и в самом деле обнаружили утопленника. Вызвали для опознания и офицера из зоны,

и тот, кривя душой, или спасая начальственную честь, заявил: «Это зэк Мамруков Николай Степанович: опасный преступник». В эти же дни освободили и братьев, неожиданно подвергшихся приводу в КПЗ. Они поняли: из-за Николая. Освобождая, мент сказал: «Мамрук из лагеря бежал, был пойман и порван начисто собаками». Братья, выйдя из катажки, посетили родителей, пригласили дружков и сделали отходную-отпевную по давнему обычаю сибиряков, а когда изрядно перепились, стали петь «Бродяга Байкал переехал», «Далеко в стране Иркутской», «Ох, ты горе, мое горе, злая мачеха Сибирь» и другие песни тайги. Дружки не ушли дальше крыльца, их, облеваных, аккуратно облизали, отмыв шершавыми языками, балаганские псы-бродяги. Не пропадать же хмельному добру. Это, при размышлении и толковании примет, посчитали за хорошее предзнаменование и, опохмелившись самогончиком, закусили огурчиками.

Мамрук через месяц пути вышел в долину Лены. Тут и кедровые были другие, однобокие, как облезлые при линьке петухи, но разнотравье бурно клокотало в жарковом оперенье. Спал Мамрук по-боярски — в кедровых и сосновых лапах. Разжигал костер и, когда он прогорал, убирал и тушил дымящиеся головешки и на прогретую землю в пух-золу клал душистые охапки веток — получался здоровый, теплый ночлег с подогревом. От вшей и подобной зэковской нечисти он отделался по давнему обычаю бурят-путешественников к святым местам Тибета. Нашел хороший, крепкий муравейник и, сам, прогуливаясь голышом по опушке, всю одежду туда засунул. Мураши начисто ее дезинфицировали от паразитов. Пищи хватало — попадались прошлогодняя брусника и клюква, кедровая падалка, часто пил терпкий брусничный чай. Из кедровых орехов он умудрился делать молоко, давя и размешивая их в ключевой воде. Из иголок Мамрук понаделал крючков, и рыба шла на личинки короедов и даже шерстяные обрывки. Хлеба хотелось до смерти и рыбу он ел с растертой берестой, так питались в древности русские первопроходцы Сибири. Попадалось много черемши — сладкогорькие коренья ее бодрили и сбивали пот. Что удручало, так это одежда; как он ее ни латал — она трепалась и расползалась. Сукно неизвестно от чего гнило, сапоги от мокроты рассыпались и держались, как говорится, на соплях. Он их и берестой вареной обкладывает пробовал, наступал осторожно, но кожа разбухала. В таком виде Мамрук пробился, вышел на селение.

Советская шпиономания довела людей, забывших не только свою национальность, но и вообще кто они и где живут, до того, что селения стали безмолвными и безымянными. Все объявления и верстовые столбы поубирали. Не ведаешь, где въезд, а где выезд. То же самое сделали и с

мостами — не поймешь, через какую они реку. Но надо сказать, что все, кто учился у историка Терентия Тонких, помимо истории Сибири знали ее географию и по вкусу могли бичуринский хлеб отличить от бийского. Ведал о ней и Мамрук. Набредя на селение, он ночью, продув себя вениками полыни для ликвидации «чужого» запаха, что так чувствуют собаки, прошел к большому зданию — дореволюционному правлению какого-то товарищества. Это оказался сельсовет, совмещенный с дирекцией совхоза. Но какой сельсовет и какая дирекция, было неведомо.

«Черт с ними, с названиями, надо приодеться, хоть в собачьи шкуры. Только как?» — подумал Мамрук. Люди так обнищали, девушки и женщины трусы проволокой прикручивали, ноги мешками обворачивали, — а груди крест-накрест старыми тряпками перетягивали. Белье сушили под присмотром во дворе, отвязывая для страховки собак. Только на третью ночь Мамрук заметил висевшие на кольях широченные байковые рейтузы. Он уже разобрался в домах — этот, рейтузный, принадлежал директору совхоза. Сидя в кустах, по обрывкам речи он узнал, что в совхозе живут сибиряки и спецпереселенцы. Комендант ходит в военной форме, да и все остальные мужики «под Микояна» — в гимнастерках. Никогда не воровал Мамрук, а тут пришлось утырить рейтузы. Что с этой парой делать, он не знал.

Голод он утолял овсянкой. Коллективизация научила его бабушку и он вспомнил и по ее опыту выбирал непереработанный желудком лошади овес из конского помета, промывая его. Помет приходилось тоже воровать и искать на пастбищах, наблюдая за полетами воробьев. Пришлось также придушить парочку бродячих шавок, ему доверившихся. Мамрук видно в рубашке родился: ни разу не наткнулся на людей, проживая на чердаке таежного амбара в стороне от села. Выяснил, что недалеко расположен большой поселок Качуг. Он мечтал верхом Лены пройти и достичь ее истоков, а там Байкалом спуститься до Онгурена — бурятского селения. По-бурятски он говорил и надеялся пристроиться к людям и попасть там скот. Буряты крепкий народ — своих и чужих властям не выдают. А там видно будет.

Как все же раздобыть одежду? Случай с рейтузами прошел незаметно, жена директора побоялась огласки. Как ни разглядывал, ни мял рейтузы Мамрук, но применения им не находил. Не будешь же в них разгуливать по тайге. Позор даже перед зверьем! Однажды ночью, пробираясь селом, он приметил в дупель пьяного, который брел в неизвестном направлении. Им оказался начальник спецкомендатуры. Мамрук подошел к коменданту, взял его под мышки. Пьяный мент лез целоваться, обниматься. Была ни была,

Мамрук завлек его в кусты, осмотрел: одежда — гимнастерка, брюки, сапоги, нательное белье — что надо. Но заметят, поднимут шум, начнут прочесывать лес. Что делать? Пьяного мента-забудыгу он привязал его же ремнем к дереву и сбегал за рейтузами, по пути прихватив кострового уголька. Раздел коменданта, не особо церемонясь, мент не сопротивлялся, считая, что его раздевает в постели жена. И напялил на него вальтом рейтузы — внизу вместо штанов, вверху вместо гимнастерки, затянул крепко резинки, а лицо и рейтузы разрисовал под черта и оголенную даму, конечно, второпях-впопыхах. Живи, мурло, и радуйся!

Добыча была солидная — деньги, ножевой набор, спички, швейцарские часы, два ремня, нательное белье. Под утро, уничтожив улики, Мамрук перемахнул на другой берег Лены и пошел вверх по течению к Байкальскому хребту.

Не надо обладать большой фантазией, чтобы представить события наступившего дня. Захмелевшего коменданта обнаружили не рабочие, а один шустрый бычок. Он от неожиданности аж подпрыгнул, все стадо вострепелось и окружило коменданта. Поднялся горе-выпивоха и не соображая, босиком пошел по направлению к дому. Спецпереселенцы литовцы и немцы, эстонцы и персы, бывшие кулаки и подкулачники так зашлись в интернациональном смехе, что досмеивались дома, катаясь кто по полу, кто на кровати. Комендантша оторопела при виде *своего* в облике черта-русалки. Муж, даже опохмелившись, ничего сказать не мог вразумительного. Вскоре пришла толстушка-директорша и строго потребовала вернуть ее, ею прописанные рейтузы — дорогой подарок мужа в честь пятидесятилетия. Поселок смеялся, а мент на несколько дней лишился речи, и сник, став тихим, покладистым коменданتيшкой. Это всех успокоило и слух, судя по всему, не дошел до высших инстанций. Шла молва, что директор по пьянке избивает подругу жизни и товарища по партии за разбазаривание подарков, но жена на это не обижалась, а даже гордилась, считая это проявлением ревности, что есть тоже любовь. Комендант от выпивок не отказался, только стал пригублять в одиночку дома, прося жену предварительно крепко-накрепко привязывать его за талию к потолочному качальному крюку.

Уже два месяца продолжались бега Мамрука, парик он сжег, бороду подправил ножницами, оказавшимися в ножевом наборе коменданта. Разогрев горячими камнями в брошенной лодке воду, Мамрук набросал туда баданьих кореньев, сам омылся и покрасил всю ворованную одежду, которая стала серо-коричневой. Из голенищ зэковских сапог сшил калоши-накидки на комендантские сапоги, чтобы их подольше сберечь. Донимали

частенько начавшиеся июльские дожди и нехватка хлеба. Хлеб мучил, стоило только о нем подумать, снился его запах, вид, горбушки маячили, как золотые купола иркутских храмов. Мамрук боялся, что сорвется, нападет на человека, ограбит. В Качуге зашел на понтонный мост, изображая рыбака, разговорился с пацанами, попросил как бы невзначай купить ему хлеба и соли. Пацаны тотчас же принесли. Он отдал им всю пойманную рыбу, ушел в тайгу и стал есть кусочками хлеб, смакуя, растирая его по языку.

Он почувствовал, что к нему нет настороженности, что его принимают за геолога и тут подвалило настоящее счастье: подошел мужик и попросил помочь погрузить при наличии свободного времени баржу. Грузили мукой, салом, сахаром для слюдяных приисков Мамы. Ему заплатили, не спросив ни фамилию, ни имя. Спал он прямо на баржах. Но вдруг утром на рассвете что-то кольнуло в бок: надо рвать когти. Мамрук встал и сказал не то себе, не то спавшим вповалку грузчикам, что его ждут дома, и исчез. Решил продолжить поход к бурятам или пробираться в Иркутск. Кругом шел покос — на островах, берегах, в падах. С едой все было в норме — была мука, которую он перемешал с американским лярдом — свиным салом, была соль, хорошо шел предрассветный клев рыбы, только стала очень донимать мошка и комарье. В Качуге к нему привязался шаловливый щенок, который прямо на глазах, питаясь рыбой, превращался в пса. Много ли надо собаке — погладь, покорми, перенеси через студень ручей и друг на всю жизнь, только вольную. За деревней Бирюлькой, в тайге Мамрук обнаружил зимовье. Он стал думать и решил, что лучше перебраться в Иркутск и там раствориться.

В один из дней к зимовью подошла молодая женщина с косой, пес залаял, но не злобно. Он вышел и почему-то испуганно громко сказал: «Что вам здесь надо?» «Ничего не надо, — ответила она отрешенно. — Мне тут председатель отвел место для покоса, совсем, подлец, изжить хочет». Они сели рядом на поваленную лесину, словно давно были знакомы. «Вы, верно, старатель и голодны», — сказала она, подумав. От сердца отлегло. «Старатель, старатель, — радуясь душой, произнес-подумал Мамрук. — Как это ему раньше не пришло в голову стать старателем?»

Женщина рассказала, что муж погиб, живет с сыном в колхозе. Председатель ходу не дает, хочет, чтоб стала его любовницей, а она не может лечь под эту пададь, предателя, виновника смерти многих односельчан. На трудодни ничего не получает, живут хозяйством — огородом и коровой с телком. Вот председатель и выделил покос на самых дальних заимках — здесь ей опасно, страшно, хоть вешайся. Женщину

звали Инной. В том же разговоре нашла на Мамрука несносная, всепоглощающая жалость. Всех стало жалко, даже скулящих при смерти Артура и Брата, секретаря обкома, которого опозорил перед всеми. Этого он в себе не терпел. И сказал Мамрук нарочито грубо незнакомой приятной бабенке: «Мамзель, сено я вам здесь поставлю, но только пришлите своего короеда и пусть он стережет вход в долину, не хочу видеть лишних людей. Он может держать язык за зубами?» «Он весь в отца — замок, я ручаюсь», — сказала Инна. Мамрук стал тут же примерять к рукам и росту размаху литовку.

Никогда он не ел такого вкусного хлеба и не пил такого парного молока. Он ушел в покос, который вернул его к бытию, к жизни, а Инну к спокойному общению с председателем. Копны получились словно игрушки, сено пахучее, не моченное дождями. Собрав их, сметал три хороших зарода.

Короед Кеша не подвел и заранее оповестил о подходе гостя. Приехавший председатель опешил — он не ожидал такой прыти от Инки. — Вот за это я тебя люблю, Инка-картинка, выполнила норму. По две палочки получишь в день. Один зарод в колхоз оформим, другой купим у тебя в обмен на дрова, третий твой, кровный. Что стоишь хмурая, радуйся. Завтра прошу в правление на расписку.

Влюбилась Инка в Мамрука, который вдруг пустился в хвастовство, рассказал как искупал прошлым летом секретаря обкома, как из зоны уходил, как рейтузы напяливал на коменданта МВД. И порешили — он будет жить здесь в зимовье до снега, затем она его перевезет к себе в копне сена. Зимой она съездит к родственнику в Иркутск, он работает на мясокомбинате гуртовщиком — гоняет из Монголии сарлыков, человек бывалый, ушлый, что-нибудь придумает. Она же Николаю принесет ружье, порох, дробь. Так все и вышло, как загадали, кого надо подмазали, достали документы, непойманный Мамрук перебрался в Иркутск. Ходил в Монголию, затем они с Инной обвенчались и он вырвал ее из колхоза вместе с сыном. Открылся братьям в конце пятидесятых, уже семейным, с детьми, квартирой и достатком. Все Мамруковы приехали в Иркутск — закатали выпивон-гулянье. По старым обычаям перегонщиков скота начали с «Байкала», что на Большой улице, и закончили в «Сибири», что на Дворянской. Мать устала и только один ресторан посетила, с Инной уехала домой, а отец с сыновьями до конца был и пил, твердо на ногах стоял и поднимал тост за Сибирскую республику Краснощекова. Подавая в очередной раз жареные пельмени, официант шепнул Николаю: «Выйди на минутку». Мамрук вышел и мэтр подносов и бокалов, известнейший Фрол,

протянул ему руку и сказал: «Мамрук, вспомни Мерзлотную, мы верили в тебя и знали, что ты ушел, ушел. Секретарь-то по пристани голяком бегал. Каково?!» И они обнялись и расцеловались, что среди зэков бывает очень редко...

Побеги вообще дело жуткое, но особенно страшны побеги малолеток. Стрелять в них без приказа нельзя. Вылетают они словно саранча, как лемминги безоглядно бегут — вся молодая генная злость уходит на разрушение — разбой, ограбления, изнасилования. Ужас и страх охватывает население от движущихся как-то бочком, в испуге беглецов, этой серятины, похожей на мошку, на крыс, на разрастающуюся плесень, на все пожирающий рак. Никого и ничто не щадят малолетки: ни женщин, ни стариков, бьют все, что движется и колыхается и, наглотавшись этила, валяются, слепнут в блеске последнего солнца жизни, в страхе юного угасания, с криком раздавленных падают, как подкошенные, без стрельбы. Жутки побеги из спецзон для малолетних — спецПТУ. От заведений не остается ничего, даже стены крошатся, все гибнет, включая преподавателей, воспитателей, невзначай попавшихся на их пути. Идет-бредет кипиш малолеток.

Есть много нелепых, по-черному романтических легенд, рассказываемых любителями почесать языки. Одна из них о том, что зэки, ударившись в бега, берут с собой упитанного дурачка-бычка и потом натошак им закусывают. Групповой побег — считайте, побег раскрытый, ибо, как подметил Норберт Винер — человеческое общество подобно волчьей стае, оно глупее, чем отдельный человек. Каннибализмом занимаются уже свихнувшиеся, чокнутые люди, а такие в бега не уходят. Тайга не допускает подобного глумления над моралью.

Беглецы гибнут от усталости, болезней, отравлений, развалившейся одежды и людского отчуждения. Раньше в деревянной сибирской архитектуре предусматривалась такая деталь — в домашней пристройке делалось оконце с широким подоконником и туда на каждую ночь ставили крынку с молоком, клали кусок хлеба и сала, а то и дорогой сахар с солью. Протянет беглец с улицы руку, возьмет незаметно крынку, опорожнит, и поставит, проведя пальцем по горлышку, чтобы слизнуть сметану и идет дальше. Хозяева утром радуются — богоугодное дело сотворили. Вот и шли хорошо и сытно, потому что сибиряки были щедры на подаяние, а ночью беглецы сами находили на подоконьях краюхи хлеба и молоко в туесах: обыватели по принятому обычаю нарочно выставляют то и другое на уличную сторону изб, в особенности в крайних домах селений, для прохожих, как пишет Александр Черкасов о прошлых днях Сибири

(А. А. Черкасов. «Из записок сибирского охотника». Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. С. 396). Ныне другие времена и нравы — социалистические, советские. Ушел зэк из зоны Плишкино к девушке, с которой переписывался, виделся с ней на свиданке. Убежал от тоски и любви к ней, жившей недалеко, в Худяково. Она не принимает, испугалась, иди, говорит, назад, разыщут. И такую закатила истерику человеку, жившему одной любовью к ней! Он выбежал из барака, не помня как очутился в лесу с ее косынкой в кулаке. Бродил, ходил, сколько дней неизвестно, и повесился на ее косынке. Прочная оказалась косынка, менты не нашли, а труп обнаружили следующим летом — изъеденный зверьем, исклеванный птицей. И не стали люди в этих местах больше бруснику собирать, так как она по поверью кровью погибших наполняется.

Ходит по селам, весям и городам другая байка с большим философским подбрюшьем, сдобренная рассказами и слухами, пущенными в обиход сотрудниками НКВД-МВД. В них неудачи побегов из зон сваливаются на коренных жителей Сибири — эвенков, нанайцев, эвенов, юкагиров, ульчей, нивхов, что якобы несли и сейчас потомственно несут внешнюю охрану и вылавливают бежавших. Их, дескать, убивают и обрубленные кисти рук любезно приносят лагерному начальству. За это им идет отоварка дефицитными во все времена коммуны продуктами, а также порохом, дробью. Все это бред сивой кобылы.

Был ли кто из вас хотя бы денек в марях — в одуряющем запахе голубики и перегнивших мхов, трав, лишайников, в нудящем жужжании гнуса, в болотах с коричневой водой, сверху затянутых мутной пеленой плесени, в ручьях с ледяным дном-ложом и самое жуткое — в этой бесконечности без всяких ориентиров? По воздействию на психику мари сродни зыбучим пустыням. День-два пройдешь, уже жить не хочется, и сам становишься похожим на одиночные, корявые лиственницы, которые не поймешь — живые они или давно уже скручены ветрами насмерть. Начнешь летом такую, еще листвой не опушенную, качать-раскачивать и вдруг вырвешь неожиданно, а под корнями — снег, лед-леденец.

Приходилось ли вам ходить по курманам — стотонным глыбам, одетым в мох, кедрач, рододендрон? Они, эти глыбы, все еще раскачиваются и каждый промах-провал дает ощущение последнего в жизни вдоха. Лезешь, лезешь по таким глыбам, хватаясь за кедрач и, наконец, вершина. Спасение видишь в следующей долине. Не тут-то было — вершины-то зияющие, закутанные холодом, косо обрезанные, как жерди в ограде, с недосыгаемыми озерами внутри. Если и пройдешь сквозь эти горы тайными тропами, то для этого надо выбрать какую-то неделю в

году, остальное время — стужа, метели, снегопады, плотные туманы оберегают их. В этих карманах, как называют их аборигены хребтов — Байкальского, Яблоневого, Черского, ходят байки, что пасутся стада мамонтов. Очевидцы, испытавшие такие переходы, уверяют, что сами видели мамонтов, кутались в их разбросанную по тайге шерсть, заваривали для мягкости воды чай с кусочками бивней, которые валяются там всюду, ноги отогревали в мамонтовом горячем навозе, пугались трубного гласа великанов. Не вступайте в спор с этими людьми — они, возможно, на самом деле лицезрели мохнатых исполинов Севера. Когда эвенк или другой абориген сибирской Тайги, Тундры, Севера заметит человека, идущего по его земле, он никогда не станет его убивать. Он знает, что через день, два, три бредущий сникнет, сядет на корточки, как все бездомные на земле, привалится к теплой, такой шершавой, словно материнская рука и слезливой, как бабушкины щеки, коре лиственницы и уйдет в мир иных измерений. И сидеть он так будет долго, годами в одной позе и это место все будут обходить, аргиши не станут останавливаться.

Бежали от власти к свободе русские люди, создавая государства и сословия, уходили в прошлых веках и нынешнем. Сатану сразу увидели во власти большевиков староверы, в чьих генах не испарился дух мордвина Аввакума и ярость боярыни Морозовой. Исчезли в море тайги.

«Наша небольшая партия вошла в алтайскую деревню, не отмеченную на карте. Из домов повыходили люди — угрюмыми рядами, опустив головы, по обе стороны улицы стояли дети, старики, женщины. Мы даже побоялись попросить воды. Возвращаясь тем же путем, через месяц, деревни мы не нашли. На ее месте буйно росли крапива, полынь, светилась лебеда».

Так описывает геолог Николай Кирихин встречу со староверами в тайге в середине 20-х годов. Бежавшие в горы, леса, строили деревни. Подземные, где дома соединялись друг с другом ходами, дым от печей выводили в сгнившие дупла деревьев. Тайными тропами общались друг с другом, передавая вести. В подземельях при свете лучин переписывали Священное Писание на расщепленную бересту, которую заготавливали с приречных берез в июльские дни. Береста тогда с них снимается словно венчальное платье с невесты в брачную ночь. Саянская, Кемь-Кетская, Енисейская тайга изрыта была подземельями беглецов. Они молились, целуя Янтарную икону Божьей Матери, и просили избавить мир от Красного Сатанинства. Такое уединение народа не сравнишь даже с

бегством первых христиан в катакомбы Рима и в пустыни Кумрана. В земле, скованной морозами и засыпанной снегами, люди жили, рожали сыновей и дочерей, молились и верили в Бога. Хакасы, эвенки, чулымские татары тайно доставляли им топоры, ножи, порох, соль, семена. В глубине таежных гор и непроходимых болот, там, где мошка шевелящимся ковром покрывает одежды, лица, морды лошадей и собак, беглецы выращивали картофель, гречку, капусту и рожь. Они жили десятки лет в христианском смирении и евангелической красоте человеческих отношений.

Уже подходила к концу Вторая мировая война и солдат, поставивших пол-Европы на колени и вогнавших эту ее часть в комсталинское ярмо, послали то же творить в Азии. Их загнали в Китай принимать в плен пораженную коварством северного соседа маньчжурскую армию Японии.

Проживавший в Тяньцзине родственник, так он себя считал, по крайней мере, академика Евгения Тарле Исаак Дашинский наладил изголодавшемуся без ППЖ (походно-передвижных жен) генералитету, поставок красавиц китайнок в фарфоровых вазах. Ставился такой сосуд вроде бы для украшения в китайском стиле в углу кабинета, в сосуде огромный букет роз. По хлопку, красавица, отбросив букет, прыгала на колени и в объятия бравого генерала. Дашинскому это изобретение зачли в подвиг и позволили перекраситься из белогвардейца в красноармейца, получить офицерское звание и медаль «За победу над Японией».

Однажды нарочные передали старикам-староверам тревожную весть — на них, кемь-кетских и енисейских праведников Божьих, не пожелавших покориться Советской власти и разметававшихся по тайге, брошена армия, готовят катера, которые в июне забросят солдат к устьям рек и они пойдут берегами стрелять и ловить противников Советской власти, трусливо бежавших от защиты отечества, как каких-нибудь дезертиров-власовцев или фашистов. Весть шла от подземелья к подземелью, от Басаргиных до Сазоновых. Сутками пребывали убежавшие в поспе и молитве, смотрели на лик Янтарной иконы Божьей Матери, пока не потекли ее слезы и не молвила им, якобы, она: «Конец миру, конец жизни, бегите и не соприкасайтесь с сатаной, с дьяволом кровососущим, уходите в пламя Бога и свободы».

Тайга была еще бескомарная, когда стали сносить к скитам сухостой, бересту, щепку смолистую клали к щепке. И на каждой щепе — слеза янтарная Божьей Матери. Обнимались девушки с юношами, целовались и любили друг друга, ожидая перехода в вечную жизнь через вьюгу пламени. Молились, молились последние свои дни на Земле, готовясь предстать перед судом праведным Божьим.

...Офицеру Дашинскому достался взвод сибиряков, обутых еще в портянки китайского шелка. Портянки были, что надо, холодили ноги в походе. Пароход прошел старинный Енисейск и причалил к Усть-Кеми, небольшой, в несколько улиц деревне. Тут в прошлом веке действовал судоходный канал, соединяющий Обь с Енисеем, однако с постройкой Транссиба его забросили и им иногда пользовались только лодочники.

Спустили катера и взвод приступил к прочесыванию тайги. На вторые сутки Исаак в бинокль увидел в одной из протоков группу людей в белом, с детьми на руках. Катера повернули в их сторону. Услышав рокот моторов, люди не стали разбегаться, а пали на колени, помолились, а затем обнявшись и подбадривая друг друга, побежали в скит. Последний из вошедших взял в обе руки свертки горящей бересты и стал поджигать избу.

— Что это такое? Нажимай, нажимай, греби ребята, творится что-то неладное! — кричал Исаак Дашинский. Когда они выскочили на берег, скит полыхал и пламя смешивалось с пением, многоголосым, неземным. Солдаты начали веслами разбрасывать поленья, но от них шел такой жар, что стали гореть не только весла, но и сапоги. Кто-то бежал к протоке, кто-то, отойдя, кружился от боли, как очумелый. Когда все же приподняли с одной стороны верхний венец сруба, то им в лицо брызнули глаза. Глаза потекли по гимнастеркам.

Дашинский бессильно опустил на траву. От увиденного — поседел. Горели, полыхали в мареве огня сплетенные тела. Невиданный шел жар... Вспыхнула тайга. Спасенных не было. Иногда ловили тех, кто не успел уйти в пламя. Их спешно скручивали, увозили не разговаривая, а потом судили. Армия встала. Солдаты отказывались идти в глубь тайги, писали липовые донесения о якобы выполненных заданиях и пройденных маршрутах. Офицеры стрелялись. У тех, кто был в шелковых портянках, с ног сошли ногти и они на всю жизнь стали калеками, ходили теперь ковыляя и прихрамывая.

Удивляется молодой собиратель народного фольклора в этнографических экспедициях, организуемых педагогическими институтами и университетами: «Староверы — люди отсталые, смотрите, как живут, цивилизации не видели, посему и такие мрачные и угрюмые». Профессор Николай Николаевич Покровский в споры не вступает, а говорит спокойно и вежливо: «Староверы знают мир, его историю и географию лучше вас. Спросите с кем и какими странами они в переписке: с Колумбией, Бразилией, Турцией, Аляской... Они все ГУЛАГ прошли, и эту, советскую, жизнь жизнью не считают».

ЗАПОМОЕННЫЕ ВОЖДИ

Чучек жесток и свиреп по отношению к объекту — терпиле. Все поведение его пронизано злом, и оно от преступления к преступлению крепчает. Только силу зэк признает за власть, ей и злу поклоняется в словах и поведении. В родной зэковской среде (помойке) это поклонение возведено в культ, здесь следуют неписаному закону, по которому умервщление — не убийство.

В воровском мире самое страшное — разборка. Разборка (по-другому — правилка) — воровской суд чести, без дуэлей, голосований, по правилу: предъявляем — отвечай. Ясно, четко, без увиливаний. Чем несовершеннее юридические законы и их исполнение, тем яростнее и озлобленнее ведет себя разборка. Разборка — измеритель жизни человека, ставшего навсегда зэком, той жизни, где любое отклонение от звериных законов силы и страха влечет новое унижение — отмывку за проступок-прокол. Поражаются обыватели нелепой смерти соседа — вышел человек из подъезда для того, чтобы выбросить мусор, а его ни за что ни про что пришили наповал. Совсем непонятно: стоял, разговаривал, смеялся и получил нож в затылок. Убийца и бежать не думал, дал себя скрутить и доставить в отделение милиции. Пойдут следствия, суды и преступник отпираться не станет, будет все подписывать, а если в дальнейшем не получит вышак, то в камере после суда пустится в пляс и будет благодарить судьбу.

Берет на себя подследственный все преступление целиком, отмазывая остальных — он и только он во всем виноват, все это дело его рук. Следователь маракует, потирая щеки, вписывает новые «улики», подгоняет под статью. На самом деле — все туфта, нестыковка. Как столько успел сделать один человек? По делу он превращается во вездесущего монстра, злодея, вора, насильника с десятком преступлений в одно и то же время. Причем, совершает их в местах, куда можно попасть только авиалайнером и вертолетом. Но осудили, сполна вмазали. Зэк, потягивая лямку срока, вправе надеяться, что его не оставят в беде, он же все взял на себя, выручил остальных, спас их от тюрьмы. По воровскому закону — семье, детям, родителям будут помогать, защищать, охранять от превратностей судьбы. Подберут дорогу к зоне и станут «подогревать». Так можно сидеть. А если нарушил правила, сплеховал — предал товарищей, помог ментам раскрыть, выдал, совет зэков вызовет на разборку (на свободе, в зоне, тюрьме). Дадут

право подготовиться — пригласить свидетелей, взвесить все за и против. Бывает, что поступившие сведения туфта-фуфло, сплошной поклеп. Тех, кто подобное наклепал, тоже «правят», выясняя причины, побудившие «такое сказать». Такой осужденный, чувствуя за собой такой «прокол», находясь в тюремной камере, пытается спастись от разборки. Он понимает, что жить ему осталось недолго. Он тайком пишет заявление начальнику тюрьмы, где указывает своих врагов и просит отправить в дальняк. В зоне, почувствовав за собой «взгляд» стремится скрыться от разборки переводом в другую зону, закрытием в ШИЗО или ПКТ. Такого «проколотового» зэка может спасти на время, отодвинуть смерть только новая зона.

Случается, срок оттянул, в зоне обошлось — вырвался без разборки. Никто не знает, когда его выпишут, в словах он осторожен — следы замечает, хитрит. Освобождается тихо так, без «дембеля», даже соседи не заметили, подумали, что перевели в другую бригаду. Получил расчет, тут же, в вольной каптерке приоделся в «гражданку» одеждой зэков (гражданскую одежду при водворении в зону сдают в каптерку и даже дают расписку, но это — сущий обман, так как одежда идет вольняшкам и работникам зон, они распоряжаются ею сполна, торгуя, обменивая). Кладовщику за одежду отмусолил деньжат из полученного расчета. Все на мази — «справка об освобождении», паспорт с выпиской, билет до указанного тайного пункта — отдаленного леспромхоза, стройки века — БАМа. Катит по рельсам бывший зэк, осторожно соприкасаясь с волей. Только проводник случайно заметил, что пассажир, следующий по билету до Амазара, исчез из купе. Думает, отстал на станции, бегал небось за водкой или самогоном в ближайšie к вокзалу дома. А новоиспеченный вольняга в это время с кляпом во рту, весь синий, как байкальские волны, лежит связанный на разборке. Братва перечисляет его проступки, проколы-косаки, предательства, измены, доносы ментам и следакам, оговоры, недостойное поведение в доме родном и зоне и принимает решение, отмеченное изысканной фантазией садизма. От смерти может избавить только решимость примочить в течение часа первого встречного — мужчину, мента, студента-очкарика, бабу в кроличьей шубке, вырезать семью по такому-то адресу, ограбить квартиру, угнать автомобиль, поджечь склад, изнасиловать. От этих дел не избавишься, в милицию не побежишь, найдут — хуже будет, тогда пощады не жди. Ни самый ученый специалист по выдумыванию мучений в Древнем Китае, ни самый законченный садист-изувер не в состоянии перещеголять выдумки участников разборки. Виновного привезут в лес и привяжут ноги к согнутым верхушкам берез, которые разорвут человека на части, подвешат за ребра, позвоночник,

лопатки на сучья, вскрыв живот; посадят на кол-лом, воткнутый в муравейник — человек погибнет за неделю, а мураши за лето скелет опустят на землю и куча от удовольствия отпочкует несколько новых колоний. Вольют ртуть в желудок и гибель от отравления неизбежна — медицина будет бессильна. Втолкнут в металлическую бочку от солярки, руки и ноги просунут в пробитые отверстия и, закопав в землю, зальют бочку экскрементами. Четвертуют на пробензиненной плахе, приковав обручами-скобами к ней грудь, туловище, руки и ноги, а затем привяжут к машинам и по сигналу вырвут в мгновение руки и ноги, да так, что плаха в воздухе повиснет: крик глушится машинными выхлопами. Останки — плаху с еще живым человеком-корягой, руки и ноги сожгут тут же.

В городах растворяют соляной кислотой в ваннах. В Шелехово на алюминиевом заводе были случаи, когда вталкивали в электролизные камеры — один сизый дымок и табачный запах оставался от бывшего господина Вселенной... Могут запечь, зажарить в собственном соку — свяжут, обмотают веревками, обмажут глиной, и... кладут под костер. Это одна из самых мучительных смертей. Легким исходом считается, когда просто убивают, растворяют в кислотах, сжигают, варят. Обычно перед этим над жертвой изголяются и глумятся, вымещая всю дикость на коллегах-соратниках, нарушивших воровской закон. Чучек правит суд над эком, применяя свой, воровской кодекс. Во время разборок в районах Тюменского Севера человека загоняют в манессмановские нефтегазовые трубы. Известны случаи, когда, проползая десятки километров по трубам, лежащим в вечной мерзлоте тундр, содрав все ткани на руках, ногах, спине, лице зэк оставался живым, на всю жизнь приобретая страшное психическое заболевание — боязнь закрытости, темноты, металла, ржавчины — закрытых помещений, посуды, окон.

Изверги в Омске, Новосибирске, Хабаровске помещают человека в вентиляционные шахты кинотеатров — сильные воздушные потоки за несколько дней иссушают связанного человека, превращая его в высохшую мумию. Крик не поможет, музыкальное сопровождение фильмов и шум вентиляторов заглушают стоны погибающих в муках.

Сажают с обнаженным задом в небольшую бочку с голодными крысами, которые через сутки вылезут через живот; мучительна смерть утоплением в горячем парафине или живое захоронение в пластиковом мешке под могильной плитой на старом кладбище. Морозят руки, ноги и на глазах живого человека их отпиливают по частям металлической ножовкой, заставляя еще обрубок танцевать;жимают голову тисками, вставляют в прессы, превращая в лепешку, выбрасывают с вертолетов, кладут в рамы,

распиливая по частям вместе с бревном; опускают в бетонную смесь площадным вибратором, в лесных зонах Красноярского края на человека валят штабель леса.

Когда зэк сам судит, то есть вступает в разборку с якобы виновниками его злоключений, у него возникает ненасытное чувство мести. Месть его поглощает целиком, он в упоении продумывает каждый эпизод, не опускает мельчайших деталей. Его злость переходит в обет: уничтожать таких-то ментов, баб, блядей, сотоварищей по ремеслу. Подготовка по уничтожению ведется тщательно, насквозь продуманно. В одно мгновение автоматная очередь уничтожит целое отделение милиции, собравшееся на торжественное заседание. Мститель может при этом и себя прикончить. За пределами зон, особенно в городах, менты, служащие в лагерях, не ходят в форме, а стараются так измениться, чтобы их никто не заметил и не узнал. За «боюсь-боюсь» все же не зря доплачивают — сотни ментов гибнут от рук мстителей. Поехал мент в отпуск в какой-нибудь отдаленный санаторий, к примеру Кульдур, что в Хабаровском крае. Выехал тайно, специально поплутал с пересадками, слух пустил среди зэков, что поедет в отпуск к родственникам в деревню. Едет, катит, созерцая пейзажные красоты, со многими перезнакомится, поиграет в шахматы, вечером перед сном зайдет в туалет и не успеет отреагировать, как отворится дверь и стальной блеск решит все. К ментам у зэков отношение двойственное: с ними надо жить, так как никуда не денешься, но и ненавидеть надо, а уж ежели мент и сам загремит за решетку, то по первому разу он идет в свои, прокурорские зоны. Второй срок несет вместе с зэками. Если узнают о том, что он раньше был в ментах, пощады не жди: прессуют, помоят, педерастят, убивают. Даже не щадят тех, кто в прошлом работал вольняшками в зонах, кто служил в охранных частях МВД, кто, будучи вольным, помогал ментам. В помощь входит и строительство заборов вокруг строящихся зэками объектов, их сигнализации и освещения. Помогать ментам при любых случаях, даже когда они умирают (подыхают), попадают в аварии, по всей обширной зэковской ойкумене считается западло.

Даже когда строители оборудуют площадку под объект — ставят столбы, вышки, обшивают тесом забор, принимают бесконечные проверочные комиссии из управлений МВД, люди стремятся так работать, чтобы об их деятельности никто не знал: ни знакомые, ни жены. Подойдите к бригаде и сфотографируйте ее — страх исказит лица, могут избить, отобрать фотоаппарат. Бригада знает, что строить зону западло, хотя оплата за эту работу повышенная. Не ровен час схватишь срок, попадешь в лагерь — менты будут выяснять, где работал на воле, строил ли зоны. Если

строил, на выездные работы ни за что не попадешь. Зэки, узнав о твоей прошлой деятельности, связанной со строительством оград, запомят и отчешежопят.

Месть зэковская всеохватна и всепроникающа. Гонит баклан Сударев о том, как после командировки он проникает в военную зону под Ангарском в Саянских горах, где он проходил военную службу. В ней стоят ракеты с ядерными боеголовками; он знает все тонкости наводки. Мечтает-грезит их захватить и направить на Москву. Для операции нужна небольшая группа, которую он подберет из проверенных людей. Они захватят боеголовки, наведут на Кремль. Не нажмут они на пусковые установки, если «педерасты из ЦК КПСС» пойдут на их условия. Им будет послан ультиматум. Условия простые: необходимы три миллиарда долларов, можно и в другой валюте, для него и его мальчиков. В противном случае от столицы останется одно мокрое место. Получив чек и заверения на эти деньги в одном из банков Лихтенштейна, он, Сударев, уедет с корешами за рубеж, точнее улетит. Там, за границей, он пока не решил где, может в Мексике или на островах Фиджи, где тепло и уютно, но обязательно в горах, купит шикарное авто «Порше» с алмазными подшипниками, с сиденьями, отделанными золотой тканью, и чтобы водитель обязательно был негр-эфиоп. Это он уже решил окончательно. Потом со всего мира свезет блудей-красавиц — белых, желтых, черных, также разноцветных педерастов-мальчиков и будет жиреть, балдеть, кутить, кемарить. Попробует пол себе переделать и бабой побывает, тогда его будет жарить негр-эфиоп, снова вернется к исходному, так, пожалуй, лучше. Будет у него не жизнь, а сплошной балдеж. Посудите, поразмыслив, недорого берет за сохранение Москвы с ее 10-ю миллионами жителей — всего каких-то три миллиарда долларов. Скромный человек Толя Сударев, промышлявший снятием шапок, дубленок, теплых сапожек с дам города Новосибирска. Попал на скамью подсудимых из-за жалости: одну биксу, пожалел и при сорокоградусном морозе завел в подъезд и там раздел. Она, неблагодарная, будучи в страхе, его запомнила, сама чудом осталась в живых, переболев двухсторонним воспалением легких и нервным потрясением. (Лучше бы подохла.) Заявила в милицию. Много месяцев спустя, на опознании (по другому делу арестовали Сударева) она его узнала. (Какая неблагодарность!). Зол на нее Сударев, жалеет, что не придушил в подъезде, тогда бы не было улик. Скромный все же зэк Сударев — в прошлом наводчик стратегических ракет и несостоявшийся рабочий — наладчик завода «Сибсельмаш», где директором был Виталий Петрович Муха, а Сударев работал у него немного, но всегда «под мухой».

Жил в Москве социолог-футуролог и писатель-фантаст, человек, как бы сказал Акутагава, тонкий, спекулянт острый, ума недюжинного, занимался поисками сокровищ на Британских островах, в озерах Литвы и шарил в окрестностях знаменитой станции Тайга, что в Томской области. Там по предположению еще тонн пятнадцать золотых слитков лежит из царского запаса. Думал и писал так много, что голова струпьями от неизвестной болезни покрылась. Имя его Александр Горбовский. В порыве предприимчивости он предложил КГБ создать лабораторию под его началом, которая бы изучала психологию государственных деятелей Запада, Америки, Африки и Азии, то есть несоциалистических стран. Проблемы поставил, круг будущей деятельности очертил и, получив негласное добро, бросился по Союзу искать таланты — им была обещана московская прописка, жилье, поездки за кордон для визуального осмотра объектов. К открытию все было готово, даже помещение с портретом Ф. Э. Дзержинского. Требовался пустяк — подпись самого Юрия Владимировича Андропова. Но именно из-за нее произошла осечка. Андропов подумал: эти ученые, изучая западных, начнут исподтишка исследовать и наших дураков! Совсем ни к чему и меня изучать. Наложил резолюцию: «Вожди изучению не подлежат». Баста, точка.

Александр Горбовский в уныние не впал, прочитал курс лекций о социальной футурологии и в Москве 70-х годов, издал под эгидой Московского горкома КПСС, естественно тайно, свои выкладки о будущем развитии советского общества и о грядущей перестройке его. Раздал экземпляры несостоявшимся коллегам и пустился с металлоискателем шотландского производства шукать запрятанные драгоценности на просторах отечества.

В те же времена курский школьный директор Ефим Вендров открыл для себя такую сферу деятельности — изучил деловые качества учителей области, да так, что, внемля его советам, облоно наполовину их сократило, оставшиеся взвыли и провалили всю программу обучения. Но он, движимый лозунгом «Кадры решают все», натолкнулся на Министерство радиопромышленности, которое ухватило за идею и создало на своем заводе «Маяк» лабораторию под началом Вендрова, состоящую из него одного. Рекомендации бывшего директора были столь внушительны, что Управление кадров и учебных заведений министерства провело два совещания — одно в Вильнюсе, другое во Владимире. Ефима пригласили в Москву. Изучал Вендров деловые качества мастеров, начальников цехов, инженеров и бухгалтеров и замыслил прощупать директоров. Начал аж с тружеников «Уралмаша», стал опрашивать, кто такой Николай Иванович

Рыжков по их мнению. Взревел глава социндустрии Урала, узнав о такой дерзости, и выбросил социолога напрочь из своих пределов, как нашкодившего котенка. Лабораторию, к этому времени расширившуюся в штатных единицах и состоявшую из Ефима и его секретарши, разогнали. Задрожали волчьи шрамы на губе ученого и он произнес: «Вожди в Союзе начинаются с директоров, а я думал — с министров. Ошибся. Придется подаваться на БАМ к Косте Мохортову, у него там сейчас много шизиков неизученных».

Если вожди на воле, по данным исследований Ефима Вендрова, начинаются с директоров, а по разумению Юрия Андропова с дураков из ЦК КПСС, то в зонах, что известно зэкам без науки, с паханов. Пахан — непосредственный вождь, гроза зэковского мира. Основа лидерства пахана — особые правила игры, сформировавшиеся в группах «воров в законе». Процесс создания иерархии в замкнутом, колючечном мире вызвал появление в конце тридцатых годов элитной группы зэков — «воров в законе», то есть знающих, толкующих и живущих по своему, воровскому закону.

Эта группа впитала давние воровские обычаи и правила, адаптировала их к условиям ГУЛАГа. «Воры в законе» держали лагерь в своих руках, находясь в тесном контакте с администрацией. Без них зональная система не могла бы существовать, так как лагеря были бы просто неуправляемы. Каждый лагерь подчинялся вождю-пахану и его дружкам (кодле) — «ворам в законе». Внутри этих кодл постоянно шли схватки, борьба за власть и ее привилегии, но в одном все кодлы были едины — в подчинении себе всей массы зэков-работяг.

«Воры в законе» имели в своем распоряжении «общак» — большие суммы наворованных денег и драгоценностей, которые держал их доверенный из мужиков. Часть суммы находилась в лагере, остальная за его пределами. Кодлы «воров в законе» отличались особыми приметами и обычаями — они не работали, а в некоторых лагерях имели ритуальное оружие — двусторонние ножи, которые применяли в борьбе с суками — ссученными ворами, выполнявшими требование прежде всего администрации по управлению зэков, а не воров в законе. Ссученные воры жили в лагерях и за его пределами тоже с вождями и дружками, но не так жестоко придерживаясь воровского закона. «Воры в законе» считали сук предателями, а суки стремились избавиться от их опеки, они доносили на них, убивали, если сила принадлежала им. Страшная, беспощадная война сук с «ворами в законе» шла на пересылках, очень известна бойней Котласская. В захваченную суками зону воры в законе наотрез

отказывались заходить, как и суки в воровскую. Главным в дележе между этими группами в зоне было то, что суки хотели иметь такие же почести и привилегии, как и «воры в законе», то есть не работать. Администрация это требование «воров в законе» учитывала и использовала как капо — погонял для массы заключенных.

После Отечественной войны на подмогу сукам пришли военные, которые пачками летели в зоны за преступления на освобожденных территориях. Военные стали создавать свои кодлы и в некоторых лагерях взяли власть в свои руки. Именно в этих зонах впервые после многих лет эки почувствовали хоть какие-то облегчения, то есть ограничение беспредела. Военные выступали также и против администрации лагерей, вызвав неслыханные для тридцатых и начала сороковых годов случаи неповиновения ее действиям. Администрация специально завозила в зоны «воров в законе» и устраивала их схватки с военными кодлами.

Но военные, конечно, не смогли улучшить общий климат в многомиллионных зонах. Ни одна зона не могла существовать без своего вождя, а вождь опирался на апробированный кодекс «воров в законе». Лаврентий Павлович Берия, выдающийся психолог, прекрасно знал лагерную ситуацию. Будучи сам бандитом с садистскими наклонностями, он поставил лагеря на службу хозяйству, науке и искусству. То, что сделал он с помощью лагерей, трудно даже представить. Он создал новые области, осваивал непригодные для человеческого обитания зоны Земли. Примерами могут быть: Магадан, где зазеленели картофельные поля, замычали коровы, поедая траву с орошенных водой Колымы покосов от воды тундровых озер; районы Норильска, где и сейчас еще не живут в любое человеческое жилье проникающие воробьи, и Воркуты, железная дорога от которой вобрала мостовые переходы тундровых рек металлические конструкции с несостоявшегося Дворца Советов, который должен был быть возведен на месте взорванного храма Христа Спасителя в Москве. Он заставил мыслить и работать, пропустив через уголовные кодлы, заносчивых ученых типа Туполева и Ландау. Там среди эков за несколько месяцев они получили такую «жизненную накачку», что, возненавидев людей, полностью ушли в мир изобретений и творчества, не требуя себе комфорта.

Революция вскрыла присущий человеку, как виду, инстинкт вождизма. В ее условиях вождем мог стать каждый. И полезли вверх, как после дождя поганки, доморощенные Спартаки, Пугачевы, Котовские, Троцкие. Вожди стали уничтожать и загонять в тут же созданные концентрационные лагеря других вождей. Здесь же формировались свои, новые. Вожди, гении,

шизики работают, как им кажется, только на человечество, обещая ему блага в будущем, а к простой деятельности по добыванию хлеба насущного они не приспособлены. На самом же деле они думают только о себе, о своей жизни, своем бессмертии — пишут, рекомендуют, советуют. Вожди любят лучшее при жизни. При этом считается, что народ должен о них заботиться в первую очередь.

Так вышло, что к концу сороковых годов в лагерях страны развелось море вождей, как лаптей в коллективизированных деревнях. Вожди в бесконечных разборках мешали выполнять плановые задания и помогать созданию Сталинградов, Сталиногорсков, Сталино и прочих Сталинов. Поговаривают, что в это же самое время в одной из зон замочили друга Лаврентия Павловича, направленного туда для ознакомления с психологией и очистки от шелухи сомнений так же, как в Древнем Китае кастрировали для этих же целей историка Сыма Цяня, чтобы он глубже и плодотворнее трудился, не отвлекаясь на посторонние дела. Лаврентий Павлович Берия, поразмыслив, решил резко уменьшить численность вождей-паханов, а также их ближайших соратников. Он созвал всесоюзное совещание начальников лагерей. Оно проходило по методу мозговой атаки: начальникам предложили написать реферат на тему «Ликвидация „воров в законе“, как фактор повышения эффективности социалистического труда в лагерях». Выступать разрешалось дельно, не более пяти минут, как когда-то рекомендовал для других главный болтун Октябрьской Революции. Затем начальникам предложили вернуться домой и ждать решения. Оно последовало буквально по пятам. Пришел приказ в один день, один час паханов и их кодлу отправить на этап. В течение месяца из всех лагерей Союза их свезли в одну, вновь организованную зону, на севере Свердловской области. Зона эта усиленно охранялась людьми Лаврентия Павловича, лагерные офицеры внутри нее ходили в сопровождении вооруженных солдат. Адское зрелище представляла эта зона: вожди, ослепленные самой сладкой сладостью и негой в мире — властью над себе подобными, которая не имеет границ, вступили в борьбу за власть среди вождей. Везде валялись трупы вождей и их соратников по борьбе. Известно, когда снимают секретарей обкомов КПСС, то они в приемных ЦК КПСС режут, как младенцы, у которых отобрали соску. Как пожарников останавливают встречным палом, так только вожди-паханы в состоянии уничтожить вождей-паханов. Начальник лагеря паханов, сам в прошлом уголовник-пахан проводил тактику перемешивания вождей: только в зоне устанавливалась власть пахана и воцарялось относительное спокойствие, как он изымал его вместе с кодлой в отдельный охраняемый

солдатами барак. Через день в зоне уже царствовала новая кодла. Вновь испеченного пахана-вождя он переводил в спецбарак к уже там сидящему контингенту «воров в законе». Они начинали резать друг друга. Недорезанную кодлу вновь водворяли в зону. Многотысячный лагерь вождей не работал, а уничтожал друг друга, борясь за власть. Таким макаром за каких-то полгода большая часть вождей отправилась в преисподнюю. Оставшиеся вожди, будучи опомоемы и отчешежоплены усопшими вождями, превратились в послушную армию педерастов и чертей. Некоторые стали приобщаться к труду, вспомнив свое рабоче-крестьянское происхождение.

Все это время зона была без дорог и переписки, короче, на обезжиренном режиме. Дело дошло до того, что бывшие паханы-вожди хавали убитых вождей, до того они проголодались. После такого всевождистского опомоивания вождям трудно было подняться до бывшего уровня, исчез лоск, ореол геройства и уголовной славы. Но их не оставили, а снова разбросали по зонам отечества доживать и делиться пережитым. Там в других зонах многих доби́ли суки. Из содружеств «воров в законе», насчитывающих десятки тысяч сплоченных соратников, осталось около тысячи. Это были в основном те, кого спасли начальники за былые заслуги, подмогу, те, кто мог держать язык за зубами, а не в заднице. В середине 80-х годов в этом «братстве» насчитывалось свыше 200 человек. Их глава, Боб, умер в возрасте 87 лет на своей даче под Пятигорском. До конца он ежедневно принимал массаж, играл в карты, ездил к друзьям и организовывал дела. Он пережил арест своего друга по Норильску Ахмаджона Адылова — главы узбекской мафии. Менты хвалились в своих пособиях, издаваемых Рязанской школой милиции, что в стране в 1980 году было всего 14 «воров в законе». Боб, знающий истинную картину, радовался тому, что началось возрождение воровских традиций. Особенно умиляло его то обстоятельство, что русское воровство хорошо прижилось за границей. В нас, «ворах в законе», есть все же дух рыцарства, изрекал он в минуты откровения.

Бериевская операция по уничтожению вождей вошла в гены — оставшиеся в живых «воры в законе» очень хвалят Сталина, Гитлера, Муссолини и других вождей, но всей многоэтажной соленостью лагерного мата проклинают Лаврентия Павловича.

Паханы по-прежнему (по Брежневу) властвуют в зонах, но без прежнего лоска и ритуальности. Они явно измельчали, часто идут на поводу администрации. Бывает невиданное — пахан становится «роком зоны» и вступает в СПП — секцию профилактики правонарушений, бредет

официально по дороге исправления. Разборки по-прежнему процветают и множатся — зэк-чучек мельчает, а от того и звереет.

МАГЕРАМСТВО

«Ты умри, а я еще поживу» — неписанное, но воплотившееся в жизнь зэково кредо. «Умри» — слово емкое, оно входит в понятие «распределение» в коммунистическом смысле. А распределяют среди чучеков не задумываясь: лучшее пахану и тем, кто сидит за столом, но сначала пахану. Распределение вы ощущаете сразу, как только вас втолкнул в КПЗ, снимут шнурки, галстук и ремень. В тюрьме к вам подойдет незнакомый человек, нагло ощупает вас, ваши вещи, посмотрит в зубы, снимет очки, их примеряет, почистит стекла о задницу. Начался беспредел, то есть, вы — под контролем зэков. Оторопев от такого бесстыдства, вы отталкиваете непрошенного потрошителя, отстраняете. Но, как по команде, со всех углов налетает свора — очки разбиты, вы умываетесь кровью и слышите ехидно-пронзительное: «Падла, сука, для дальняка марочку пожалел, лепень скинуть побоялся. Он, сука, педераст. Помойте его, помойте его!» — И тащат человека — бывшего члена КПСС, профсоюза и других массовых организаций, отца семейства к унитазу, суют голову в толкан, держат, подбегает другие, мочатся, брызжут теплыми струями на лысый череп бывшего изобретателя-рационализатора...

«Ну, мужичок, давай поделимся — подходит свора к человеку. — Небось бабка сидор собирала. Теплый еще, домашненький. Сколько получил, сколько накинули тебе коммуняшки?» — уже роясь в сидоре. — «Пятилетку? УПК, УПК, пятилетку, на пока. Для настоящего зэка — не срок, на толкане просидишь». Сидит мужик с опустошенной сморщенной сумой и думает: «Что поделаешь, тюрьма, меня и на самом деле сюда не звали», «Молодец, что все им отдал» — подходит какой-нибудь доброхот. «Не переживай. Прошлый раз в карантине один заерепенился, не стал отдавать, так они старика тут же отчешежопили». «Лепень какой, глядь, лепень какой — замшевый, бархатный. В баньке Колька кинет пару плит». В переводе на разговорный человеческий язык это означает, что блатные увидели замшевый костюм и оценили его в две плиты чая, то бишь в три рубля. На воле этот костюм вам стоил в пределах 300 рублей. Пораскиньте умом и придете к выводу, что самая выгодная барахолка и необузданная спекуляция — в отечественных тюрьмах. Идут, идут сквозь них народы и оседает парча, золото, серебро, костюмы, пальто. Провожали на пенсию в 1983 году начальника (хозяина) Убинской зоны — лагеря строгого режима. Целую неделю расконвойные грузили ему вагон барахла, заработанного

честным, праведным трудом на ниве МВД СССР.

Вызывает дубак блатного. Через несколько минут он возвращается в камеру: «Братва, у Генерала (кликуха дубака) завтра праздник. Пригласил его кент (товарищ дубака) на свадьбу. Подарочек нужен от нас. Братцы, он дубачок неплохой, не то, что Усатый (кликуха другого дубака), многое нам прощает. Поделится, подсобим. Надо ему парочку гаечек (золотых колец)». — Гаечки находятся. Дубачок одаривает в свою очередь блатных 200-граммовой плитой прессованного грузинского чая по цене 1 рубль 68 копеек.

Охраной все тюрьмы и зоны отечества укомплектованы сполна. Народ туда работать идет с удовольствием. Валом валят афганцы, бывшие вояки из Восточной Европы, одни поколения охранников сменяют другие. Но все же жалуется иногда администрация на разных совещаниях: «Кадров нет, недокомплект». Это — для поднятия своего престижа и повышения оплаты за «боюсь-боюсь». Иногда комсомол тайно объявляет призыв: никуда не годных комсомольских работников перебрасывают для усиления борьбы со все возрастающей преступностью. Романтики хватает, пожалуй, больше, чем на любой стройке коммунизма. Работа в тюрьмах и зонах во всех отношениях выгодна всем слоям и категориям трудящихся масс. Возьмем для сравнения меновой обмен — 50 граммов байхового высшего сорта чая стоят 52 копейки — в тюрьме идет за 10–15 рублей. А сколько еще чего надо человеку: лезвия для бритья, иголки, нитки, бумага, ручки, карандаши. Дубаки предпочитают сами не продавать, есть у них доверенные среди блатных, и всю гудит-шумит перепродажа. Среди зэков свое распределение — отбирают, выхватывают, уговаривают отдать и сами меняют; сапоги зэковские на сапоги солдатские, что прочнее и теплее; тепляк — нательное теплое белье — на тепляк же, но китайской марки «Дружба» — он плотнее и теплее, в ней не так быстро заводятся вши; шапки, майки, рукавицы: все, все, все. «Оставьте, пожалуйста, рубашку, не забирайте, ее бабушка в церковь носила, освящала», — сопротивлялся юноша. — «Ты что, сука, меня за человека не считаешь? Я не себе беру, а ребятам, идущим в дальняк. Скажи спасибо, шкварота, что свою взамен отдаю, кровную, милую».

Зэк обязан любую передачу, отоварку, посылку сразу положить на стол блатным, отнести в блатной угол или в каморку к завхозу. Там распределение произойдет «справедливо», «по закону». О тебе, горемычном, и совсем могут забыть, так как тебе «не положено» и останешься ты с пролетом, то есть, порожняком.

Очень уважают паханы и их кодла «московское распределение» —

зэковскую кремлевку — калорийные продукты и добротную одежду. В карты играть они тоже мастаки: то проигрывают, то выигрывают — игра идет с переменным успехом, с мордобоями и примирениями, с оплатой сразу, тут же или к сроку, с отчислением на волю, то есть требуется оплатить после командировки — отсидки. Получается так, что иные и освобождения не хотят, ибо к собственному (ментовскому) иску добавляется проигрышный на не меньшую сумму.

Есть матерые паханы, что в тюрьму лезут, как в цековский санаторий на отдых, чтобы заработать там игрой и магерамством десятки тысяч. За эти деньги содержат и домашних по-купчески и братву, бедствующую на воле, одаривают. Вот мы и познакомились со словом, наводящим страх и ужас на простого зэка — магерамство. Магерамство — это обязанность каждого платить, отдавать, преподносить, одаривать пахана и его кодлу за все. За все надо платить, чтобы жить. Таков закон. Вот сколько стоят в рублях (расценки Западной Сибири и Урала до 1991 года):

- шконка в тюрьме (битком набитой камере): верхняя — 15 руб., нижняя — 25;

- иметь тумбочку в зоне — 25;
- спать на шконке в углу — 50;
- иметь работу, не работая — 100;
- иметь работу в промзоне — 25;
- иметь своего педераста — 50;
- иметь костюм выходной — 20;
- иметь кружку эмалированную — 5;
- сидеть за столом — 10;
- стоять в первой пятерке — 10;
- разговаривать и подходить к пахану — 20;
- подходить к кормушке и разговаривать с дубаком — 10;
- передавать на волю ксивы — 20;
- смотреть сеансы — 25;
- не ходить в наряд и на дежурства — 30;
- не убирать мусор в локальной зоне — 20;
- читать газеты и журналы — 5;
- читать книги из библиотеки — 5;
- слушать рассказы — 5.

За все, за все надо платить, чтобы жить. Где возьмешь такие деньги? Надо или с воли перегонять или самому поборы устраивать.

Зэки спрашивают по приходу в зонавский карантин: «Скажите, братцы, можно ли в вашей зоне жить, есть ли магерамство?» Отвечает

старожил: «У нас зона настоящая, законная — воровская, а без магерамства как же, порядка не будет — шкварота — пидоры и черти будут в углах спать, первыми в шеренгах стоять. Кому это понравится. Это же позор! Зона наша правильная, не пропадешь, ежели черепушка варит».

Магерамство — это понятие не только экономическое, но и социально-психологическое: в конфликты не вступай, волю блатных, фантазия которых неисчерпаема в гнусностях и издевательствах, выполняй без оглядки. Идет по промзоне и плачет пожилой мужчина чуваш, отец восьмерых детей.

— В чем дело, кто обидел? — спрашиваешь.

— Избили сейчас.

— За что?

Рассказывает, вытирая слезы.

— «Вчера в нашем отряде была баня, я взял и там обрезал ногти. Совсем забыл, старый стал, выпустил из виду. Только об этом, чур, никому. Подходит сейчас Волк (кликуха блатного) и предлагает, чтобы я ему на солнцепеке угрей на спине и шее повылавливал. Раньше я это делал, никуда не денешься. Ногтями выдавливал, чистил его шкуру. Говорю, Волк, ногтей нет, не получится сейчас, другого попроси. Он, как услышал, так и дал мне два раза под дых, еле очнулся. Сволочи, сволочи, ногтями своими распорядиться не могу».

Весь круг эковской жизни охватывает магерамство. В тюрьмах и зонах пахана и его кодлу эки обслуживают: шьют, стирают, подгоняют к ним курево, чай, наркотики, водку, готовят пищу, кипятят чай, ходят за них в наряд, на работу, массируют, чешут пятки, стригут ногти, срезают мозоли, даже в больницах за них лежат и принимают лекарства, пишут им письма и прошения, читают, усыпляют, отгоняют мух, ловят вшей в постели и одежде, ухаживают за Джамбулатом любви, прибирают постель, накладывают в шлюмки пищу, берегут для них при шмонах чай, привязывая его эластичными бинтами к мошонкам, прячут заточки, иголки, шприцы, идут за них в карцер — в ШИЗО и ПКТ, становятся под дубинки, забивают их шрамы наколками — партаками и так далее. Все это — магерамство.

Название «магерамство» происходит от фамилии эка азербайджанца Али Магерыма, который ненасытно обирал и люто терроризировал эков в лагерях Сибири в 40-х — начале 50-х годов. Был Али силы невероятной — высокий, плечистый, резкий. Говорят, мог схватить двух за горло, приподнять и в таком состоянии придушить. На своем Джамбулате любви пидоров крутил пропеллером. Это был Сатана, Дьявол, Мстительное

Исчадьё. Его одного возили в камере-купе Столыпина и в Норильск он попал, совершив плавание от Красноярска до Дудинки в отдельной каюте. Начальники лагерей его слегка побаивались, но использовали вовсю. Он, случалось, в карты проигрывал и охранников, но, конечно, очень редко. А эков так пристегивал, что при нем только мертвые не вкалывали. Неподчинившихся приводили к Али и он для начала «устраивал смех». Человека раздевали и играли в карты на его животе-столе, пепел от папирос смахивая в пупочную ямку. Проигравший должен был вставить заводную ручку в картежный стол, то есть вогнать раскаленный лом в человека, прогревая ему позвоночник, а затем «прокаленного» поставить попариться на мороз. Все боялись Али.

Тогда в лагерях мужские и женские зоны часто были рядом. В одном из них, в Кайеркане появилась девушка невиданной, дьявольской красоты. Звали ее Римма. По ходившей легенде, на воле с десятков мужчин ушли в поднебесную из-за любви в ней: кто вешался после ее отказа, кто бросался под поезд. По-разному уходили. Была она роковой красавицей.

Национальность ее определить не могли, причисляли то к хохлушкам-полтавчанкам, то к иркутским еврейкам, татары вслух утверждали — она, дескать, наша, из касимовских, а Арзуманов, московский армянин, с пеной у рта доказывал, что она из нахичеванских армянок. Глаголили, что Римма примочила в постели начальника МВД не то в Иркутске, не то во Владивостоке. Он, сволочь, якобы сфабриковал дело против ее отца, чтобы, шантажируя этим Римму, приблизить к себе. Из-за красоты ее даже у прокурора не поднялась рука запросить Римме вышак, и вклеили ей четвертак — 25 лет.

И в лагерях, как и на воле, пары подружек подбираются по контрасту: писанные красавицы сходятся с подругами безобразными, уродливыми, косыми, с разными отметинами, то есть с бабами, от которых мужчины в трезвом виде шарахаются, а по пьянке, переспав, сразу в трезвость входят без похмелья. Так вот, получается, что сходятся подобные противоположности, оттеняя друг друга, вызывают у людей пересуды, а сами живут душа в душу. Была и у Риммы такая подруга — Рита — жуть-баба, завистливая, безобразная — не поймешь, то ли медведь, то ли кобыла. Сильная — пальцами гвозди гнула, а задницей маневровые паровозы сдвигала.

Как увидел Римму Али, так сразу и рассудком помутился, захотел ее, влюбился, его Джамбулат превратился в мавзолейного часового, мальчишек-пидоров позабыл, запретил о Римме речь вести и стал оказывать ей знаки внимания. Кольца и украшения дарить, письма писать в

стихах и на любых языках. Это делали за него с блеском бывшие члены Союза писателей — стих у них прямо с уст срывался, так же как и раньше, когда в социальном заказе они прославляли вождей.

Однажды Римма сказала Али: «Голубчик мой ненаглядный, буду я твоей и здесь, и всегда, только сделай одну услугу, переспи сначала с Ритой, так уж надо, так я во сне видела и так мне цыганка Земфира нагадала. Только после этого мы будем с тобой счастливы, рок меня пощадит».

Вздыхал, ворчал, рычал Али в пышные усы, но однажды все же приглубил Риту. По лагерям пошел слух потаенный о том, как Римма обвела Али, заставив его переспать с уродиной Ритой. Али вдруг увидел этот смех везде: в глазах и охранников, и эков, которые смеялись, как говорят в Сибири, в тряпочку. Такой позор нельзя пережить — это было ясно Али, и задумал он рассчитаться с Риммой. Предчувствуя месть Али, она сказала Рите: «Меня этот бандюга придушит и тебя тоже. Пойми это. Давай сделаем так: пиши ему и приглашай в наш кельдым, а то нагрянет незаметно и нам будет крышка по всей форме. Он придет.»

Работали подруги на разгрузке угля, открывая ломami створки вагонов. Они положили в печку два лома и всегда держали их добела раскаленными. Увидев, наконец, Али они забежали в каморку и, когда он пинком отворил дверь, в темноте не увидев их, они со всей силой вогнали ломы в грудь бандита. От жуткой боли взвыл, всхрипел Али. Рассказывают, что даже вырвал ломы и обеих своих убийц схватил за горло, но вдруг упал и обмяк.

Женщин за это не судили, вскоре они попали под амнистию. Вроде бы кто-то Римму и Риту видел — одну все еще красивую, с длинными волосами и королевской походкой, другую — похожую на ведьму, всю покрытую бородавками. Живут они, поговаривают, до сих пор как сестры, не то в Абакане, не то в Шилке. Ломы, ставшие орудием мести, показывали не верящим новичкам, как реликвию. По другой версии они, закалившись кровью Али, превратились в булат и их тайно вывезли на Кавказ, где перековали в кинжалы.

ПАУК В ПРОМЕЖНОСТЯХ

Для района, города, области — зона — неоценимый подарок. Там, где стоит лагерь, население за счет зоны живет богаче. Зона кормит и дает работу многочисленным ментам, интеллигенции — врачам, учителям, населению в целом. Оно сдает квартиры прибывшим на свидание родственникам эков, получает от них подачки, вступает с ними в товарно-денежные отношения.

Посмотрим на врачей, которым на одной ставке жить практически нельзя. Их выручает зона, где всегда полным-полно врачей-эков, причем даже высокой квалификации. Врач из зоновской санчасти подбирает себе из зоновских коллег санитаров — людей на подхвате, и они в лагере за него делают практически все.

Зэки-врачи рады, что работают не в промзоне, довольны, что имеют хоть какое-то отношение к медицине, не теряют полностью квалификацию. Для них существен подкорм за счет лекарств, больничного питания. Одновременно врач санчасти устраивается в больницу поселка — получается без особых трудов работа в двух и более местах по трем ставкам. Так уже можно жить.

У учителей положение аналогичное — в зонах школы вечерние, но по вечерам они не работают, так как это запрещено инструкциями. Работают в дневное время и по упрощенной программе, где не преподаются многие «опасные» предметы и иностранный язык, а учить в такой школе может каждый умеющий читать по слогам. Зэки обязаны ходить в школу до сорока лет. Многие долго сидящие имеют по несколько аттестатов об окончании средней школы, впервые окончив ее еще на воле. Выгода всем: уже окончившие ходят в школу для сеанса, посмотреть на живую женщину, подышать ее духами, получить дополнительную посылку, повышенную отоварку в магазинах — с трех до пяти рублей. Этими льготами стимулируют повышение образования: у зоны — хорошие показатели охвата обучением, у района с числом жителей в несколько тысяч только в вечерней школе учится более тысячи. Учащихся в списках районо обозначают как людей, а не эков.

Орет дневальный: «Марш в школу!» Бегут зэки охватываться всеобщим образованием. А учителя вне зоны тоже не без дела, работают в поселковых и городских школах, конторах «Заготскота» и «Заготсырья», многочисленных партийных и советских учреждениях — жизнь полностью

отдается народному образованию.

Зона — хозяйственный рай. Трещит телефон у начальника, просят со стороны, умоляют пособить, помочь. Стучат топоры особых хозяйских (от слова «хозяин» — начальник зоны) бригад: собирают дома, дачи для начальства обкомовского, районного, кэгэбэшного, эмвэдэшного и просто для нужных людей. Зэки довольны — хозяин обещал пораньше выпустить, кого по УДО, кого на поселение и на химию. Работают здесь с полной отдачей, ибо желающих попасть в бригаду много: вкалывают за лишнюю порцию баланды, индивидуальный расчет, дополнительное свидание. Ремонтируют технику — свою, зоновскую и со стороны — в зонах столько мастеров, у которых руки «чешутся для настоящего дела!» Снова залетевший в тюрьму и бывалый сразу берется за письмо к знакомому хозяину: выручай, пишет, возьми к себе. Хозяин ходатайствует по инстанциям, прикрываясь производственными целями. Он помнит своего зэка: хороший мастер по наладке оборудования, большой организатор производства. Прибывшего старика сразу, без карантина — в кильдым и на работу.

Зоне спускается свой план, но это не помеха в том, чтобы помочь району. Зэки убирают картофель и корнеплоды не только для своих нужд, но и для начальства. Зэк безмолвный и не интересуется, что, куда и кому идет.

Зона — клад для снабженцев. Все можно достать через зону, только, разумеется, не для зэков. Любые лекарства, препараты, сырье, оборудование. Идут сюда новые станки. А когда зона получает старье — выгода двойная: зэки отремонтируют и с их помощью можно, что угодно списать, ссылаясь на то, что они не хотят работать и все ломают. Возьмите производство матрасов, фуфаек, рукавиц, чехлов для военной техники. Какой доход? Обрезки нарасхват: всем хозяйствам нужен обтирочный материал, он же дефицит. Зона дает в обмен: в обман зэков.

Выгодно иметь зоны под боком для всех этажей партийно-бюрократической власти. Кроме прочего зона — прекрасный «очиститель и оздоровитель» жизни.

Сводки МВД сообщают: развелось много бичей, бомжей, «выпускников» психбольниц и попрошаек, которые своим видом портят красоту индустриального ландшафта социалистических городов и колхозных деревень. Как убрать порчу? Средство одно — переправить в зоны, используя многочисленные статьи кодексов союзных республик. Там эта шваль — отбросы шествующего к коммунизму общества — будет содержаться за счет зэков. Всем равно известно, что блатари — опытные

воспитатели и перековщики, приобщители этой категории соцграждан к полезному труду. И чудо происходит. Ни семья, ни школа, ни психдом не могли приобщить к труду, а зона справилась: по команде — встают, ложатся, едят, работают, моются, ловят вшей и клопов, оправляются, прислуживают блатарям и чешежопятся массами трудового ээковского люда.

Николай Петрович Касимов детство и психбольницу вспоминает отрывочно, с трудом, но хорошо знает, как жить в водопропускных трубах Семипалатинска и Петропавловска-Казахстанского, на вокзалах Тюменской области под лавками, где он «всегда высыпался», на чердаках, в навозных и силосных буртах. Кто он?

Олигофрен, debil, кретин? Кем выброшен в жизнь? Это неизвестно. А бросили его в Касимове, потому и такая фамилия. Он человек и зоной доволен. Говорит: «Работаю, имею на счету несколько десятков рублей. Кормят три раза, сплю, хоть и в грязном, но на кровати среди пидоров, хожу, хоть в лохмотьях, но в одежде, при алюминиевой кружке и такой же ложке, в бане бываю». На работу его гонят пинками сами ээки, ставят в последний ряд колонны, также тумками на трудовое место. Работа его «шкварная»: вычищать из банок солидол, смешанный с нитрокрасками и алюминиевой пудрой (предприятие, поставляющее в зону солидол, жалеет для него тару и заполняет им банки, предназначенные для спецуничтожения, а потом, прочищенные ээками, вновь пускает в оборот). Коля это делает руками, пальцами, подчищая остатки. Он почти не говорит. Любит курить, больше всего любит хлеб, намазанный маргарином и посыпанный солью. За что сидит, не знает — взяли менты и посадили, судили хорошо, всего-то трояк вмазали. В тюрьме ему тоже хорошо, тепло, а теперь вот стали нежить (чешежопить).

— Тебе это нравится?

— Иногда да, иногда нет.

Живет он счастливо, идейно (полит- и режимные часы обязан посещать), сидит в столовой вместе, как и положено ему по статусу, с педерастами за особым столом. Пидоры его иногда выгоняют, ругают и бьют. Он особенно не возмущается. Из зоны уходить не хочет: «Я воли боюсь, умру. Тут с ребятами хорошо жить, они меня любят, нежат».

Зона — стимул для развития личности. Скачет бременем калека, бежит марафоном слепой, поет Зыкиной олигофрен, говорит, размахивая руками в кулинарном мазохизме, глухонемой. И все умиляются мудрости режимников. Горе у всех одно, но зато — один закон, одна радость. Зоны и тюрьмы всем находят место в жизни. В газике, катящем по Северо-

Байкальскому нагорью Чуйским трактом, что соединяет Горно-Чуйск с Мамой, беседуют начальник РОВД и начальник треста «Мамслюда-разведка». Геолог говорит: «Что мне только не приходится решать. Оргнабор завез ко мне типа аж из Измаила, что на Дунае — не то молдаванин, не то румын, а может быть цыган. Здоровущий бык. Привоз дорого обошелся, все самолетами. Мы-то думали, глядя на него, что не будем успевать шурфы считать — такая силища, такие руки. А он, представляешь, ничего делать не может или не хочет. Пойми его! Лежит себе в бараке, букварь рассматривает. Думали, что с приветом. Нет, понимает все, рассуждает и лежит. Ребята пробовали его силой заставить, поколотить, так он им показал — кто застрял в форточке, кто вместе с рамой вылетел, а кто на балках повис. Силища. Пытались не кормить. Он неделю пролежал, а потом все дневное довольствие, рассчитанное на бригаду в двадцать человек, за один раз съел и опять лег. Что делать? Отсылать назад дорого. Может ты, спец по кадровой части, поможешь?

— Да неужто вправду у тебя такой человек есть? Беру, перевожу на свой счет. Ты говоришь, он может только лежать? А может ногами шевелить?

— Может, в туалет сам ходит.

— Отлично. Беру. Я для КПЗ уже десять лет человека найти не могу. Мы ему одну камеру под жилье приспособим, плакатами завесим — пусть лежит и читает. К ногам рычаг приделаем. Он будет только открывать и закрывать КПЗ. Ты говоришь, неразговорчивый? Это то, что надо! По рукам.

Жизнь у лентяя пошла. Его одели в форму, кормят, как и арестованных, раз в сутки только из обьедков ресторана „Витим“ — самого лучшего и единственного на Маме. Не нарадуется Мамское отделение милиции новому сотруднику. А сотрудник неотлучно днем и ночью лежит при КПЗ, смотрит плакаты, ногой дверь двигает и читает букварь. Тут, как назло, распоряжение из области: „Кто не имеет полного восьмилетнего образования, обязан его достичь“. Посмотрели в карточку: у представителя солнечного Причерноморья только начальное, да и то, кажется, неполное. Выходит, портит показатели всего отделения. Вызвали и уговорили пойти в вечернюю школу. Не поверите — купил портфель, линейку, тетради и стал посещать и учиться, принося в отделение отличные оценки. Его уже занесли в перспективные списки тех, кого в будущем направят на учебу в Хабаровскую школу милиции. Но вот осечка: приходит письмо от завуча о том, что Юрий Возжиков не посещает занятия. Вызвал его начальник и давай песочить, ругать: „Отделение подводишь, не отвечаешь на заботу

партии и правительства. Пиши объяснительную“. И рядовой Возжиков написал: „Я в школу ходить не могу, потому что у меня на учительницу алгебры хуй всегда стоит, и положить его не могу и только об этом думаю“. Начальник прочитал, лукаво взглянул и прикинул: пусть не учится, а то уйдет из отделения и нам опять придется десять лет искать человека для такой ответственной работы. А на объяснительной наискосок, как принято, написал: „Принять к сведению. В уставе нет указаний, как хуй ложить на место сотрудникам“».

Какое учреждение страны, кроме тюрьмы, примет на работу Майю Щипачку (Щипачка — ее кликуха). Она водит зэков в следственную часть на допросы и щиплет. То крутанет за щеку бывшего профессора-диссидента, то нос вывернет у бывшего завмага, а уж уши дерет так каждому и говорит при этом: «Прибыли на казенные харчи, дармеды, педерасты». Некоторые, из обидчивых, пробовали жаловаться. Вызывает кум пострадавшего-пощипанного и Майю. Ставит у стены зэков из камеры и спрашивает их, показывая на синие уши: «Синеву вы видите?» И каждый зэк говорит: синевы нет, не вижу. Зэк знает, что бесполезно подтверждать, так как заявление из тюрьмы дальше тюрьмы не уйдет. Щипачку Майю зэки уважают — она ксивы на волю передает за деньги. Очень любит, чтобы ее угощали и с ней разговаривали. Знакомые и родственники, кому она передает ксивы, заваливают ее продуктами для передачи тайком подследственному. Она это делает, кое-что передает, а лучшим сама пользуется. Выгода-то какая, кормление бесплатное и все остальное! У нее все бесплатное. Понравится ей зэк, идет к дежурному и говорит шепотом: «Товарищ начальник, можно мне одного пощипать, из 41-й». Он отвечает: «Пощипи, но не забывай о службе». Щипачка выдергивает из хаты зэка. Он весь в сиянии, знает для чего вызвала. Закрывшись, начинает целовать, обнимать. Майя кокетливо выворачивается: «Так не надо, без засосов, я на боевом посту, только так смогу, по форме, по четвероножьи. Ай, шутник, ай, шутник. Хорошо щипаешь. Марш в камеру». Полная гармония. И ни один здравомыслящий зэк Майю в обиду не даст, в морду врежет тому, кто что не так о Щипачке скажет. Человек Майя одинокий, при тюрьме живет, при службе, она толком и не знает, как попала на такую работу — щиплет себе и щиплет. Все знают, что Щипачка ксивы несет сразу в оперчасть, к полковнику В. И. Андрееву. Он их просматривает и просит отнести по адресу, зэки знают, что писать, и просят разрешения положить в продуктовую и вещевую передачи больше табачка, салца, чеснока, сахара, одежду.

Раз в неделю начальник Новосибирской тюрьмы подполковник Павел

Михайлович Гимгин просматривает карцерные карточки и выбирает те, что с пометкой ПП — пассивный педераст. Пидоров он «учит» по собственному методу. Открывает карцер, опускает откидные нары и кладет на них сверток газеты «Правда», в которой находится дубинка. Говорит, беседует: за что про что, дескать, посадили. Потом как-то мило приподнявшись с нар, предлагает: «Давай поиграем, побалуемся, становись». Пидору это просто, так как нательное белье в карцерах не полагается, и он от радости тут же принимает нужную позу. И по голым ягодицам, начинает ходить газета «Правда». Педераст летит, кричит, а подполковник приговаривает: «Береги фуфло смолоду, а форму с выдачи». Ходит, корчится избитый «Правдой» пидор, а зэки ухохатываются: так тебе и надо, знай проделки папы Паши! Ну, где как не в тюрьме, получит такое удовольствие подполковник — покрывать темно-синей лазурью фуфло педерастам.

Трудятся зэки, все в делах и заботах. Ушивают спадающие брюки, обжигают сапоги, набивают матрасы — быт улучшают. Разминают кости, растирают тело, выдавливают угрей массажисты, лечат маргариновыми втираниями, скоблят пятки, обтачивают ногти, прижигают, чешут, простукивают, слушая биение сердца и бурчание легких блатарей.

Зонные художники всегда за работой — мастерят двуногие ходячие картинные галереи для международных пляжных и банных выставок где-нибудь в Иркутске, Кунгуре, Амстердаме. Иной с ног до головы весь в партаках. Партак — паспорт, «прописка» зэка, его символика, отражение восприятий о себя самого и его — другими. Спины педерастов — в сексуальных изображениях, возбуждающих похоть. У воров пальцы и кисти рук в перстнях и браслетах, отражающих отношение к ментам, законам, будущему поведению. Насекомые, животные, в том числе мифические, начальники страны, птицы, змеи — все это разные отражения воровско-бандитского мира и отклоняющегося поведения. Паук в паутине — изображение наркомана, которому уже не выбраться из сетей дурмана. Естественно, пауки любят укромные места, их и представляют им в промежностях и подмышках, на сгибах рук и ног. Кабан — знак активной лесбиянки. Корона с картежными красными мастями (черви-вини-буби) — «король всех мастей», человек занимающийся всеми формами разврата — круглый, пассивный педераст. Не будет преувеличением, если отметим, что тысячи квадратных километров кожи людей, проживающих в стране Советов, покрыты подобными творениями, краской для которых является копоть от сожженных каблучков и подошв. Копоть мешается на собственной моче — будет меньше припухать и зудиться, а иголками служат нарезы

механических бритвенных машин.

Визитные партаки означают:

- кинжал, обвитый змеей — главарь воровской масти начал грабить, вскрывать хаты;
- голова кота в цилиндре, шляпа с бантом — склонен к разбоям, грабежам;
- церковь с куполами — их число означает количество судимостей;
- нож в руке — судим за хулиганство, баклан;
- гладиатор — не жди пощады;
- чайка на фоне восходящего над морем солнца — привет вора;
- палач и женщина — судим за убийство жены или любовницы.

Аббревиатуры:

- ЖУК — желаю удачной кражи;
- ГУСИ — где увижу, сразу изнасилую;
- БОГ — был осужден государством;
- КОТ — коренной обитатель тюрьмы;
- ТУЗ — тюрьма уже знакома.

Особое искусство составляет разрисовка «марочек» — носовых платков, которыми одаривают эки друг друга на память, выносят на волю. В такой платок обычно не сморкаются и его не стирают, так как при этом может пропасть цвет и изображение. Их часто носят в верхнем кармане рубашки или лепня.

Эковские стоматологи снимают разогретыми ложками коронки-фиксы с зубов, золотые меняют на чай или деньги, а на их место вставляют рандолевые. Золота получается полный рот. Если и на воле почти все население беззубое, то в зоне — особенно, и рандольщикам работы непочатый край. Попадают мастера вышивок крестом картин, плетения макраме и наборов из самого, казалось бы, неподходящего материала, например, стертых носков, умело распущенных. Все идет в дело в эковском творчестве — выброшенные аккумуляторные коробки, осколки цветного плексиглаза, газетно-журнальная бумага, вываренные кости свиных голов, ног и копыт. Краска для картин производится из стертого кирпича и перекипяченного подсолнечного масла. До сих пор в тайшетской гостинице «Озерлага» висит картина «Ленин читает „Правду“», нарисованная такой краской одним художником-татарином. Более кирпично-кровавого Ленина вы не увидите нигде.

Буквы шрифтов подбирают по газетным оттискам: готические, к примеру, из еженедельника «За рубежом», древнеславянские — из «Крестьянки». Материал эки достают сами. Всевозможные латунно-

бронзовые истертые шестеренки, извлекаемые из негодного оборудования, идут на изготовление гаек, перстней, рандолевых зубов. Мебель для начальства фактурят шпонкой, сделанной из досточек упаковочных ящиков, отшлифованных сучков, расщепленных рогов и копыт. Класс изделия от этого не снижается. Зэк, владелец баночек (из-под сапожного крема), скляночек (из-под варенья), консервных банок (из-под минтая), тюбиков (от зубной пасты), рваного полотенца, которое можно распустить на нитки — богатый, очень богатый человек. Глубина переделок воистину безгранична.

Неделями в тюрьме плетут, скручивают и ссучивают нитки, извлеченные из тряпок, носков, одежды, простыней, для изготовления коней-связей между окнами, унитазами и подпольями. В зонах нужны скрутки для изготовления плетеных ремней, пришивания пуговиц и вшивания фамилий и номеров отряда на одежде. Скрутки носят и те, кто думает уйти из жизни через повешенье, но в самый последний момент это решение откладывает. Узлы, повязанные особым образом, превращаются в игры, разгадывания на смекалку, сноровку, распутывание, а также передают посвященному информацию. Скрученными мокрыми плетями обвязывают прутья арматуры на решетках, высыхая, плети ломают, срывают приваренные связки. Вяжут кошельки для ложек, сберегая их от опомоивания. Ложки зэки всегда носят с собой и ручки их набирают цветными инкрустациями с особыми сюжетами — от фамилий владельцев до голых женщин. Оригинально оформляют плетением, распиской-раскрашиванием портреты любимых, обычно девушек, жен, любовниц, их ставят на тумбочку и ими любят, о них рассказывают.

Зэки-интеллектуалы пишут, расписывают любовные письма, что начальством поощряется. Гнев вызывают лишь письма прокурорам, в суды, управления МВД, в высшие партийные и правительственные инстанции. Таких писак не любит руководство зоной даже если письма не доходят до инстанций. Авторы стараются запрессовать в ШИЗО и ПКТ.

Любовное письмо на волю и с ответом — радость зэка. Писарю при этом полагается угощение. Слава о таком знатоке письменной любви распространится по зоне. Все свободное время он будет писать, блатные его освободят от нарядов, уборки территории и прочих грязных дел. Только пиши. Чем больше человек получит писем с воли, тем он выше котируется в зоне. Он уже и сам может торговать письмами, передавая другим страждующим и желающим заочно познакомиться, чтобы потом, на воле встретиться с женщиной. Ведь сотни, тысячи попавших в зону из детдомов, психбольниц, армии не имеют даже знакомых на воле. Как быть такому человеку? Выход есть — купить письмо-передачу.

— Ответила мне. Фотку прислала. Хочет переписываться. Рожа, правда, на фото у нее бульдожья. Вот, посмотри.

— Зря, зря ты это, милая мадмуазель, породистая, смотри буфера, как у танка, а какие ноги. Крепко стоит на земле. Красивых, крупных детей будет рожать.

Получатель письма стоит довольный, рядом сидящие слушают.

— Читай дальше.

— Живу не одна, а с сыном. Работаю на Шадринской обувной фабрике.

— Я бы на твоём месте за неё ухватился. У тебя же никого нет.

— Это да, верно. Давай напишем ей новое письмо.

— Напишем, конечно, в порядке очереди. Я сейчас Кобяку (кликуха блатного) пишу.

Любовный писака творит послания, которые в сотнях экземпляров переписываются и рассылаются с изменением только имен, фамилий, и адресов. Особый жанр составляют письма из женских лагерей, их получать можно только через кого-то, так как из лагеря в лагерь по ИТК разрешается переписываться только сидящим в них близким родственникам. В таких письмах описываются будущие встречи партнеров и расхваливается красота своего тела и способностей к обольщению. Мастер-чтец со вкусом зачитывает все это после отбоя, на сон грядущий.

БУРЯТСКАЯ МОРДА

В огромном уголовном мире есть своя ранжировка отсидки. В какую зону лучше попасть? В сибирскую, дальневосточную, зоны Украины, Молдавии, Грузии, Узбекистана или Прибалтики? Бывалый зэк скажет: «Боже упаси, Боже помилуй, только не в русско-уральскую, только не в „Белый лебедь“, что в Перми». Национальные зоны считаются мягче, там порядки не столь жестоки даже по отношению к старшему брату — русскому зэку. В зонах Грузии старому, какой бы он ни был национальности, уступят место, предоставят на ночь спальную шконку, не позволят над стариком издеваться и помоить его. Вопреки расхожему мнению в тюрьмах Армении не чешешопят и пидоров в Закавказье меньше, чем в Сибири. Советская власть придумала невиданную чересполосицу национальных различий по графам, пунктам, строкам, тайным и явным записям. Народы поделили на нации, народности и этнические группы — «нацмен» — национальное меньшинство, в которое входили, например, русские, проживающие в Горном Бадахшане, «чурек» — черный житель Кавказа, «узкоглазый», «черножопый», «узкопленочный» — житель Средней Азии, но туда же может попасть и исчезнувший керек из Беринговского района Чукотки и даже русский гуран из Забайкалья; «жид пархатый» — кроме евреев так обзываются армяне, айсоры, греки и даже курды; «фашисты» — немцы СССР, вся Прибалтика — литовцы, латыши, эстонцы, финны. В таком повседневном «вражеском окружении» живет простой советский человек на воле, где «пархатых» и «узкопленочных» можно не замечать, обходить стороной и материть про себя или на всю ивановскую. А как быть в зоне и тюрьме, где чучеков спрессовали в тюки-камеры? Хлестали по морде, пинали, как могли, крепкого башкира Урзубаева за то, что он, чурек, отказался вне очереди мыть пол в хате. Избивал пахан Хахалин, сын учительницы из города Черепаново, что на юге Новосибирской области. Пришел окровавленный колымчанин Дьяков, избили потому, что «морда бурятская», хоть он русский сроду. В расчет это не берется, надо бить.

В ряду запоенных пребывает большая часть «тихих иностранцев», все еще не опомнившихся после резни Ивана Грозного в Казани — удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы. Политика запомоивания «иноземцев» начинается не с зэков. Прибыл этап тувинцев в уральские лагеря. Почему их так далеко забросили? Возмутились в своей кызыльской

зоне порядками, введением локалок и начальство в Москве решило их разбросать по зонам России. Нашили парням желтые полоски на рубахи (что означает — бунтовщики) и бросили в долгие этапы и пересылки. В зонах бунтовщиков ждали и распределили по отрядам, и каждый тувинец, плохо знающий русский язык, оказался одиноким в инородной среде. В отрядах бунтарей стали воспитывать по-своему, то есть избивать, помоить, чешежопить за то, что они, дескать, в тувинских зонах ущемляют русскую братву и жизни не дают. Получается насилие в квадрате, так как внешнюю охрану лагерей несут солдаты и офицеры из «инородцев».

Спасение от насилия в отпоре, в создании своих, национальных семей, национальной поддержке друг друга. Организовать и получить ее не так просто, как кажется. Как помочь земляку, ежели он пидор, а может быть, черт? Общаться и помогать следует только зэкам своей масти, тогда все поймут и со своей мастью можно создавать национальные семьи. На Урале крепки татарские семьи, их поддерживают мусульмане Кавказа, Казахстана, Средней Азии и Сибири, повсеместно объединяются кавказцы — даже азербайджанцы с армянами создают пробивные группы, любящие занимать доходные должности — санитаров, каптеров, заведующих столовыми, библиотекарей и даже должности западло — руководителей СПП — сан-культсекций. Не медлят с объединением украинцы из западных областей. При этом в русских зонах Сибири не всегда власть держат европейцы — кишит, бурлит разношерстная уголовная среда, выдвигая и сменяя своих лидеров. В Сибири принято доходные должности передавать по национальной принадлежности, как бы в наследство: библиотекари немцы — немцам, заведующие столовыми украинцы — украинцам, председатели СПП чеченцы — чеченцам, санитары евреи — евреям. Нелегко «старшему брату» (русские, украинцы, немцы, прибалты) в зонах Тувы, Киргизии, Таджикистана — там своя национальная кодла верховодит и правит. Бывает даже прожженный зэк, живущий блатным и знающий зоны, как свои пять пальцев, попадая в такие командировки, оказывается в пидорном сословии. Тусует зэков лагерное начальство, предупреждает: нам не будешь подчиняться и служить, последуешь в этап. И матерый задумается, испугается, что там, где-нибудь на Мангышлаке масть спрашивать не будут — отчешежопят целым кишлаком. Лучше уж здесь корпеть, со своими ментами, других помоить и чешежопить.

Чтобы выжить, надо уметь рычать, пинать, везде находить своих по мастям, по чутью, различать по запаху. Если соплеменник пидор, ему трудно помочь, можно только кое-что сбросить со стола, как собаке.

Данный поступок считается хорошим, благородным — запомоенный должен поблагодарить, прославословить блатаря-земляка.

Особую группу опущенных составляют инвалиды труда, войны, жертвы семейных битв, глухонемые и слепые. Они почти везде — запомоенный элемент. Для них счастье, если снимут в хозобслужу, или найдут посильную работу. Состояние таких зэков умопомрачительное: к физическим недугам примешиваются нравственные муки. В зоновской среде не принято выражать сострадание: такова судьба у тебя, калики перехожего. На воле не захотел жить, к нам залетел, чтобы своим видом грусть наводить и мешать? Как мешать? А так, во всем — в столовой тебя приходится ждать, на просчете, в бане, на работе тоже. Из-за тебя мы стоим и околеваем на морозе, твои подшипники проверяют, костыли ковыряют, думая, что проносишь в них чай, филки, водкой заливаешь трубки. Везде вы мешаете — из тюрем вас зоны не берут месяцами. В хатах вы гниете, смердите, от вас несет помойкой и свалкой. И вы не понимаете, сволочи чокнутые, что вы противнее ментов. От вашего вида тошнит всегда.

Почти во всех зонах есть отряды тубиков, то есть страдающих легочными заболеваниями. Тубиков на работу не выводят, кормят отдельно в казармах, иногда подбрасывают кое-какую работенку, да и то скрыто, ночью, чтобы не увидели. Тубики — разносчики туберкулеза. Работающие с ними офицеры получают «чернобыльскую» надбавку. Обстановка в таких отрядах могильная — сиди, выходи на просчеты и снова кантуйся, лежи, плети, если башка принимает, читай библиотечный мусор. Книжки, переданные из библиотек тубикам, назад не возвращаются во избежание переноса заболевания. Безделье томит, хоть на стенку лезь из-за смертной скуки. Тубик знает, что он, как лунатик, бродит по краю могилы и посему за жизнь не цепляется, отдается любым порокам и, как считают зэки, стремится и других опомоить, то есть заразить. Ксивы от них предпочитают не принимать и не общаться с их локалкой. Начальство частенько неугодных зэков списывает в эти отряды. Кто проверит данные рентгена? Боятся зэки тубиков почище ШИЗО и ПКТ, страшатся очередных флюорографий.

Выходит зэк из зоны в озлоблении до конца дней на всех: ментов, пузанов, блядей, прямо распухает ненавистью к разной сволоте.

— За что избил человека, он же старик? — спрашиваю в Новом Уренгое одного парня.

— Для вас старик, а для меня узкоглазый тубетеечник. На них там нагяделся, суки, с автоматами стояли. Бить их, гадов, надо. И я при каждом удобном случае бью.

— Этот человек, наверняка, в охране не служил — продолжаю я.

— Он может быть и ни при чем, но его соплеменники меня истязали, и поэтому я их бью.

— Если придерживаться твоих понятий, то у себя на родине они вправе тогда и русскую братву избивать.

— Пусть только попробуют, я на всю эту мразь черномазую зол, даже на баб, которые с ними спят из-за денег и барахла. Их я тоже бью, ни одной курве спуска не даю.

Читатель, не забудь, что советская власть породила море зла, не возникающего само по себе, а заранее планируемого: уничтожило аристократию как класс во главе с Императором и его семьей, затем сословие дворянское, казаческое, крестьянское, колонистское (немецкое, греческое, чешское, еврейское), торговое, ремесленное и пошло-поехало — замахнулась на целые народы — от айсоров до якутов. Каспийское море так было забито трупами, что на южных берегах люди боялись появляться, а Иран слал ноты в Москву с просьбой не загрязнять чистые воды. Помоили воды трупами, землю горькими слезами сирот и вдов, тундру — аммональниками, тайгу — скелетами. Вороны уставали клевать, не хватало извести, чтобы могильники посыпать, а красные комиссары-энкэвэдэшники на работу гнали собаками женщин, у которых от истощения выпадали матки — на работу ненужную, бесполезную. Властвовали великие паханы-интернационалисты: один, Картавый, писал тайно о необходимости уничтожить Православную церковь, другой, Рябой, старался извести целые этносы людей. Царствовали великие строители ГУЛАГов, зон и необъятных социалистических лагерей.

Кум оперчасти Новосибирской тюрьмы, выпускник НИИЖТа (Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта) старший лейтенант Евгений Дубровин на протяжении многих лет проводит личное исследование по теме: «Восприятие карцера заключенными разных национальностей Советского Союза». Он делится своими выкладками и наблюдениями: «Боятся карцеров армяне, готовы пойти на любое унижение, чтобы туда не попасть. Кабардинцы горды в камере, в карцере же сникают сразу и начинают просить у баландеров добавки. Евреи умудряются так выкручиваться, что их трудно в карцер загнать, — очень адаптированный к тюрьме народ, редко попадающий в карцеры. Хорошо и по многу дней переносят карцер татары, особенно сибирские. Русские, украинцы, белорусы, попадая в каземат, сначала начинают петь песни, а потом сникают, надламываются психически. Прибалты предпочитают вызывать врачей, ссылаясь на мнимые болезни, они полагают, что врачи и

таблетки им помогут. Молдаване — плачут, уйгуры и дунгане молчат и не вступают ни в какие разговоры; грузины становятся агрессивны, бьются головой об обитую металлом карцерную дверь, проклиная русских, пинают стены; народы Поволжья и Европейского Севера — удмурты, коми, ненцы, вепсы, карелы, саами, марийцы, чуваша, башкиры сразу впадают в спячку; буряты, тувинцы, эвенки, якуты, нанайцы, кеты, тофалары стремятся найти или отгрызть от откидной плиты что-нибудь деревянное, щепку или спичку, и найденное бесконечно жуют; немцы Сибири становятся „повернутыми“ — то молятся, то вскакивают беспрерывно. Почти все, попадающие в карцер, начинают чесаться, грызть ногти и обламывать их до крови, ковыряться в носу, часто подходить к унитазу и мочиться. Потом до конца дней почти у всех будет недержание мочи».

Водворив подследственного в карцер, Е. А. Дубровин начинает добиваться сотрудничества с ним: приходит в гражданской одежде, угощает чаем и просит сообщить о деле поподробнее, о разговорах с сокамерниками. Ездит домой к подследственным и получает от них деньги, ценности, книги (он любит читать зарубежные детективы), адреса нужных людей, особенно женщин. Последние в цене, он и его ребята используют их для своих утех и походов. Жена одного скульптора-могильщика стала его любовницей, а законный муж в это время получил смягчение режима — просторную светлую хату со шконкой и в придачу глухонемого педераста, рабочего Челябинского тракторного завода и лауреата премии 1985 года в Праге среди глухонемых мнемонистов Европы.

Власть тюремщиков необъятна: можно отослать осужденного в дальняк, а за плату оставить в местной зоне. И даже не в зоне, а при тюрьме на разных хозяйственных работах. Можно подследственному организовать ночью нужное свидание с поделщиком — крупным воротилам подобное свидание обходится до десяти тысяч рублей. Кто обнаружит такое нарушение УПК РСФСР? Свидания в тюрьме устраиваются с кем угодно. Результат — один получает десятку, другой — ИТР, где четыре месяца приравниваются к году выплат и такой прямо с суда попадает в объятия семьи и друзей. Процветает ныне уже в майорском звании Евгений Александрович Дубровин, не нарадуется на свои возможности. Кем бы он был, если после института стал бы работать на инженерной должности? Прорабом перестройки? Проектировщиком в проектной конторе? Короче, никем. Доходна и выгодна служба в тюрьме, к тому же можно проводить исследования по народам, которых в Союзе по переписи 1926 года было 194, а ныне прибавились новые — вьетнамцы, кубинцы, на подходе китайцы. Работы непочатый край. Весь в творчестве,

майор Дубровин — предложил в своем коридоре оборудовать специальную камеру для гермафродитов и добился, чтобы им как женщинам приносили горячую воду и вату. (Видно, что перестройка коснулась и тюрьмы). Вата — материал дефицитный, передается в обмен на чай педерастам.

Зоновское восприятие национальных отношений столь же причудливо и изменчиво, как обожание советскими философами вождей народа. В молодые годы писали: «Сталинское руководство — залог успехов Советского Киргизстана» (доктор философских наук М. С. Джунусов); ныне тот же Масхуд Садыкович советует националистам-перестройщикам руководствоваться методом Михаила Горбачева.

ВОР КАК ТАКОВОЙ

В изъятии у себе подобного есть нечто от подвига, и многие люди, как ни крутись, воры. Один увел, отбил жену у другого. Как назовешь это явление? Конечно, воровство. Правда, ему нашли другое, поэтическое определение: любовь. Они, дескать, друг для друга созданы. Воровство, осуществляемое повседневно и ежечасно — известное воплощение идеи равенства. Справедливо же — попользовался, отдай другому. Бывает, что и воры отдают что-либо даром, как бы возвышаясь над хозяйкой их души — собственностью. Воровство — профессия вечная и немеркнущая, а в условиях социализма — советского, паханского толка — она получила столь широкое распространение, что стала формой существования и повышения благосостояния масс. «Не унесешь, не проживешь», «Вор вора видит издалека» — мировоззрение зрелого, развитого, доношенного социализма.

Прогресс, как ему и положено, внес в ремесло свои особенности: раньше были обозники, ныне — автоугонщики; в прошлом — форточники, ныне — квартирные взломщики; в сейф влез — медвежатник, в карман — карманник; в госказну — партийный мафиози.

Ежели представить преступность как изящно растатуированную матрешку, то воровской мир в ней самый емкий. В ней пребывает своя аристократия и ее подданные, гордые одиночки и коллективисты, виртуозы-умельцы и просто хапуги, последних даже стыдно относить к классу воров.

Фаруху Усманову далеко за восемьдесят, он вор-карманник одиночка, за все годы советской власти своему ремеслу не изменил. Ни разу не влетел: как чувствовал «наседание», так сматывался в другие города необъятного Союза. Работает только по-ремесленному, руками, специалист по части кошельков и бумажников, не мелочится, действует без моек и шулерского подталкивания. Фарух благороден, опорожняет карманы только мужчин. На дверях не виснет, автобусы и вообще движущийся транспорт обходит стороной. Его стихия — рынки, их он знает, помнит с десятых годов, различает по вкусу и запаху: приторно-слащавый самаркандский, голосистый — нальчикский, самодовольно-пороссячий — тбилисский, холодный — свердловский, вокзальный — бессарабский (киевский), разноцветный — московский. Бывал и на благовещенских, и на южно-сахалинских. На всех рынках он продает и покупает, и несет с астраханского, к примеру, с тыквой-кубанкой сумму на много месяцев

жизнью. Ведь ему не только себя надо обеспечить, но и многочисленную семью — непутевых детей, ставших при социализме и ушедших на пенсию инженерами, агрономами, бухгалтерами. Так они и прожили в неведении о том, что их папа-травник на самом деле — карманник. Его считают продавцом мумие, собирателем трав и никому в голову не придет, что при всей трескотне о целебности этого снадобья на его продаже и сборе и месяца не проживешь. Мумие он сварил еще в тридцатых на одном хивинском кладбище из вывернутых ветром из песка всохших трупов и вот так для отвода глаз уже более полста лет продает чертово варево, советуя по крупитцам на кончике ножа добавлять в кипяченую воду и размешивать серебряной ложечкой. Многим помогает.

Жиган — вор-профессионал, домушник. Восемнадцать лет отбухал за вторжение в быт граждан и экспроприацию экспроприированного. Профессиональность у него во всем: в нервности, осторожности, переживаниях — вдруг не получится, в уязвимости. Все мозги Жигана забиты недоверием к людям — не ворами. Из-за них он столько лет мытарился, столько здоровья потерял. Квартиры он вычленил долго, продуманно. Замки щелкает, как орешки кедровые, без внешнего повреждения. Каждый вновь появившийся замок в отечестве подвергает собственному анализу. В его руках они крошатся и хрустят: в скважину вставляет вату, пропитанную заранее спиртом и, поджигает, от высокой температуры пружины лопаются и запоры сами вываливаются. Некоторые открывают постукиванием. К каждому замку свой подход — набор отмычек, ключей, зажимов, домкратиков, пилок. Войдя в помещение, сначала успокаивается (раньше бывало выкуривал папиросу и выпивал рюмку водки), садится и размышляет, не ошибся ли он в выборе. Он считает, что граждане не умны по части прятания, хотя об этом думают. Любит вспоминать трудные случаи своего ремесла, своей смекалкой гордится.

На Урале, а там народ мастеровой и остроумный, он в одной «хавире» — квартире чиновника не обнаружил ни денег, ни золотишка. Знал, чувствовал, что есть сумма приличная. Перед уходом, опустился в кресло и раскрыл «Вопросы ленинизма» И. В. Сталина. Текст был на плохой, рыхлой бумаге и плохо читался. Пришлось включить свет. Ага, ясно. Книгу поставил на полку и прощупал абажур — в нем были драгоценности и несколько тысяч. На Урале предпочитают ценности в технике хоронить — в старых утюгах, ручках молотков, под умывальниками и кранами, в унитазах, пылесосах, стиральных машинах.

Они в одном правы — при пожарах эти ценности могут сохраниться.

А вот иркутяне стараются хоронить деньги под клеенками и бумажной подстилкой в шкафах, под скатертями, коврами, приклеивать и вшивать в одежду, в сапоги. Москвич боится денег, дома не держит, несет их в сберкассы или, по-столичному это считается хорошим тоном, одалживает субъектам, у которых и без того «куры денег не клюют». Это делается для того, чтобы держать их в приятной зависимости. В Средней Азии деньги шукать не просто, прячут в банках-склянках и прямо в землю. В земле искать труднее всего. Интересны были воровские гастроли на Украине, где так прячут, что сами забывают, приходится помогать в поисках. В одном дворе Жиган нашел деньги в свином навозе, в другом — сверток положили в печку летней кухни.

Воровская жизнь превратила Жигана в тонкого знатока человеческих душ. У крупного академика при осмотре квартиры и трешки не найдешь, зато можно побаловаться содержимым холодильника — коньячком, финским сервелатом, копченым балычком, черной икоркой с маслицем вологодским на ржаном хлебе свежей выпечки. Грязный базарный цветочник навряд ли станет обременять дом деньжатами, но вот в гардеробе найдется отменный костюмчик из добротного материала, всего раз примеренный при покупке.

Профессия приучила Жигана приглядывать за гражданами отечества. Приметил он как-то перед рассветом зимой человека с сумой и саночками, потом его же с сумой и велосипедом в летнюю пору, бодро потрошащего помойки города. Присмотрелся, что он частенько бывает на городских свалках, узнал, что работает фотографом в НИИ, женат, двое детей, мать-старушка. Жена — скромная техничка, так, по совету социолога И. В. Бестужева-Лады, стали в стране победившего социализма, чтобы не оскорблять слуха, называть уборщиц. Говорят с акцентом — немцы. Однажды потрошитель помоек совсем поверг Жигана в удивление — он его увидел бегущим на лыжах. Что же поразило спеца-товароведа? То, что вместо гетр лыжник надел оторванные рукава свитера. Ага — скряга! Явно есть деньжата, да немалые. Вычленил жилье и для ознакомления посетил соседнюю квартиру, где по-камерному, приложив кружку к стенам, прослушал весь строй и быт семьи.

Здесь было чему удивляться. Семья жила по особым законам накопления и сбережения. Глава семьи в будние дни обходил помойки, собирая в них съестное, сдаваемое в утиль (посуду, бумагу, аптечные пузырьки и баночки), переделываемое в вещи — тряпки, доски, обувь, стекло. Суббота и воскресенье уходили на посещение городских и заводских свалок, где все вышеупомянутое тоже собиралось. Все свободное

время семья занималась переработкой набранного в деньги и пищу для себя: огрызки, очистки, кости, шкурки шли на приготовление блюд; из голенищ сапог, остатков кожи ботинок шились тапочки; грязное тряпье стиралось, сушилось, гладилося и резалось на полоски, из которых вязались коврики. Раз в месяц хозяин ездил на мясокомбинат, привозя мешки с требухой, головами, ребрами, хвостами, ногами. Наступал праздник: в семье варились холодцы, сельдисоны, зельцы. Ягоду семья собирала по оборванным кустам в конце сезона, когда можно было бесплатно заходить на плантации; облепиху брали в декабре и январе мешками, сбивая мороженные ягоды на простыню. Варили мусы, джемы, кисели, готовили на продажу облепиховое масло. Уютная квартира была обставлена БУ — бывшей в употреблении и найденной мебелью, тарелки в кухне — все с надписью «Общепит», шлюмки из солдатской столовой, вилки, ложки алюминиевые. Во имя рациональности и бережливости все ели по порядку, пользуясь одной чашкой, одной ложкой, одной вилкой. Копейка к копейке — рубль, рубль к рублю — десятка, десятка к десятке — сотня, сотня к сотне — тысяча, тысяча к тысяче — мечталось набрать двести тысяч, чтобы купить дом на Черноморском побережье. Иногда вечером, утомленный расчетами в тещиной комнате (темной кладовой), хозяин выбегал к теще и восклицал: «Мамочка, осталось восемнадцать насобирать». Когда их набрали, на семейном совете решили еще немножко подкопить, чтобы вольно на побережье пожить до конца дней в раю, не собирая и не перерабатывая.

ВОИР — Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов не один десяток свидетельств на открытия и изобретения выдало бы Эрнсту Бергману: за раскрой изношенных маек на трусы, многократное использование презервативов в семейной жизни, фуфаек сороковых годов в подклад пиджаков, варку мыла из дохлятины — собак, кошек, птиц, вязка свитеров из хлопчатобумажных бобин масляных фильтров тракторов, переплавку не принятых стекlopунктами бутылок в причудливые пепельницы. В семье не курили, не пили напитков, не приглашали гостей — все копили, жаловались и скулили, как тяжело жить (и на самом деле не легко — работа отнимала по шестнадцати часов в день) и надо помогать, помогать родственникам, живущим на восьмирублевую пенсию в одном из актюбинских колхозов — родственникам, которых никто и никогда не видел.

Изучив быт и обычаи семьи, Жиган стал готовиться к операции. Жена с матерью по субботным и воскресным дням пропадали на барахолке. Муж, естественно, торчал на свалках, дети дома готовили материал — дочь

резала тряпье на ленты, сын паковал макулатуру в подвале. Одному эту квартиру взять без крови оказалось сложно — все Бергманы были холеные, отпоенные костным бульоном свалок и мясокомбинатов и соединенные насмерть видением побережья. К тому же мокруху Жиган не переносил, считая ее нарушением воровской этики. В компанию были приглашены еще трое, без посвящения в тонкости дела — одному вменялось на барахолке по дорогой цене скупить «творчество» семьи и попросить немедленно подвезти еще такую партию (рассчитал правильно: позвонят дочери и она тотчас же привезет), другой должен был подойти к копающемуся в мусоре и отходах Эрнсту, невзначай сказать, что рядом в перелеске лежит воз тряпья с какой-то фабрики. Это тряпье было специально завезено и свалено в нужном месте. Третий должен был сыну, сдающему макулатуру, предложить поехать в другой район, где нет очереди и выгодный обмен литературы. Книги, купленные таким образом, Бергманы перепродавали подороже. Жигану нужен был час для очистки квартиры. Получилось даже больше, чем планировалось: помогла погода, началась поземка. Огорчило единственное — «умелец-скряга», оказывается, деньги искусно рассовал и не все тайники удалось быстро обнаружить. Уже на выходе он сообразил, что «стеклодув» мог деньжата запаять в стекло пола в ванной комнате. И то, что он там взял, превзошло все ожидания — более 150 кусков! На все это ушло 39 минут секунда в секунду, не считая года слежения за семьей.

Бергманы возвращались в приподнятом настроении — у всех удача: выгодно реализовано «творчество», найдена и схоронена от посторонних глаз ценная тряпная свалка, макулатура обменена на дефицитные книги.

Все по очереди поели зельц, смачно намазывая на него горчицу и, поперхавшись ей, шутили друг над другом, по очереди из кружки выпили травяного чая с облепиховым джемом, и приступили к подсчету: «Мамочка, осталось». Щелкнул ключик в сейфе, спрятанном в стене под вешалкой и: бездонная пустота. В ванной Эрнст упал и забился в предсмертных конвульсиях. Остальные выжили — мамочку полупарализовало, жена стала какой-то веселой навсегда, а дети ушли по другим немецким семьям Сибири продолжать национальные традиции порядка и бережливости. С похоронами проблем не было, ибо Эрнст разработал специальный легкий утепленный обоями (разумеется использованными) гроб из овощных ящичков. Он планировал эту продукцию сбывать не справляющемуся с быстрорастущими потребностями районному похоронному кооперативу и сам угодил в ее уют. Оставшихся деньжонок хватило, и очередь к тарелке исчезла, так как мамочку стали кормить отдельно из своей чашечки и своей ложечкой. Оказывается, она не во всем доверяла зятю и сама сшила заначку

для денег в бюстгальтере, дочка тоже — в рейтузах. У одного Эрнста не было нательных тайников.

Первым исчезновение Тощего Геракла (оказывается, и у него была кликуха) почувствовали мусорщики, удивившиеся обилию выбрасываемого гражданами. Жиган же по-братски поделился добытым, бросив каждому по куску, а остальные тыщи переплавил в один абаканский кооператив, состоявший из его бывших семейников и родственников. «Воры, — говорил Жиган на сходняках, — вы должны читать, уметь, просматривать литературу прошлых веков, там много ценного для нас». Он знал, что книги Максимова и Прыжова научили его под заплатами нищих видеть червонцы, в вечном недомогании — отменное здоровье, в повышенной религиозности — ограниченность кругозора.

Красноярский вор Игорь Пономарев определяет наличие денег у человека, начиная с трех рублей. Имеющих большие суммы он видит сразу. Будучи наводчиком и экспертом осмотра, он никогда не ошибается. Игорь и сам не может объяснить эту свою природную способность, только говорит, что поведение человека меняется от суммы. Сколько в квартире или доме филок, он заранее не может сказать, но стоит войти, оглядеться и сумма с точностью до десятки называется.

При этом он может указать и месторасположение сумм. В сибирском воровском сообществе «деньговидение» Игоря (кликуха Филон) использовалось на полную катушку.

Часто воры применяют пытки для извлечения ценностей и денег, ибо многие даже под страхом смерти не желают с ними расставаться. В том числе и особенно те, кто зарабатывают их тоже воровством. Это нечестно. И приходится подвешивать «на коромысло», делать «ласточку с уздечкой», сажать голый задницей на электропечь, гладить электроутюгом яйца, кипятить физиономию электрокипятильником, электрочешешопить паяльником. Рассказывают, что благодаря Филону удалось «взять свободно» полмиллиона филок у директора Сумгаитской мебельной фабрики. Он сам их отдал, без пыток, под напором фактов и доказательств. Тут он оказался порядочным.

Филон погиб, когда соперничающая кодла воров из Улан-Удэ, подпоив его, бросила под поезд в районе Байкальска. Ему принадлежит выражение: «Не деньги пахнут, а суммы».

Равиль Муратов, вор-рецидивист, ныне по крыткам гуляет, сидит с четырнадцати лет. На свободе появляется и снова опускается. Жизнь то богата, то бедна, бедна, разумеется, в тюремном режиме. В сорок лет первый раз женщину познал, до этого в пидорах состоял. Похож на

вьетнамца, чем гордится, ибо вьетнамцы какие-никакие, но иностранцы. К нему неоднократно подходили и удивлялись, что он по-ихнему не кумекает. В нем воплотились веселое факирство, мошенничество без прикрас, детская хитрость и злость на человечество. Выйдя в очередной раз из северных пермских лагерей, Равиль почему-то забурился в Пензу. Говорит, что в Пензе был шахматный турнир, его привлечший. В шахматы играл классно, был многолетним чемпионом разных камер в разных тюрьмах, десятки литров крови выиграл у сокамерников, побеждал без мошенничества и подтасовок при строгой записи и фиксации каждого хода.

Одним нравится цифра пять, другим восемь, Равилю не дает покоя «27». Уже прошел 27 вскрытий вен, 27 зубов покинули челюсти фальшивого вьетнамца, считает, что жизнь у него начнется, когда отсидит полных 27, периодические выходы на волю в счет не идут. Прогуливаясь по Пензе, он, само собой, зашел в 27-ю сберегательную кассу. Сотрудники ему так понравились, что он из своего репертуара решил показать самое изящное — фокусы на исчезновение, отвод от предмета. Девки, уморенные чередованием цифр и бесконечными записями, и посетители — живые копилки на собственные похороны, так увлеклись, так смеялись Равилевым проделкам, что обнаружили пустоту некоторых ящиков, когда Равиль чувствовал себя уже важным господином: в бакском берете, белых джинсах, развалившись, он полудремал в рейсовом автобусе. Они выбежали и кричали, на помощь звали, а Равиль трепетно ощущал хруст ассигнаций в заднем кармане только что вошедших в моду джинсов.

Родина манит, и особенно, если она Ташкент, где родился в татарской семье Равиль, вскоре за баловство и проделки списанный в детский дом.

Равиль не просто вор, а вор-химик, самая опасная для общества разновидность этой братии, ее побаиваются сами воры. Он знает стоимость всех маршрутов: на поезде Новокузнецк — Андижан взял чистыми, без гаек и металла, четыре тысячи; Новосибирск — Адлер — пять тысяч и парочку чемоданов хорошего барахла; маршрут Бийск — Томск дешевый, филок, стыдно сказать, триста рублей, но... Но о но — это уже дополнительный рассказ, только для посвященных в ремесло. Но — у Равиля есть связи и рецепты; он достает сильнодействующее снотворное и им заряжает — водку, коньяк, шампанское, ситро, «Буратино», лимонад, «Боржом», «Ургучан», «Дарасун», «Карачинскую», сельтерскую. В стеклянной ступочке растирает аминал, делает растворы и вводит шприцем в напитки. «Заряжает» — термин его профессии. У него кожаный портфель в декоративном латвийском тиснении, заполненный бутылками. А к нему ловкость рук и никакого мошенничества.

С проводниками — расчет только деньгами. Они и посадят в хорошее, солидное купе. Едут папа, мама, дочка отдыхать, загорать на юга и побережья. Одно место в купе свободное: просят, умоляют пассажиры проводника не подсаживать, угощают его, одаривают и довольны, что едут одни — семьей. В купе проводника стоит с чемоданчиком веселый человек возраста непонятного, почти как ребенок. Просит предоставить ему место до ближайшей крупной станции, он очень устал. Папа, мама и дочь соглашаются его пустить — только до ближайшей станции. Равиль неописуем в азарте, семья хохочет над рассказами из цирковой жизни. Ну, и совсем умница попутчик: предлагает угоститься с ним, выпить чуток, к радости семьи за его же счет. Жена не возмущается, не из их кармана льется дорогой армянский коньяк, дочь, надув губки, тянет «Буратино». Равиль пьет даже больше других, жажда мучит и к тому же все знают, что артисты пьяницы, так что репутацию надо поддерживать. Жена от коньяка отказалась, но у Равиля нашлась бутылка «Алазанской долины», и она сдалась. Как-то в мгновение все сникли, Равиль опустил шторы, дверь крепко закрыл и принялся за работу: напитки убрал, чемодан проверил, деньги подсчитал, идущее в «ямку» сложил, серьги аккуратно снял. С кольцами иногда приходится возиться, но у Равиля на этот счет припасен инструмент — распил идет очень редко, а так прижимы и отжимы, нитки промышленные и кольца и перстни сложены в дипломат. Оставшуюся в купе семью описывать не стоит — в себя она придет не раньше, чем через неделю. Ментам эти случаи раскрывать несподручно, сплошная путанность, дальность расстояний, сбивчивые показания свидетелей, разные республики. Никто такие дела брать не хочет.

Подобных воров советская милиция предпочитает на воле не держать. Оторваться им трудно, надо давать клятвенные обещания, проситься на поселение куда-нибудь на Хатангу. Только тогда смогут поверить им, вора-химикам. По выходу из зон за ними сразу движется прокладка и чем раньше водворяют снова, тем, считается, лучше для общества.

Старый зэк говорит вам: граждане, с гигиенической, с других точек зрения не жадничайте, пейте только свои напитки, кушайте только свою пищу, из незнакомых рук не берите. Деньги, здоровье, а то и жизнь будут в сохранности!

Воры-карманники хвалят районы Поволжья, там проживает доброе христианское и мусульманское население. Обнаружит к примеру пропажу кошелька мордвин (мокша или эрзянин) и сокрушаться особенно не станет, отойдет в сторону от автобусной остановки, покачает головой, сплюнет, махнет рукой и произнесет: «Чему бывать, того не миновать».

Старые люди еще перекрестятся с молитвой. Не то в Прибалтике, где-нибудь в Риге или Тарту. Исчезновение кошелька человека взбудоражит, он остановит автобус, побежит в милицию и начнет всех подозревать, особенно русских, хотя воровской мир Балтики состоит из местных националов и приезжую братву не жалует. Исчезла-то всего жалкая пятерка.

Ни одна профессия не требует такой специализации, как воровство: есть «трупники», занимающиеся изъятием золотых коронок в моргах, «корабельные крысы» — те, кто пасет плавсостав, «рэкетиры» — вымогатели у удачливых кооператоров и дельцов, «вооружейники» — воруют оружие у заводской охраны, в милицеских отделениях, на Тульских, Ижевских и Ковровских заводах. Пушку иметь — мечта каждого семьянина, не только закавказского и зааральского, но и северянина-помора. Людям некоторых профессий без нее не обойтись — таксистам, проводникам почтово-багажных вагонов. Заботливое государство их оставляет наедине с деньгами, темнотой, риском. Оружие — лучшее успокоение и надежда.

В 1966 году в Чите придумали граждане таксистов молотками бить по кумполу и изымать выручку. Разошлись вовсю, даже военные и те ни за что ни про что стали избивать таксистов. Подопьют в ресторанах «Забайкалье» или «Ингода», возьмут машину и просят: «Гони на озеро Кенон». Подъезжают и там на берегу скуки ради изобьют, измнутузят водителя, деньги отберут и пинками прогонят. Все это было до поры до времени. Оказался один из таксистов с револьвером. Стали бить, он им: «Ребята, умоляю, не надо». Те разошлись, раскипятились, пришлось «пушку» применить. Двоих уложил сразу, а третьего так, что отваживались с ним в госпиталях потом полгода. Но он честно сказал на суде: «Мы виноваты, мы стали бить». Один этот случай успокоил область и научил с почтением подходить к водителям, уважать их, разом выбил молотки из рук.

Специализация воровского мира тесно связана со спросом. Требуются иконы — жди грабировки церквей, монастырей, музеев. Постоянный спрос на мясные продукты заставляет обматываться колбасой мясокомбинатчиков, прижимать к сердцу вырезку вместо груди и надевать протезные ягодичы из фарша. В продажный вес что угодно можно вогнать — соленую кровяную грязь, перемолотые кости, истертую в порошок щетину. И из-за этого передерутся совчеловеки, ибо подобный продукт называют докторской колбасой. Нарастить вес в сыре и масле можно парафином и туалетной бумагой, в меде — сахаринем и сахаром, в коньяке — спиртом, в марганцовке крашенным. Власть в курсе подобных

объегориваний и предпочитают отгораживаться — спецмагазинами, спецзакупками за кордоном: они же обладают нежными желудками, не то, что у пролетариата, готового на любые жертвы ради производства средств производства. Неописуемы пути специализации. Валера Один (кликуха Директор) полем своей деятельности избрал научно-исследовательские и проектно-технологические институты, а в них конкретно проверял «финансы профорганизаций». Научный мир давно на профсоюзы начал, забыл, что они школа коммунизма. «Директор» краснощек, в росомаховой шапке, замшевое пальто на собачьей подкладке, в финских ботинках и с узкими серпами усов. Вежлив и корректен — проходит без пропусков в столь закрытые заведения, как НИИОлово, Институт ядерной физики. Он говорит: «Я из министерства (я из обкома, я из дорпрофсожа и т.д.). Мне нужен ваш профорг или тот, кто отвечает за собес». Любой охранник пропустит такого вежливого и солидного человека: «Пожалуйста, проходите, комната 49, этаж третий». Ловкость рук позволяет при подходе к профсоюзу заглянуть во многие кабинеты, там пройти по сумочкам и верхней одежде. В профкоме разыграть проверяющего, ковырнуть сейфик. И еще многое можно прихватить: шапки соболиные, путевки в Дома отдыха, билеты на разные ансамбли. Страна Советов забита НИИ и Директору работы непечатый край, наука и здесь неповоротлива: пока догадаются и посоветуются, примут решение сообщить в милицию, пройдет много времени. Обшарив тридцать институтов, Директор жаловался, что только из двух позвонили, назвав его неясные приметы, в остальных перессорились между собой, подозревая друг друга в хищениях.

Кидалы — особые воры и это явление отражает новую, более развитую стадию воровства на пути к всеобщему. Начало его — годы Гражданской войны. До этого Россия славилась обманными манипуляциями нищих-«калунов», которые брали на выкуп больных, калеченых детей и с ними бродили по дорогам и селам, прося милостыню. Иногда для этой цели калечили детей и носили уже мертвых. Были и погорельцы-сборщики средств для деревень, сгоревших от пожаров, бывало и они обманывали. В советское время одна группа добралась до М. И. Калинина и так ему расписала фашистские зверства, что всесоюзный староста отвалил им в годы войны, подумайте только, вагон продовольствия. Оказалось, что эта деревня была вне линии фронта.

Кидальство — специфический обман: «обернутая материалом чурочка» делается похожей на ребенка и с ее помощью собирается подаяние, «ребенок» при этом «сосет грудь» — легко и удобно, обошел поезд и выкинул в окно. На барахолках Хабаровска и Находки известны

случаи, когда обыкновенных гладкошерстных щенков одевали в искусственные шубки, снятые с гэдээровских игрушек-собак и продавали, как дорогих болонок.

Мухлевство — это тоже кидание. «Покупайте, покупайте лисью шкуру, особая порода, прочная, вечная, моль не берет и собаки на нее не лают» — кричит на барахолке скорняк. На самом деле — это перекрашенная дубом собачья шкура. Можно и шкуру баргузинского соболя растянуть втрое. Дешево продают костюмы — элегантные, вечерние, с блеском ночным — на самом деле — для покойников. В войну делали аккуратные чурочки из лиственницы и их окунали в мыло — готовы бруски хозяйственного; продавали рулонами ткань, где слои были по бокам тканевые, а внутри — оструганные бревешки; масло в бидоне только сверху — внизу вода или мазут. Само понятие «кидальщик» идет от продавцов семечек и табака, которые тренированным закидом в карман ссыпали не стакан, как положено, а четверть его. Лузгайте, граждане, курите на здоровье!

Кругом обман. И власть, начавшаяся с разгона Учредительного собрания, фальшива изначально. Говорят повсеместно: не проведешь — не проживешь. Идет из Тулуна молоковозная машина в Братск, покуривает водитель, опустивший в цистерну кусочек масла. Перед Братском он обрстет килограммами. Масло извлекается и продается.

Ко всему присматривайся — не пахнет ли обманом. Вот стоит ведро чистой брусники, по виду не определишь какая она, а на самом деле собрана из медвежьего помета-навоза. Грибная солянка? Подвох! Нашинкована из гнилых грибов. Смеются в поезде соликамские мужики, рабочие совхоза. Рассказывают: «У нас была в хозяйстве выбраковка свиней, списали по дешевке с десятков карликов-поросят, мы их купили и нынче продали, как настоящих. Они же не будут расти». Весело, весело. Кидалы-обманщики в почете, они не только негодную вещь продадут, но и при расчете сжульничают ловким уводом ассигнации в ладонь, взгляд отведут.

Так в Союзе повелось, что со словом «химия» ассоциируется обман. Химичит — значит кидает. Ушлые все пошли, друг друга норовят обмануть. Посмотри, продает чистый, крупный картофель. Покупай. Но он собран с полей, расположенных вокруг хим-олово-свинцовых комбинатов. Для себя продавец там не сажает, это для продажи — гостевой. Кто проверит, что он химичит, когда само государство радиацию распространяет в продуктовых поставках из Чернобыля. Государство и его ведомства химичат в открытую и директора говорят: «Человек такая

скотина, все через себя пропустит и пронесет».

Курганский вор-мошенник таксист Виктор Белялов специализируется на обирании эков, их родственников и знакомых. Его шмары разъезжают по добытым из зон адресам и представляются посланцами, гонцами. Жены, родители, дети отдают последние деньги, вещи для своих эков. На этом мошенничестве он зарабатывает прилично, тысячи гребет.

Вор Владимир Егоров родился от ППЖ в Берлине в 1946 году и поэтому считает себя родственником Эриха Хонеккера и нашел занятие в духе перестройки. Просидев неделю у радиоприемника, он выписал имена Григорьянца, Померанца, Стрелянного. Имя Григорьянца ему понравилось и пустился он с ним в путь по стране. Представляясь членом группы Григорьянца, он входит в семьи интеллигентов-учителей, агрономов, зоотехников, расспрашивает их о судьбе и работе в сельской местности и «прозыривает» квартиру, похищая потом или сразу же в процессе интервьюирования, ценные вещи. Новоиспеченный «сын лейтенанта Шмидта» курсирует по просторам Сибири, пока удачно сматываясь от приверженцев Григорьянца и милиции, объявившей на него всесоюзный розыск.

Некоторым людям информация ни к чему, а воры от ее недостатка страдают вечно. Такова особенность этой деятельности. Проникнуть при умении можно куда угодно — даже бетонное перекрытие особыми растворами можно промочить и отверстие готово. В районные хранилища денег ни сверху, ни сбоку не проникнешь — стена каменной кладки в Восточной Сибири толщиной 64 сантиметра, 10 сантиметров воздушная прослойка и 20 сантиметров сплошной бетонной стенки с арматурой-двадцаткой, где в центр попадает перекрест квадратов другой сетки. И в этом случае был найден выход — все сооружение подцепили к трактору, переместили его на сварные листы и утащили. При этом изъяли несколько сот тысяч рублей, а хранилище утопили в реке. Оно и ныне там красуется.

Ходит-бродит вор по друзьям и знакомым, расспрашивает о гусях — состоятельных людишках, имеющих ценности и деньги. Принимает заказы. Иметь среди друзей стоящих воров дело неплохое, любого конкурента можно убрать. Самому не стоит, а вор за плату с бакланом договорится и тот в собственное удовольствие замочит того, кого укажут: тихо, спокойно. Жена академика, неизвестно какая по счету, разболтала, что ее любимый старикашка приобрел за 50 кусков редкую японскую картину. Засеки это дело, уложи в память и продай за тысячу вору. Вскоре картина перекоцует в другие, надежные руки за цену в пять-десять раз меньшую.

К старости у многих развивается логорея — недержание речи,

особенно у мужчин, которые начинают страдать хвастовством — заслугами, значением, достижениями, наградами, накоплениями. Как прожить старым людям без заботы и поддержки? Все их забывают, никому они не нужны (по их мнению). Неправда, товарищи пенсионеры, нужны, да еще как. Ежели филками богаты. Вот дамочка, общается на югах с болтливыми пенсионерами-импотентами, узнает их адреса, болячки, условия жизни. И пишет она друзьям-ворам особым стилем, который называется «наводить на гусей».

Богато, хорошо жили два брата и их напарница по делам — простая медицинская сестра. Молоды, еще и тридцати нет, а уже с «Волгами», дачами, вкоцаны по последней моде в импортное кожанье. Медсестра живет поскромнее в своей кооперативной квартире, замуж выходит за смазливового студента, на сберкнижке есть куски. Она — воплощение самой что ни есть скромности и в 16-й поликлинике Новосибирска является заместителем главного редактора стенной газеты «Доброта». Редактор, он же и главврач доброй сестре (она его, пьяницу, коньячком бесплатно частенько балует) делает всякие поблажки, отпускает в любое время по разным общественным делам.

Звонок. В глазок видно — стоят трое молодых людей в белых, крахмальных халатах. Девушка обвешена медицинскими приборами и трубками, юноши с чемоданчиками. Звонят: «Откройте, пожалуйста, мы из райсобеса по вашей просьбе и письму». Входят. Здравуются. Называют по имени и отчеству.

— Мы выясняем условия, в которых вы, заслуженный человек нашего отечества, защитник Родины в прошлом, проживаете. На что жалуетесь? Какую помощь и содействие хотите от нас получить? Как у вас с духовной жизнью, чем вы наполняете свой отдых? О, у вас все сочинения Иосифа Виссарионовича Сталина?! Сейчас это редкость. В Грузии цена всех вышедших томов достигает трех и более тысяч. Мой папа тоже без Сталина и дня не может прожить. С ним, как с Богом, советуется. Недавно я в Гори, на родине вождя был, там все сохранилось: памятник, большой портрет на вокзале и музей. Мне повезло, попал на слет людей, татуированных портретами Иосифа Виссарионовича, приехали тысячи. Один мне на ухо сказал: «У меня на груди Сталин, а на жопе знаешь кто? Горбачев. Ему там самое место».

Все задушевно хохочут. Млеет и дуреет бывшее военное, партийное, лагерное начальство. Рассказывает о медалях, о своем вкладе в комсозидание и уничтожение многочисленных врагов. Скрупулезно по памяти перечисляет, в чем нуждается: необходимо сменить водопроводные

краны, шток в унитазе, достать крышки для стеклобанок, ибо не замаринуешь и не засолишь без них, надо пугнуть пацанов, которые вытаскивают из почтового ящика газеты и журналы — «Советский воин», «Ветеран», «Красная звезда», «К новой жизни». Просит — он об этом многократно писал, куда надо, но не получил ответа — обратить внимание на вражеские сходки в квартире 37.

Пришедшие все аккуратно записывают в бланки, блокноты, в заявки. Для пущей важности просят расписаться и оставляют квитанции. При этом идет неторопливая беседа о вождях, врачах, происках врагов, мудрости Ленина — Сталина, КПСС, победе в войне и строительстве социализма, о коварных сионистах, тайных масонах, Коротиче и Гдляне. Гости не торопятся, хвалят красоту жены, мужество (проступающее на фотографиях) детей, внуков, похожих сейчас телом, а потом, разумеется, и делом на деда. От предложения выпить по рюмочке категорически отказываются: мы на работе, не положено.

Жалобам на здоровье нет конца: запор постоянный, плохое настроение и высокое давление. До этого молчавшая и не встречавшая в беседу девушка, говорит: «Давайте проверим давление». Кто ж от этого откажется прямо на дому? Проверяют, как положено — старик ложится на диван. «Ба, да у вас оно что-то резко подскочило. Надо срочно сбить. Что предпочтете, таблетки или укольчик? Укольчик надежнее и быстрее снижает». «Можно, можно укольчик, я с детства их не боюсь, вот жена при виде шприца и крови в обморок падает».

Ставится укол, болтовня замирает, и через минуту терпило уже храпит в две дырки-пырки, открыв для заглатывания воздуха и рот, полный фикс. «Грабь награбленное» — лозунг красногвардейцев и их последователей. Добыча бывает солидной — десятки тысяч упаковываются в чемоданчики, драгоценности и золотишко раскладываются по карманчикам. Следы пребывания уничтожаются, справки спускаются в унитаз мелко разорванными.

Старые люди редко сразу обнаруживают утерянное, описать воров-грабителей сложно, ибо белые халаты так же обезличивают, как и всякая форма — военная, милицмейская.

ПРОДАЖА РАБИНОВИЧЕЙ

Как и все люди на земле, зэки тоже умирают и, пожалуй, чаще, чем вольняшки. Из одного ада зэк перемещается в другой, из одной «колючки» в следующую. Исправительно-трудовые кодексы и комментарии к ним не разрешают передавать трупы родственникам, а тем более — друзьям и знакомым. Только по большому благу и после долгого хождения по инстанциям можно получить дорогие бранные останки. Да и большинство граждан согласны с кодексами. И на воле предпочитают не возиться с покойниками, что уж говорить о лагерях. Хоронить хлопотно: в стране, территория которой больше чем наполовину покрыта вечной мерзлотой, острая нехватка моргов-холодильников. На почти полуторамилионный Новосибирск всего шесть блатных холодильных мест (для именитых членов обкома КПСС, генералов и академиков СО АН СССР). В других городах и этого нет. Приходится с помощью всяких формалинов и азотов сохранять только лица покойных. И это сбережение стоит немало. Надо сказать, что сотрудники МВД СССР с покойниками находятся в хороших отношениях: полностью выполняют все правила внутреннего распорядка и спокойно готовятся к последнему «бегству» — вычеркиванию из уголовных дел.

По смерти в зоне на труп надевается зэковская парадная форма, и он помещается в ящик-гроб (говорят же, сыграл в ящик), выполненный из отходов древесного распила — обрезков, горбылей. Погребение зэка-покойника идет по кремлевским расценкам, где, к примеру, килограмм ананасов стоит 18 копеек. На зэка расходуют больше — 1 рубль 26 копеек. Понятно, списывают, а списание всегда приводит к удешевлению. В этом есть и другой момент: «там» предстоит встреча со Щелоковым и Андроповым, глядишь, прибудет и железный Феликс, и в споре о льготах и привилегиях они скажут: «Тоже пользовался, не ври, похоронен по нашим расценкам». И будут, как всегда, правы.

Похороны — работа хозобслуги. Здесь применима поговорка: быстрота нужна только при ловле блох. Медленно тянут покойника ногами вперед, за зону.

Хозобслуга подвергает покойника последнему, заключительному шмону, а затем все по плану — такая-то могила и такой-то номер. Засыпать обычно не торопят, и обслуга эту работу просто уважает, чтобы не сказать, что любит.

Тема смерти не веселая. Но нельзя не отдать ей должное, особенно сейчас, когда «Мемориал» откапывает сотни и тысячи кладбищ: возвращаются к памяти живых Пивовариха под Иркутском, Колпашевский Яр в Томской области, Острова смерти на Оби, Долина смерти на Колыме... Сколько их? Миллионы мертвецов вступают в эпоху перестройки — вечная мерзлота являет трупы убиенных огромными полями мертвых Магадана, Певека, Норильска, Лабытнанги... Жуткие следы убийств на теле страны, находившейся десятки лет в руках уголовников из ЧК-ВЧК-НКВД-МГБ-МВД-КГБ и их начальников — Лениных, Сталиных, Хрущевых, Андроповых, Черненко, и их блатных архаровцев из сплоченных рядов РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Последняя аббревиатура расшифровывалась как «компания, преследующая Сахарова и Солженицына».

Серпантинном выются этапы в лагеря. В Эдучанку, что на полпути от Братска до Усть-Илимска, прибыл в году 1965-м известный лемберско-львовский делец, заслуженный рецидивист Европы и Азии Даниил Рабинович. Причалил в возрасте преклонном, аж за восемьдесят годков. Человек судьбы удивительной, знаток тюрем множества демократий и монархий мира. Приехал, чтобы почтить на берегах красавицы Ангары и вписать лист в пухлую историю Иркутского УИТУ — Управления исправительно-трудовых учреждений.

Но, прежде, чем приступить к описанию остатков жизни Даниила, остановимся на событиях, в то время волновавших Восточную Сибирь. Причиной их явилось не экономическое положение, не то, что зона затопления Братской ГЭС достигла площади, занимаемой таким государством, как Израиль, не травма, парализовавшая скалолаза-гидростроителя Губайдулина, в которого влюбилась медсестра Института ортопедии и восстановительной хирургии. (Об этой, подкрепленной легковой машиной «Москвич» и квартирой с электропечью в Падуне, любви на протяжении многих месяцев писала газета «Восточно-Сибирская правда»). Всех волновал и будоражил вопрос об обрезании коммунистов-ленинцев, который поставил ребром на открытом партийном собрании Иркутского завода тяжелого машиностроения Иван Бурсак, внештатный лектор-международник общества «Знание», приписанный к парторганизации флагмана драгостроения Советского Союза. В длинном, обстоятельном выступлении, которое, затаив дыхание слушали члены нерушимого блока коммунистов и беспартийных, Бурсак перед лицом непрекращающейся агрессии империализма предложил для более тесного сплочения рядов ввести ритуальное всесоюзное обрезание коммунистам.

Иван Бурсак предложил, чтобы в райкомах рядом с комнатой «Выдача партийных документов» находилось помещение с обитой красным дерматином дверью и надписью «ОДЧК» — Обрезальня для членов КПСС. Там бы дипломированные партийные хирурги производили торжественный акт приобщения к когорте большевиков. При этом полагалось на стволе пениса новоиспеченного члена татуировкой наносить все необходимые для приема данные: рабоче-крестьянское происхождение, год рождения, место вступления. Номер партбилета следовало ставить на головке члена. У женщин подобное делалось бы на половых губах. Это бы безусловно укрепило ряды и повысило гордость принадлежности к КПСС, так как член партии, смотря многократно на член, не забывал ее и постоянно вдохновлялся.

Это прозвучало настолько неожиданно, что секретарь обкома Банников отложил визит в Москву, где была запланирована его пьянка с одним из членов ЦК КПСС. Область взбурлила, как байкальские реки при нересте омуля. О том, что Иван Бурсак не еврей, было известно так же, как и то, что его дед участвовал самолично в расстреле адмирала Колчака. Лектора вызывали в обком, КГБ, МВД и везде всех он покориł новизной информации и деловитостью почина. По природе будучи очень любознательным и как лектор привыкший все штудировать и примечать, подчеркивая карандашом, он наткнулся на дореволюционную монографию врача Шниткинда «Об обрезании». Две с половиной сотни страниц так увлекли его, что он просто обезумел от того, как это могли Ленин и его братья не воспользоваться такими многовековыми рекомендациями для сплочения всегда шатающихся туда-сюда коммунистов.

Не ожидая указаний сверху, почин сплочения начали стихийно подхватывать низы. Так, чабан Аларского колхоза «Заря коммунизма» Агван Атриков, подвыпив, самостийно остриг часть члена, чуть не отправившись на тот свет. Пока коммунисты области, пребывая в шоке, ждали указаний и разъяснений, Иван Бурсак читал лекцию за лекцией и всегда при переполненном зале. Он риторически восклицал: «Обрезание удлиняет половой акт коммуниста и тем самым укрепляет устои советской семьи, член (партии) от этого становится устойчивым, напрочь исчезает буржуазная флегма, увеличивается (косвенно) рождаемость, что приводит к закреплению партийных кадров на селе. Все это вместе взятое в конечном счете резко повышает производительность и эффективность общественного труда». «Полное обрезание, безусловно, лучше частичного, применяемого некоторыми мусульманскими народами» — резюмировал практичный оратор.

Ротапринтная брошюрка Бурсака «Стадии обрезания марксистов-ленинцев» даже была рекомендована в сеть партийной учебы самого северного и большого района области — Катангского. Ее вкладывали в паек для охотников, промышлявших соболей и ондатру, высоко ценя простоту и доступность для понимания брошюры даже рядовыми тружениками таежных угодий. Секретарь обкома на всякий случай попросил известного профессора Ходоса, чтобы он высказал свое мнение о здоровье Бурсака. Ответ ученого был утешительным: «Здоров, любит беззаветно КПСС и ясно видит поставленную цель». Секретарь обкома уже задумался, как бы поконкретнее проинформировать большого любителя идеологических починов земляка-сибиряка Черненко об интересном и заслуживающем внимания начинании, об энтузиазме, вызванном обрезанием, как грянула семидневная война Израиля с Египтом. Тотчас КГБ усмотрело в деяниях Ивана Бурсака связь с «Моссадом» и потихоньку сварганило уголовное дело об изнасиловании Бурсаком гражданки Ф. И. О. Попросили одну ретивую слушательницу районного университета марксизма-ленинизма из поселка Жигалово, на самом деле добровольно побывавшую в объятиях лектора из общества «Знание», написать о том, что это было сделано под давлением и с применением силы. Лектор проследовал в одну из многочисленных зон, где вскоре урки ему татуированными джамбулатами сломали целку, причислив навечно к проткнутым педерастам. По области прошли митинги рабочих, где уже обрезанные философы Иркутского университета имени А. А. Жданова клеймили позором «американо-израильский империализм и его причиндалов, обнаруженных и в нашей, к сожалению, области в лице некоего отщепенца Бурсака».

В такой социально-психологической атмосфере Даниил Рабинович стал душой эков Эдучанки. Мировая бывалость, интернационализм заключений и отсидок, а также приключения, чудные рассказы, дельные советы, веселая ирония над своей судьбой снискали ему вселагерную любовь и уважение. Низам (такую кликуху он получил) прочитал теоретический курс «Воры в истории народов мира» и практический — «Проникновение в прошлое и настоящее». Блатные окружили Низама невиданным почетом, мужики по очереди выполняли за него норму выработки, так как зэк Рабинович считался фактически трудоспособным, то есть исправимым трудом. Черти, слушая его, оживали и находили смысл в жизни. Низаму писали друзья по сейфам и карманам со всех концов Земли. Одно письмо пришло аж с Огненной Земли из самого южного на планете города Ушуая, где остановился передохнуть и поразмышлять его

соратник по парижскому воровству Энрике Листер. Он там находился в тоске, думая над вопросом: «Куда же еще податься?»

Тесно сдружился с Низамом замполит зоны Зори Шегельман. В субботние и воскресные дни, когда лагерное начальство расходилось по вечеринкам и пьянкам, Зори направлялся в зону, вызывал в кабинет Рабиновича, ставил крепкий чай и часами слушал рассказы о Европе, Северной Америке, Индии. Зэку Рабиновичу приходилось проникать во дворцы Хайдарабада, работать на пляжах Рио-де-Жанейро, бывать неоднократно и даже председательствовать на международных воровских конгрессах. «Веселее и полнее стало жить, моя дорогая», — как-то сказал жене выпускник Саратовского юридического института Зори Шегельман и добавил тут же: «С Рабиновичем не пропадешь».

В один из подъемов Низам не встал. «Помер, помер, отдал Богу душу», — пронеслось по зоне, поселку, району. Дали телеграмму родственникам, в добротном гробу из корабельной ангарской сосны с чифирьными почестями вынесла хозобслуга тело Рабиновича на кладбище. Был октябрь, похоронили еще в теплую землю, засыпали долго, не скрывая жалости и грусти. Заскучал замполит, но ненадолго. В УИТУ МВД Иркутской области с копией в КГБ пришел обстоятельный донос, где описывалась обстановка в Эдучанке и злодеяния Зори Шегельмана, «который в своих происках дошел до того, что продал (так и было написано — черным по белому) львовским жидам труп Рабиновича». Родственники Рабиновича действительно приезжали в Эдучанку, были на могиле. Зная, что трупы не выдаются, они и настаивать на выдаче не стали. Сфотографировались на кладбище и попутным автобусом уехали в Братск. В УИТУ решили проверить, направили комиссию, произвели откапывание и не обнаружили гроб с Рабиновичем. Как ни доказывал замполит, что он никакого отношения, кроме национального, к Рабиновичу не имеет, что он даже с приезжавшими родственниками не разговаривал, все было бесполезно. Все считали, что именно он, Шегельман, продал Рабиновича.

Обсудили на собрании и выгнали Зори из партии, разжаловали в звании, лишив тем самым работы. Поседел, постарел, осунулся бывший замполит. Жене не давали прохода в поселке, не разговаривали, никуда не приглашали. Сидели вдвоем дома, по ночам кололи дрова и топили печь, решили дожидаться весны, а потом уехать. Мучил вопрос: «Куда все-таки подевался мертвый Рабинович?»

Подшло лето. Безработный замполит стал заколачивать ящики с нехитрыми пожитками. Однажды жене замполита передали в магазинной очереди записку о том, чтобы кто-нибудь из детей в указанное время

подошел к расконвою. Пришел старший сын, и зэк, хоронивший Рабиновича, рассказал: «Мы насыпали две могилы. Там, под сосной у ограды и почти на воле похоронен Низам и по еврейскому обычаю мы на могилу камень положили, а в пустую, в ту, что под номером в зэковском ряду поставили только столбик». Засуетился отец, дети днем и ночью охраняли могилу, думая, что все же Рабинович может исчезнуть. Нехотя прибыла новая комиссия. Вскрыли. Рабинович оказался на месте целехоньким и невредимым.

О судьбе замполита рассказывают разное. По одной версии в партии восстановили, звание вернули и направили на работу в другую зону. По другой утверждают, что Зори Шегельман от партии и звания отказался наотрез, уехал на Сахалин, где работает простым лесником.

Авторы лагерных мемуаров чаще всего поминают самыми плохими словами охранников — дубаков, надзирателей и контролеров, рассказывают о них как о нелюдях, эдаких лютых зверях. Если бы это было так, если бы эти люди просто соблюдали все ИТК, инструкции и положения, разработанные московскими юристами и поддержанные депутатами, за которых голосовал народ, то и самих мемуаров бы не появилось. Эмвэдэшники ответить на выпады не могут, в самиздатах не участвуют, международных связей не имеют (это строжайше запрещено и оговорено при устройстве на работу) и о заграничах даже не мечтают. Они из той природы людей, которые призваны управлять, понуждать и ведут большую и сложную работу по сохранению устоев и порядка в государстве. Они, как и все люди, со своими странностями и недостатками, радостью и горем и, как все, тоже погибают и умирают. Об одной такой нелепой смерти ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) мы и расскажем.

В Невоне, зоне, расположенной рядом с Усть-Илимском, добивал последние годы до пенсии майор Николай Макарович Шкаленков. Вся его жизнь прошла в окружении зэков и их он полюбил по-своему. Они отвечали «взаимностью»: подбрасывали ксивы, где обещали его примочить в лесу, зная его страсть к охоте и рыбалке. На эти угрозы Николай Макарович не обращал внимания, ибо всегда соблюдал дистанцию в общении с людьми, в том числе с зэками. Дистанция эта и была загадкой для всех. Кто он на самом деле? Наш или не наш? Для одних он был своим, как говорится, в доску, для других чужим, непонятным. Бывшие зэки, встретив его на воле, почтительно обращались: «Здрасьте, Николай Макарович». А зайдя за угол, говорили знакомым: «Это тот еще мудака, ДПНК Шкалик». Какой он человек? «Так, себе на уме. Кажется, мужик знает, как жить. Не поймешь, то дотошный, то вредный, то так себе. А

вредный и не знаю почему. Вредный и все.»

Родом Шкалик был из здешних мест, из Коробчанки, небольшого селения выше по течению на другой стороне Ангары, за Лосятами. Лосятами звали два необычайной красоты острова, почти в самом створе реки. В этом месте стали возводить ГЭС и острова разобрали (вывезли грунт). Семья ДПНК проживала в Братске и там имела в Падуне благоустроенную квартиру. Об этом даже знакомым не скажешь шепотом. Шкалик люто ненавидел Москву и москвичей, членов обкомов и райкомов, хотя сам числился в партийных. Нелюбовь он проявлял по-своему, специфически. Ежели узнавал, что уголовник из Москвы, то «щебил до упада» всеми установленными инструкциями. Все москвичи у него в зоне рано или поздно становились педерастами. Ненавидел он их за то, что по приказу из Москвы испохабили его любовь — Ангару: затопили Падунские пороги и перекаты, а скоро возведут еще один монстр — Усть-Илимскую ГЭС. Уйдет на дно и его родина Коробчанка с прекрасными полями, лесами, осетровыми рыбалками и кладбищем предков. Об этом он часто размышлял один на один на охоте и рыбалке в Братске, бродя по искореженному волнами глинистому берегу водохранилища. Наблюдал душераздирающие сцены, когда весеннее половодье поднимало со льдом, как пацанов-шалунов за волосы, огромные площади затопленного леса. Деревья переворачивались, кряхтели, стонали, словно укоряли сибиряков: «Мы-то вас сотни лет кормили, поили, холили, красоту дарили. А вы, слабаки, на потребу московским засранцам предали нас». При этом резало колючей болью в сердце. Бывало плакал Николай Макарович на берегу, среди выброшенных волнами корявых стволов. Он знал, что его земляк профессор Шерстобитов, автор двухтомника «Илимская пашня», встал на колени в Иркутском обкоме КПСС и просил спасти от затопления села по Ангаре, Илим, Оке, молил не строить ГЭС, доказывал расчетами их пагубность для будущих поколений. Не вняли, суки!

Пошел однажды ДПНК Шкалик на рыбалку и исчез, пропал, нет его день, два, три. На него, службиста, это было не похоже. Позвонили в Братск жене. Она ответила, что он дома не показывался. Заподозрили всякое — одни, что подскользнулся на камнях и утонул, другие считали, что могли замочить бывшие зэки. Поплавали по окрестным протокам, прочесали лес. Безрезультатно, сгинул Шкалик. Только через две недели стало ясно. В Богучанском районе Красноярского края у одного из островов в осоке был обнаружен утопленник, который по приметам соответствовал ДПНК. Как доставить утопленника в морг, если с ним возиться никто не желает? Сообщили семье, которая согласилась на похороны в Братске. Взять

вертолет и слетать — очень дорого и к тому же в тайге начались пожары и всю технику бросили на тушение. Какой бы ни был у начальника зоны блат, сколько бы ни значил при жизни ДПНК, вертолет за мертвецом не пошлют. (В будущую афганскую войну — это стало повседневной реальностью: и вертолеты, и самолеты стали возить цинковые гробы.) Провели оперативное совещание, посвященное утопленнику. И тут-то, голь на выдумку хитра, два прапорщика изъявили желание доставить Шкалика целым и невредимым, потребовав неделю времени и пять литров питьевого спирта (он тогда продавался в усть-илимских магазинах) и, конечно, командировочные за время отсутствия. Вечером на лодке-моторке отправились прапорщики к острову, у которого притулился покойник.

Здесь к месту дать небольшое пояснение для любознательных. В разных реках, озерах, морях, каналах и водоемах отечества свои особенности всплывания трупов, то есть их «вставания» из воды. В чистой Ангаре трупы встают на девятые сутки, в Черном море на вторые. В 1921 году Бела Кун и Землячка вероломно приказали расстрелять оставшуюся в Крыму часть Белой Армии, которая сдалась в плен и ожидала обещанную М. В. Фрунзе амнистию. Семьдесят тысяч человек побросали в море с привязанными к ногам тяжелыми предметами, и вся армия «встала» на вторые сутки. От увиденного М. В. Фрунзе охватил такой ужас, что он чуть было не покончил жизнь самоубийством. В Лене-реке «встают» на седьмые сутки, в Амуре на пятые, в Байкале на десятые, летом скорее, зимой медленнее. Чтобы ускорить вставание по стародавнему обычаю на месте предполагаемого утопления бросают с лодок хлеб и он указывает, где лежит утопленник.

Начавшееся разбухание и разложение очень изменило облик ДПНК, и положить в лодку и плыть с ним против течения даже проспиртованные прапорщики не решились. Покумекали и постановили — обвязать Шкалика веревкой и потащить на плаву в Братск. Невон, Усть-Илимск и Коробчанку прошли ночью, дабы не вызывать любопытства граждан. И хорошо, что ночью. Николай Макарович поэтому не видел, как разрушали Коробчанку: сносили дома, бетонировали кладбище, а новосибирские археологи под руководством А. П. Окладникова делали последние раскопы на месте древней стоянки людей.

Операция по доставке ДПНК шла успешно, при виде встречных судов заблаговременно «ныряли» в заводи. Осталось одно серьезное препятствие — пройти Ершовские пороги — кипящее варево камней, скал и брызг. Суда и лодки проходили их только днем под страхом крушения. Было еще одно препятствие: на берегу стояла деревня Ершово окнами на

реку. Прапорщики знали, что по рекам отечества сплавлять трупы не разрешалось. Осмотрелись, ночью можно было протащить ДПНК по протоке рядом с деревней. Лодку вытащили на берег, не доходя Ершово, а Шкалика завалили хворостом и ветками. В деревне встретили знакомых, «надрались» спирта, искусно скрыли цель визита. Многие и впрямь думали, что они разыскивают бежавших из зоны. Ночью вернулись к лодке. Но что такое? Лодка на месте, а ДПНК испарился. Подумали, что им померещилось, однако, капроновая веревка была оборвана. Бегали ночью и потом весь день, искали ДПНК, а на закате спугнули медведя. Стало ясно, что Топтыгин похитил земляка, унес с собой и тайну его смерти.

Так прискорбно закончилась жизнь ДПНК. Судачили: вредный был человек, даже не удалось по-людски похоронить; нет, говорили другие, он очень любил Ангару, и она не могла отдать его людям.

Прапорщикам пришлось писать объяснение, почему они не выполнили порученное задание. В рапорте они доложили, что ДПНК исчез от них по невыясненным причинам. Найти его они не смогли. Прапорам, конечно, командировочные не оплатили: ведь каждый бухгалтер знает, что социализм это учет, и платит только по конкретным результатам труда.

ТВЕРДОКОПЧЕННЫЕ МЕНТЫ

Тридцать две статьи в Уголовном кодексе РСФСР и других союзных республик ведут к вышаку. Никто в стране не знает, сколько людей пускается в расход ежегодно. Академик А. Д. Сахаров считал, что в пределах двух тысяч. Цифра большая, означающая, что каждый год ликвидируется контингент большого лагеря эков, а за десятилетие — население крупного сельского района в некоторых областях Сибири. Разброс статей, которые приводят к исключительной мере наказания, необычайно широк: тут убийства, валютные операции, вооруженные ограбления, изнасилования несовершеннолетних, хищения в особо крупных размерах, подделка денег, хранение золота, платины, серебра, ценных редкоземельных металлов и драгоценностей, превышающих установленную норму.

Подследственных, тянущих на вышак, помещают в смертные коридоры, где рядом, за особой дверью находятся камеры осужденных к исключительной мере наказания. После зачитки приговора, объявляющего о расстреле, наступает обрыв, от которого ступени времени ведут к смерти. Осужденного помещают в стоячий бокс воронка, отдельно от остальных выводят и заводят в камеру-стенку. Затем, обычно это происходит глубокой ночью, его отдельно раздевают, шмонают и всю гражданскую одежду пакуют в особый пакет — короб. На смертника надевают полосатую форму: в полоску все — фуфайка, шапка, пидорка, брюки, лепень. Ведут отдельно в баню, а из нее, минуя карантин, в смертную камеру. Из нее предвидится всего два выхода: ближайший — в преисподнюю и, если очень повезет, то заменят пятнадцатью годами строгого режима с добавкой пятилетнего поселения в поселках, где-нибудь на Средней Колыме, или до пяти лет тюремного режима в крытке.

Смертная камера — это прессовка одиночеством. Даже если осужденный не желает писать кассацию-помиловку, то за него это сделает администрация тюрьмы. Сами эки-смертники пишут в Верховные Суды и Прокуратуры, в Верховный Совет и его палаты, пишут на имя Председателя Верховного Совета, Президента СССР. Смертная камера — каменный колодец, мешок, положенный на бок; стены его обивают толстым листовым железом, на которое приваривается металлическая сетка и она забрызгивается штукатуркой под шубу; в окне-решке двенадцать рядов решетки из двухмиллиметровой арматуры. К окну подходить строго

запрещается и имеющаяся форточка снабжена сигнализацией; дверь двойная — одна обтянута металлом, как в карцерах, другая — из полосовой стали и угольника 45×45 миллиметров. Металлическое все — шконка, вмонтированная штырями в стенку, стол, забетонированный ножками в пол, такие же, как в обычных камерах, унитаз-толкан и умывальник. Металл холодит и мертвит камеру, а бетонная шуба погружает сердце в серость, недаром ее изобретатель Азаров сошел с ума. Все в сигнализации, множество запоров, окно-решка снабжено козырьком — небо и облаков не увидишь до самого конца. Гроб и деревянная колодина — райское место по сравнению с этой камерой. Смертные коридоры располагают в подвальных или полуподвальных этажах тюрьмы.

Спальный матрас с натянутой на него черной матрасовкой и такой же подушкой у смертников меняют коридорные офицеры; здесь же водят на помывку под душ, тут же стригут и этой же машинкой бреют — все под конвоем. Со смертниками запрещается разговаривать, кормят их специальные люди, той же пищей, что и эков. Эти люди состоят не в штате тюрьмы, а приписаны к управлению МВД, так что и сами тюремщики не знают, кто они. Посылки, переписка, отоварки, доставка курева, газет, радиотрансляция, встречи с адвокатом — запрещены. Наступает сплошное, темное одиночество. Выдерживают его не все, начинают биться головой об стенку, иные впадают в сплошной, протяжный, ноющий плач; как ни странно, вешаются мало. Видно считают, что не стоит торопиться расставаться с последними витками жизни.

При заболеваниях лечат лекарством, заставляя его тут же глотать, а о том, чтобы при серьезных болезнях производили хирургические операции, слышать не приходилось. Если до приведения приговора смертник отбросит концы, не печалются, а просто списывают со счета тюрьмы. Смертник — не жилец.

С момента приговора до расхода проходит обычно около трех лет, бывает больше, иногда успевают привести в исполнение быстрее.

Бывает и у смертников счастливый день — если по кассационному определению расстрел заменяют и изменяют на тюремный или лагерный срок. Это определение Верховного Суда зачитывает самолично начальник тюрьмы в душе, куда заводят под конвоем смертника. Одни от радости падают и начинают щеками катать пол, другие целовать сапоги начальника и охранников, становятся на колени и молятся, пускаются в пляс. Редко кто такие определения судов воспринимает спокойно. После такого счастливого исхода из смертной камеры несутся песни, от радости пропадает аппетит: ээк в душе благодарит Бога, суд, партию и

правительство, благодарит всех — и мать с отцом, и продолжающуюся жизнь. Вскоре его прямо из смертной камеры выдвигают на этап и увозят в зоны тюремного режима — кто идет в Златоуст, кто в Тобольск, где зоны расположены в зданиях бывших старинных монастырей.

О том, что кассация осталась без удовлетворения, не сообщают. В одну из ночей по смертному коридору послышится топот конвоя и цоканье собачьих лап, от которых просыпаются все зэки и ушами прижимаются к дверным косякам и к кормушке. Пришли за смертником; его тихо вызывают по фамилии, имени и отчеству, спрашивают статью и начало срока, просят через кормушку вытянуть руки, их защелкивают браслетом, открывают двери и в рот обезумевшему зэку вставляют резиновую грушу, наподобие клизмы. Снова цокот лап и топот конвоя; смертника, держа за шиворот, уводят.

Расстрельной тюрьмой в Сибири слывет Красноярская, там приговоренный находится недолго. Помешать расстрелу могут праздничные дни, болезнь, нет, не зэка, а палача.

Стреляют в скрытых кабинетах, в затылок, уже пристрелянным оружием, говорят, наганами. Промахов не бывает. Тут же убитого суют в специальный холщовый мешок, а кабинет промывают от крови и мозгов шампунью, той же, что и в патологоанатомических отделениях. Хоронят в специальных ямах, припорошивая известью.

Палачи — спокойные люди, офицеры, члены КПСС. Об их работе не полагается знать даже членам семей. Зарплата высокая, не сдельная, а по окладу, тюрьма также несет особые профессиональные расходы, связанные с выпивкой и закуской по окончании дела.

Через короткое время родители, если они в живых, если нет, то близкие родственники, получают пакет-посылку с вещами убиенного и сообщение о том, что приговор приведен в исполнение. Адрес отправителя — следственная тюрьма.

Много баек ходит об этом зэковском расходном этапе жизни. Одни рассказывают, что Красноярская тюрьма зарабатывает большие деньги, поставляя трупы смертников в анатомические театры медицинских институтов, другие в буйной фантазии твердят о том, что Союз их продает в замороженном и безголовом виде за твердую валюту, третьи — что смертников отправляют в Северную Корею к Ким Ир Сёну и там потомственные фармацевты из их половых органов изготавливают ценные медицинские препараты. Чего только не наслушаешься! Уверяют, что вместо казни их отправляют на урановые рудники в подземные шахты, где за ними ведется наблюдение с помощью телевизоров и, где они, не выходя

на поверхность, вскоре окоचуриваются. Большая часть рассказчиков считает, что перед смертью зэку предоставляют возможность заказать прощальный обед в ресторане и выпить стаканчик армянского коньяка. Есть и такие болтуны, кто встречал бывших смертников, кои, пробыв на подземных урановых разработках, оказались в живых, их заставили только изменить фамилию. И они живут поныне и здравствуют, заработав при этом крупные пачки филок-башлей. Что же, на каждый роток не накинешь платок.

Зэк считает: несправедливо казнить того, кто по пьянке замочил или убил в пылу гнева и раздражения; и уж давно не стоит расстреливать за валютные операции и хозяйственные нарушения, за подделку денег и прочих бумаг, за переход границ, шпионаж и хранение золота. Большинство находит, что садизму в убийстве нет оправдания и они, садисты, стоят вышака. Это те, кто наносит сотни ранений, испытывают радость и наслаждение, убивая детей, старых людей, сжигая живьем. Считают кощунством над памятью убитого относить расходы по похоронам за счет зэков-убийц.

Особенно зэки ненавидят убийц-садистов на сексуальной почве. К таким группам убийц зэки очень жестоки — их избивают, помоят, насилуют, чешежопят хором и практически убивают до смертного приговора, так что они ждут расстрела как избавления, как радости. Особым глумлениям подвергаются людоеды-каннибалы, для которых в зэковском понятии существует особая людоедская статья в УК РСФСР, предусматривающая съедение людоедов людоедами. Такие типы встречаются, и не так уж редко.

В середине 70-х годов случай людоедства произошел в Первомайском районе Новосибирска, на станции Инской. Там бывшие зэки, забалдев, передрались, перессорились из-за шмар. Одного в драке пришили и решили это дело замять. Но так как девки-биксы очень перепугались, один из компании предложил «всех связать». Он отрезал с ляжек и ягодиц убитого солидные куски мяса и заставил чувих приготовить из него жаркое. Что было и сделано. Все похряпали это кушанье, запив за упокой водочкой. Ночью, расчленив труп, его сбросили с переходного моста в пустые угольные вагоны поездов, проходящих по маршруту Новосибирск-Новокузнецк. Но случилось непредвиденное, одна из частей трупа не долетела, а зацепилась, повиснув на контактных проводах. И вдобавок одна из блядей все же не выдержала и донесла в милицию. Областной суд всех троих парней-людоедов приговорил к исключительной мере наказания. Народ же был гневно возмущен не людоедством, а тем, что бляди на

процессе проходили как свидетели. В местечке под названием «Сто домиков», где жили свидетели, прошла стихийная демонстрация протеста против блядей. Но потом страсти улеглись, и бляди преспокойно перекочевали в другие компании.

Обывателей Сибири лет десять тому назад очень развлек случай с одним каннибалом из Таджикистана, который людоедством боролся много десятков лет с несправедливостью, завлекая и «пожирая», точнее, скармливая другим, ментов-пенсионеров всесоюзного значения, разных орденоносцев и заслуженных работников, у которых самих руки по локти в крови. У этого ментоеда отец погиб в одном из сибирских лагерей, мать умерла от голода и отчуждения. Проведя жуткое детство, он выжил, работал, семьей не обзавелся, но построил хороший, добротный дом в одном из пригородов Душанбе. Развел сад и слыл очень добрым и гостеприимным человеком. Рано стал пенсионером по труду, получив увечье на производстве. Весной и осенью ездил в сибирские и дальневосточные города, где торговал фруктами и пряностями, а также другими домашними изделиями. Отличался редчайшей способностью определять в покупателях бывших чекистов, энкэвэдэшников и эмвэдэшников, с ними знакомился так, что они принимали его за своего, бывшего соратника по лагерной и прочей службе. Он же им заливал о том, что мечтает продать свой дом и перебраться к родственникам в Липецк. Многие менты планируют в старости погреть косточки на югах и купить там дома. На черноморском побережье они стоят дорого, а в Средней Азии дешевле. Изучив подноготную дзержинцев, он выбирал из них одиноких, бессемейных пенсионеров и приглашал к себе посмотреть дом, отдохнуть на фруктах, прицениться. Дом ментам нравился, они даже давали деньги в зарок, чтобы другим случайно не продал. Ночью такого замечтавшегося чекиста он убивал и разделывал по всем правилам скотобойного промысла. Из пенсионеров всесоюзного значения изготавливал твердокопченые колбасы — сервелат, салями, имея для этого в саду коптильню. Бывало, закатывал и тушенку под вид кроличьей с лавровым листом и перцем-горошком.

Копчение колбасы из ментов производилось на лиственничных лучинах, которые поставлял ему багажом лучший коптильщик Восточной Сибири Ликкер. Он работал на Усольском мясокомбинате и был широко известен в среде любителей копченостей, его твердокопченая колбаса под названием «Советская» считалась лучшей в Союзе. Он сам выбирал лиственницу, сам ее умело расщеплял, да так, что на колку собирались любители посмотреть. Сам прожаренный, как черт, он знал такие секреты,

что его колбасы из-за особой твердости резались только острейшими ножами. Даже не резались, а строгались, и в разрезе можно было увидеть отражение своего лица. Даже большие любители еды уставали, смакуя и разжевывая шайбы его колбас. Все почитали Ликкера и даже земляки, иркутские евреи, хотя по их закону возиться со свининой иудеям строжайше запрещено.

Обвалочные кости и лысые головы ментоед использовал как топливо вперемешку с углем. Людоеды в отличие от писак на тему людоедения, знают, как и охотники-таежники, что кости хорошо горят, долго держат тепло и рассыпаются в чистейший пепел, коим хорошо чистить посуду. Одежду втихаря раздавал нищим на вокзалах. Лично изделия из ментов не потреблял, а колбасы и тушенку увозил в Сибирь, продавая в местах расположения лагерей охранникам, которые в драку раскупали и облизывались. Следствие обнаружило около полусотни съеденных значкистов МВД. Попался ментоед случайно, один из ментов, гостивший у него, заметил на книжной полке свою книгу, которую много лет назад давал почитать коллеге, который вскоре исчез, пропал. Шли слухи, что он поехал в Среднюю Азию. Гость притаился, ночью не спал и, когда людоед с топориком стал подкрадываться, вскочил, вывернулся и, что было мочи помчался в дежурное отделение милиции. Ментоед-убийца не убежал, а при аресте сдал стопку милицейских удостоверений распотрошенных им сотрудников. Его возили на следствие и проводки по многим городам Сибири и Дальнего Востока. Это, пожалуй, был единственный людоед, которого полюбили зэки, стремились заполучить его в свою хату, поддерживали едой и одеждой, не прессовали. Менты ходили на него смотреть, как на диковинку, как на сокровища гробницы Тутанхамона. Он спокойно выслушал приговор. В последнем слове поблагодарил адвоката. Затем недолго находился в смертной камере. Будучи переведенным в расстрельную тюрьму, перед самой кончиной сдвинул пломбу на зубе, где была капсула с цианистым калием. Мгновенно скончался, однако говорят, что его все же затащили в расстрельный кабинет и уже мертвого стреляли.

МОЗГИ НАБЕКРЕНЬ

Рынок, базар, толкучка, барахолка — сосредоточение социальной грязи: ханыг, бичей, забулдыг, пропойц, бикс, прощелыг, проституток, воров, бандитов, бездельников: покупателей и продавцов. Рынок — центральный, колхозный, вещевой, птичий, скотный, собачий: все продается и все покупается. Рынок согревает, опускает, насилует, убивает: встречи, события, факты, информация, выставка всего и вся. Все обувные киоски торгуют только привязанными для примерки левыми ботинками. Наберешь левых, styришь — не поносишь, не натянешь. Левые, левые и только левые. Лешка-вор принес новость: на Глазковском рынке привязали правые. Ура, меняем, составляем пары! Орут, кричат истошно продавцы — утащили. Усмехаются, поперхиваясь махоркой, завсегдатаи, выплевывая обмусоленные газетные закрутки.

По пятницам всегородская выставка инвалидов — увечных, калечных, ломаных-переломанных, шитых-перешитых, штопанных-недоштопанных. Висят в самодельных плетеных авоськах, подвешенные к заборам, навесам и воротам самовары — люди без рук и ног. Полагается с самоваром поговорить, дать ему закурить, то бишь воткнуть в рот папироску или самокрутку и прикурить. Папироска гуляет по губам, самовар плюет и рассказывает о зверствах фашистов и о том, как Сталин в госпитале его по лбу погладил и сказал: «Не пропадешь, долго проживешь в благе и радости. Мы строим в Крыму специальный самоварий-санаторий, где все будет: пирожки, пюре с маслом, бабы, а ежели их не захочешь, то хуй специальные девки будут драть». Слышал, что через несколько месяцев нас всех повезут в самоварий.

Рядом с самоваром или под ним лежат шапки, фуражки — деньги в них сыпятся. Мама бегает и покупает шкаликами водку и вливают в самовары. Есть такие самовары, которые умудряются еще и веселые разухабистые песни петь-распевать. Рынок. Иркутский рынок сороковых и начала пятидесятих годов.

Рассказывают, раньше, еще при губернаторе Пестеле в конце XVIII века здесь было озеро, где по вечерам прогуливались и отдыхали, перемывая друг другу косточки, обыватели. Потом, как водится на Руси, стали зимою и летом в озеро мусор свозить и так самостийно засыпали. Власти привычку к месту не запретили и понастроили там амбарчики и лавочки. Образовался таким манером рынок с мясными павильонами,

ягодными рядами, мануфактурными и бакалейными отделениями. Сибиряки до революции кушать любили и покупали мясо тушами, пельмени возами, копченую рыбу метровыми связками, ягоду, грибы, огурцы бочками и маленькими чанами прямо с рассолом и маринадом. Любили сибиряки пожрать. Советская власть от этой любви отучать стала еще до расстрела Александра Васильевича Колчака, который к Иркутску прирос навечно, здесь в Тихвинском соборе венчался со смоленской уроженкой и тут же недалеко при впадении Ушаковки в Ангару его порешили расстрелом. Да так, что не успели в спешке обшмонать карманы, и в прорубь спустили, где он ушел в вечное странствие к своему любимому Ледовитому океану. С тех пор, с 20-х годов кушают обильно иркутяне только победные сводки и круглятся очередями за всеобщим дефицитом.

Долго думали власти о повышении благосостояния подведомственного им народа и посчитали нужным рынок поставить крытый, то есть теплый, чтобы не мерзнуть, а париться в очередях. Лучше старого под новый рынок места не найдешь. Часть старого обнесли забором и приступили, раструбив в прессе, к строительству величественного амбарного сооружения. Озеро о себе дало знать, в котлованах под фундаментами забурлила, задымилась вода, чистая, ангарская, успевшая за многие годы размыть и растворить мусор прошлых веков. Наметили ударный график, выбрали лучшего прораба из треста «Востоксибжилстрой» литовца Валанчуса, материалы предоставили. Однако (любимое слово сибиряков) стройка шла плохо: краны останавливались, строители сидели на лесах, раскачивая ногами, и уходили, смеясь, тешась, крича, ругаясь в гласность и наглядность.

В понедельник к десяти часам на стройку приходил Коля Элегант. Он не спеша, но строго, как Ф. Э. Дзержинский с памятника на одноименной площади в Москве, вставал на водочные ящики, изящно (толпа уже ждала и нервно терзалась, строители бросали мастерки и топоры) расстегивал ширинку и всенародно, гласно, памятно всем показывал всем известное. Затем смущался, краснел, как местный актер Тишин, и убегал под всеобщий гвалт, радость и улюлюканье с гиканьем-подхлестом. Говорят, Коля был комсомольцем, выгнали, повествуют, даже окончил вуз, его уже за это хулиганство и сажали, обсуждали на партийно-профсоюзных собраниях. Не помогло. Он обещал сотню раз не показывать гражданам, родители его под давлением общественности женили на одной шлюхе, на которой места для проб не было. Не помогло. Предлагали даже ампутировать, но граждане успели к показу привыкнуть, некоторые даже по Колиному раскрытию сверяли часы. Ровно десять часов, минута в минуту, точь-в-точь.

Вторник был днем гомырным. В хозяйственном с девяти часов продавали рыночный напиток — гомыру, покрашенный не то чернилами, не то сажей денатурат. Этот напиток так поднимал чувства, что на досках стройки и под ними начинался день зачатий. Летели костыли и протезы, обнимались в совокуплениях и драках, целовались и чешежопились на ангарских плахах, кирпичах Лисихинского завода и цементных мешках с красными иероглифическими надписями «Марка Великая Стена».

«Начальник, что делать? Один лежит в котловане и наполовину забетонировался. Вытащить не можем, кричит, орет. Где брать отбойные молотки?»

В такой бедлам я попал, чтобы проходить практику, заключительную, преддипломную.

Валанчус с литовским акцентом сказал: «Лучшую характеристику напишу, месячной дополнительной зарплатой одарю. Только помоги, ты молодой, рослый, сильный, красивый. Пособи этот смрад разогнать. Милиция ничего не может поделаться. Подумай, скоро в наш город Эйзенхауэр прибывает. Из его свиты могут и сюда заглянуть. Как увидят, меня сразу на долгие годы упрячут. Вот, на — сто рублей, поищи помощников. Подумай».

Вышел я на рынок, разыскал уже спившегося вора Чалдона, мягкого, популярного, авторитетного человека, в безобразиях участия не принимавшего, но под хмельком бывшего почти всегда. Мы с ним познакомились однажды на вокзале, разговорились и с тех пор раскланивались при встречах.

— Чалдон, есть разговор в двух плоскостях: ты должен просветить меня по части напитков и помочь удалить рыночную шантрапу с моей стройплощадки. Ныне я там прохожу практику. Помоги, Чалдон, пособи. Пою, кормлю за свой счет.

Он подумал и сказал: «Это стоит восемь бутылок молдавской бормотухи „Рошу де десерт“, а угощение зависит от твоей щедрости».

Мы с ним потащились в пельменную, что на углу улиц Дзержинского и Литвинова. Пельменную, известную всем, там недавно один непойманный шутник водрузил фашистский флаг, прямо напротив окон КГБ.

Прикрепил удачно, да так, что полдня город смотрел, как чекисты не могли снять. На столе стояло четыре бутылки «Солнцедара», из форточки валил холод прямо на пельмени.

— Рассказывай, Чалдон, о том, что люди пьют. А, ежели не против, запишу в блокнот на память.

— Пиши, мне все равно.

Люди пьют все, что течет, движется, переливается, мажется, красится, нюхается, тянется, слюнявится, прилипает к телу, губам, ушам; все, что грызется, переваливается на языке, смакуется; все, в чем есть градусы — любые: спиртные, эфирные, кислотные; все, из чего идет балдеж, кайф, цимус, выход в себя и из себя, а так же от всего — ментов, людей, матерей, друзей, корешей; творят спирт из всего — томатной и сапожной пасты, из овощных и рыбных консервов, соков и ростков бамбука; известкуют овес, рожь, ячмень в молочных бидонах и спирт готов — одуряйся, мочись, балдей.

Спирт есть везде, даже во вшах, ежели их собрать и перегнать, получится вшивая настойка, пот от которой уничтожит всех живущих на теле и одежде вшей. Спирт есть во всем живом, мертвом, гнилом, здоровом и радостном. Только уметь надо его добыть, выгнать. Хорош спирт из экскрементов, что гонят китайцы, прекрасен хмель из молока, что делают буряты, похож на спирт настой из грибов, что пьют коряки, эвены, ороки, орочи. В этом случае лучше всего пить вторяк после перегонки телом, то есть мочеиспускания этих чудаков. Пьют люди крем сапожный, намазав на кусок хлеба, и откусывая куски, где спирт впитается в мякоть; тянут клей, проболтав его в ведре размочаленным обрубком палки, укрепленной на сверлильном станке; не подышают, глотая гидролизный спирт в Зиме, Тулуне, Бирюсинке и прочих пунктах. Ты, небось, не знаешь, что человек так пропитывается спиртом, что самовозгорается «синим пламенем» и горит тихо, не делая пожара. Горит, горит и не догорают только рожки да ножки, черепные коробушки, ботинки ЧТЗ и «Скороход», а также втулки-бобушки в половых органах. Хорошо горят, сам видел как полыхают полные, крикливые и беззубые бабы.

— Расскажи, что тебе приходилось пить памятного?

— Ворвались мы на танках в один польский город и там все прошерстили, а выпивки нет. Думали, гадали, как и где набратся, накачаться. Паны разводят руками, паночки ногами. Нет и все. Тогда была с нами такая личность, национальности непонятной, но ум не земной, а космический. Звали его Поликарп Обалдуевич. Мы к нему: помозгуй, подумай, где выпить раздобыть. Начал он издалека, как еврей: «В мире одинаковость в чем: в том, что все совокупляются — это раз; в том, что везде бабы рожают — это два, там, где начало начал, там и конец концов — это в-третьих. Посему делаем вывод, по-научному резюме: в этом городе должен быть родильный дом, а там уж наверняка спиртешко водится». Расцеловали мы Оболдуя Поликарповича и взялись за рычаги,

погромыхали и нашли это заведение. Там, несмотря на войну, рожают. Мы — якобы с обыском. Смотрим — музей уродов человеческих. Да какой большой — вся стена в уродиках, плавают несостоявшиеся гении и солдаты в спиртном бульоне и эссенции, помахивая отростками и многоголовостью. Решение принято мгновенно, без слов — уродов оставили на праздник крысам, пусть напьются в честь нашей победы. А жидкость слили — целая походная кухня наполнилась. Бери сей коньяк — настой на уродах, и пей. Чистейший спирт с привкусом соплей, как пантакрин. Нажрались мы тогда и опохмелялись без блевотины. Война от всего отучит, от всех тонкостей бытия и обоняния. И я пивал сей элексир.

— Чалдон, ты все пивал и везде, но есть ли средство, чтобы не пить и завязать с этим делом насовсем?

— Есть, скажу по секрету и только тебе. Когда человек умирает, то он последний раз оправляется. Надо собрать этот смертный кал, высушить и настоять на водке. Пусть попьет два, три раза. А потом ему рассказать, что за напиток он пил и обязательно фамилию почившего назвать. Хорошо, если бы это были его мама или папа. Ночью вскакивать начнет, может и супругу убить, ежели она подсунула. Гнев у пьяницы будет страшный, но потом навсегда бросит питье. Другой способ менее эффективный, но с рвотой до крови — это настойка водки на сотне древесных клопов-щитников — зеленых, пахучих, вонючих. Еще помогает настойка на только что пойманном налимe. Он начинает в водке корючиться, извиваться, слизь выделять, затем погибнет. Налима через десять дней выбрасывают, а слизевую настойку пьют. Многим эти способы помогают избавиться от спиртного. Но наша жизнь такова: пить не будешь — жить станет противно, не поговоришь, не посудачишь. Смотри, ежели бы я не пил, то и с тобой бы не встретился. А так ты заинтересовался мной, заметил.

На сегодня хватит. Пару пузырьков возьму с собой, выпью со своей шармой, поговорим. Завтра обсудим другое дело. Уговор тот же — четыре флакона и две порции пельменей.

На следующий день Чалдон был аккуратно гладко выбрит без порезов и в вычищенной от перхоти москвичке. «Приступим — сказал он, посмотрев на бутылки и пельмени. — Всю эту базарную шушеру я знаю наперечет: здесь есть люди, выбитые жизнью из нее и не могущие ни за что схватиться. Есть такие, которые притворяются, привыкнув и войдя в роль прощелыг. Каждая особь сочетается с особью и мой план таков. Слушай и внеми. На твоей территории есть старый павильон, в нем сохранилась печь. Ты дашь стекло и доски. Мы его отремонтируем и сделаем там ночлежный дом. О нем будут знать только наши люди. Вход организуем из

рынка через откидную дверь. Возглавлять дом будет Гришка-дурак. Он хороший, добрый дебил, любит подметать, ухаживать, топить. Такое место для него — рай. Он ночами кантуется на складе утиля, там спит в конуре, словно барсук. Мы его вымоем, оденем и поставим начальствовать. В доме будут спать те, кому мы выдадим пропуска. Маркса — огромного, лохматого старика, любителя отрывать доски от твоего забора, накажем. Посадим в канализационный колодец, положим туда булку хлеба и несколько бутылок с водой. На колодец поставишь невзначай экскаватор. Он не подойдет, помаринуется с неделю, а потом, ругаясь, навсегда уйдет с Центрального рынка на Глазовский или вообще уедет в Канск. Там живут его дети. Элемента мы проучим раз и навсегда. Необходим ящик гомыры. Твои деньги — моя гомыра. Угощаем вместе. Как только Элегант начнет показывать и собирать толпу, мои люди в этой толпе тоже будут показывать и оголять свои органы, а также плясать и крутиться вокруг него. От позора и подражания он убежит.

Кольку-Мусора ты должен знать. Он из мусора мастерит советского человека нового типа. Живет в подгорной части, мать замучил мусором. Собирает по городу все ненужное, выброшенное — от дохлых собак и кошек до окурков. Приносит домой, раскладывает, препарирует и делает человеков. Умный чудик, это он для вида кричит якобы в припадке и спрашивает: „Который час“. Торопится человека сделать и как можно быстрее. Его надо пригласить, подпоить и в морг на ночь положить. Ключ от морга мы достанем. Стоимость операции тридцать рублей.

С блядьми тяжелей, они, суки, увертливые, но очень уважают дружка-хахаля Гуню. Он их соберет и подпоит со снотворным. Их надо оголить, в одно место вставить по чекушке и краном поднять в воздух. Ничего с ними не случится, ночь повисят в воздухе на виду у города и после этого происшествия исчезнут с горизонта».

Ясно. Порешили и немедленно к делу. Я подвез к павильону стройматериалы и приказал его отремонтировать, утеплить, застеклить, печь переложить. В нем мы сделали стеллажи — вроде бы для хранения материалов, а на самом деле — нары для ночевки. Гришке-дурачку сшили матрас и набили его паклей. Он от радости стал махать руками, подбирать щепки, подбивать выступающие шляпки гвоздей. Потом затопил печь и стал в нее смотреть, плача не то от нашей заботы, не то от жары. Чалдон принес ящик гомыры и мешок овечьих голов. В воскресенье их сварили, а рано утром в понедельник пригласили на пир собранных в окрестностях ханыг, чтобы успеть к приходу Элемента. Гришка-дурачок оказался умельцем — сделал стаканы из выброшенных бутылок. Он их перевязывал

ниткой, промоченной в бензине, а затем поджигал. Бутылки ровно кололись и получались стаканы. Хлеб, соль, головы лежали на выструганных досках. Выпив гомыру, кряхтя от градусов, братва гольная закусывала мясом из голов. Языков, конечно, не было — они деликатес и ушли на столы начальству. Любители бульона запивали им, черпая поварежкой из большой кастрюли. Гришка-дурачок находился в экстазе. Чалдон объяснил, что и как надо делать перед Элегантом, как посрамить этого оголителя. Девки-бляди, чтобы в танцах вокруг Элеганта не запутаться, стали снимать трусы и подвязывать юбки.

Народ с нетерпением, поглядывая на часы, ждал Элеганта. Как только он появился и вскочил на водочные ящики, тут же из-за угла с шумом нагрянула ватага, которая, расстегнув ширинки и оголив задницы, стала кружиться вокруг него. Зеваки-иркутяне и приехавшие гости города подобного не видели, конечно, никогда. Два посаженных слепых гармониста затянули фокстрот. Элегант побледнел, прислонился к стенке сарая и как-то согнувшись, под хохот пляшущих и толпы побежал прочь, почему-то мелко-мелко перебирая как бы на месте ногами. Чалдон свистнул — ширинки застегнулись и задницы задрапировались.

Доедали овечьи головы и допивали гомыру в неудержимом хохоте и нахлынувшей радости. Пьяных здесь же оставили спать под присмотром Гришки-дурачка.

Строители, насмеявшись, вторую половину дня работали в аврале, с подъемом. Говорили: не только своим детям, но и будущим внукам расскажем о виденном. Когда я доложил Валанчусу о том, для чего был сделан такой срамной парад, он сказал: «Эх, посадят, как разберутся, не только меня, но и тебя».

Пляска голых потрясла город. Несколько журналистов расспрашивали строителей о деталях происшествия, так и не поняв суть подобного всплеска. Художник-абстракционист Сергей Стариков, удачно доставший справку о том, что он сумасшедший, ходил и набрасывал эскизы, мозгуя экспозицию. Чего только не говорили люди об этом событии, считали его даже следствием монгольского землетрясения. В разговорах и пересудах забыли об Элеганте, который навсегда перестал, успокоившись, расстегивать перед общественностью ширинку штанов производства Черемховской швейной фабрики.

С Марксом дело обстояло сложнее, он почему-то в этот день не пьянел и его пришлось аж в сумерки подвести к колодцу и слегка пристукнуть. На колодец закатили асфальтовый каток. Маркс орал благим матом, просился назад, но его скулеж поглощался положенными рядом тюками стекловаты.

Маркса пожалели и опустили в колодец теплотрассы, там было теплее. Он пробыл всего несколько дней, так как стали лаять бродячие собаки, которые ночами спали на крышке теплого колодца. На это обратили внимание и услышали зов Маркса о помощи. Каток отодвинули и вылез несчастный, расцарапанный, ободранный, но живой и невредимый тезка классика. В этот же день он покинул неблагодарный город, при этом слышали, как он поминутно матерился, проклинал людей, соцстрой, Советы и все подряд.

Рано утром проснулись от дикого рева больные и медсестры, дежурные врачи и водители машин скорой помощи. Из морга несло трубное гудение, переходящее в протяжный стон и бормочущее всхлипывание.

Видно живого резали, и внутренности уже вытащили: оттого он басил, как в пустой бочке. Но морг, как и все советские учреждения, открывается строго по расписанию, не раньше, чем отмечено на таблице: «Выдача трупов посетителям и родственникам с 10-00». А пока из запертых дверей несло: «Не буду, не надо так, простите, помогите, люди добрые! Не буду больше создавать нового советского человека. Простите, освободите!!»

Дело было в том, что напившись с подставным человеком и за его счет, Коля-Мусор проснулся от чего-то холодного, резинового. Легкий синий свет проникал сквозь решетку. — Решетка! — В мозгу промелькнуло, что спит он в вытрезвителе, где приходилось бывать не единожды. Но, протерев глаза, Коля-Мусор пришел в ужас: подушкой ему служил эксгумированный труп, а на стеллажах лежали новенькие трупы — женские, детские, старческие, резаные, сшитые, распиленные... Он... завыл. С воплями вылетел весь хмель и вся дурь. Когда открыли морг, патологоанатомы оторопели при виде одного из трупов, который побежал, понесся без оглядки. Они сверили ведомость, пересчитали покойников — все оказались на местах. И поверили, наконец, в существование привидений.

Коля-Мусор, к удивлению матери, навсегда избавился от чудачества изобретательств. Он устроился на завод карданных валов, где даже работники отдела кадров спустя десять лет поверили в успехи советской медицины. Он стал передовиком, женился и воспитывал сына, осуществляя давнюю мечту о сотворении нового человека. Об его «пунктиках» забыли даже соседи, а мать так и не узнала, что же все-таки приключилось с ее сыном в ту последнюю ночь, когда он не пришел домой.

Всех трудней оказалось удалить с рынка шлюх-проституток. Гунях-хахаль трудился целый день и насобирав шесть штук. Они быстро пьянели

и так же быстро вновь трезвели. А входя в трезвость, бранились и дрались друг с другом. Между драками обнимали Гришку-дурачка, прося их совратить. Гришка-дурачок краснел и смущался, не зная, как быть. К вечеру снотворное все же сработало, их наполовину раздели, вставили в органы по полной четушке водки, а в задницу по химическому карандашу, уложили в сеть, к которой прикрепили транспарант «Опасайтесь трипперных блядей города». Хорошо обвязав, подняли башенным краном в воздух. Останавливались трамваи, автобусы, глазели читатели областной библиотеки, усть-ордынские буряты, прибывшие на рынок с мясом, немцы из Пивоварихи с остывшим молоком и евреи с парным в помятых бидонах, с крышками, обтянутыми марлей. Плыли по небу бляди. Никто не уходил и никто не понимал, что происходит. Наконец, шедшие на работу кэзэбэшники прибежали на стройку и стали кричать. Пришлось отвечать.

— Что я могу поделать пока нет крановщика? Он будет в девять часов.

Я-то знал и не смеялся, опасаясь, что бляди сорвутся и тогда нам с Чалдоном крышка. Когда крановщик опускал ценный груз, толпа следила с придыханием, но он был ас своего дела и промороженных блядей мягко опустил на штабель досок. Сняли стропы и люди, влезшие на заборы, увидели, что четушки торчат из чрева, а химические карандаши из задниц. Одна из блядей, дрожа от холода, тут же, как кенгуру, вытянула четушку, зубами отгрызла пробку и стала пить из горлышка теплую водку. Кто гневался, плевался, кто хохотал. Очумевших от всего блядей забрали милиционеры. Больше их никто не видел. По рассказам их перевезли из отдаленных мест Сибири в еще более удаленные, но южные, типа южного побережья Охотского моря.

Так закончилась наша с Чалдоном эпопея по наведению порядка на стройплощадке. Прораб Валанчус написал мне положительную характеристику, щедро заплатил. Чалдон, вспомнив, что он когда-то был каменщиком, напросился в бригаду. По моей просьбе его приняли. Он вскоре стал неузнаваем, даже помолодел. При встречах мы пожимали друг другу руки и всегда смеялись. Потом я слышал, что павильон сгорел, якобы ханыги сами его сожгли. Но это туфта, мне сказали знающие люди, что это дело рук ментов. Так они спрятали концы в воду. Жаль Гришку-дурачка, подумал я, и ошибся. Его, оказывается, переманили в сторожа на стройку, где проводили как плотника, ибо ночью он сторожил, а днем помогал на разных работах. Гришка теперь стопроцентный рабочий человек, по двадцать четыре часа вкалывает и все успевает. Молодец парень! Но в павильоне все же кто-то был сожжен, так как обнаружили обгорелый труп, обмотанный проволокой от автомобильных шин. Вроде бы сожгли в шинах,

заполненных бензином.

Откуда общество пополняет бессчетные ряды отверженных, неудачников, неприкасаемых, парий дна? Откуда это море бичей, ханыг, шантрапы, алкашей... В оборотах бытия их расширенно воспроизводит соцреальность. Густой, мутной, мазутной массой они выдавливаются, как чирьи из тюрем и лагерей — из чертей, пидоров; из психбольниц; из разбитых жизнью и алкоголем семей. Люди теряют смысл не только человеческой жизни, но даже биологического существования. Ползут черти-червяки, гусеницы-бляди, облепляя вокзалы, станции, пристани. Бичеграды страны помойными ямами изъели карту: висят они на Транссибе, присосались к Северному морскому пути, влезли в аппендиксы жел- и шосс-дорог, таежного и тундрового освоения. Не поленись, читатель, раскрой карту, найди станции Большой Невер, Лену, Ачинск, Лабытнанги, Новый Уренгой, Нижневартовск, Тайшет, Новосибирск; пристани и причалы Ванино, Нагаево, Находку, Мурманск, Архангельск, Астрахань, Дудинку, Певек, Ноглики... Летайте аэрофлотом — Якутск, Нижнеангарск, Сеймчан, Надым.

Они замедляют движение поездов, бросаясь под составы, не дают ни спокойно постоять, ни удобно присесть на вокзалах, об их бороды вытирают ноги. От слов их разговора шевелятся зубы, словно клавиши фисгармонии; они вылетают, как пробки, со второго этажа Якутского аэропорта, разбиваясь о мраморный пол насмерть. Отчужденная публика на это даже не обращает внимания. Среди них гнездятся все болезни мира, все пороки, они — отстойник грязи и смрада. Они раскуривают облепанные и оплеванные окурки — бычки, подбирая их под шарканье ног, жуют извлеченные из мусорных бачков хлебные огрызки, жадно вглядываясь в прохожих, даже не моля их. Их любимая поза — эковская — сидеть на корточках. В стране с самыми большими лесными массивами не хватает скамеек, негде присесть. Задолго до нынешнего нормирования круп, мяса, сахара, водки и вина стали разгораживать вокзальные сидения на клетки. И к этим трубчатым жопоместам устанавливается очередь, уйдешь — не займешь снова. Долго сидишь — выгонят, попросят для тех, кто давно стоит на ногах и ждет не дождется, чтобы присесть.

Сидят на корточках и что-то говорят друг другу — люди-зэки-бичи. Не приходилось видеть, чтобы секретари и пузаны-руководители на корточках сидели, собрания и партийные съезды проводили на таком уровне, а не мешало бы — разом отучились бы тянуть тягомотину.

Спрашиваю юношу, приятного лицом, в Большом Невере: «Почему бичуешь, видно, сидел?» Ответ: «Да, сидел, но не много, всего семь

месяцев. Был студентом Уральского политехнического, влетел в зону за драку. Но меня в тюрьме опустили, а сейчас хода домой, к матери, нет. Стыдно. Я уже не человек, подышать здесь буду».

Случилось так, что уничтожая осенью 1941 года АССР немцев Поволжья, подчистую загребли и саратовских немцев. В том числе музыкальную и поэтическую семью Венцелей, потомственных изготовителей скрипок и виолончелей. Старик погиб в скрипе лесов таежных, там, где щепки летят, в трудовой армии или зоне: может, бревном придавило, может, пеллагра прихватила. Дочь с матерью забросили в Нарымский край. Фрау Венцель верила властям, молилась Богу и сумела впопыхах при эвакуации все же прихватить парочку чемоданов книг: стихи Гельдерлина и Гете, немецких романтиков, грезил рыцарями и прекрасными девами, волшебством и чародейством. Как ни мучил ее смерзающийся навоз, коровьи хвосты, хлеставшие по лицу во время дойки, веру в мужчин-рыцарей она не потеряла. В таком духе она воспитывала дочь, говоря с ней изысканно по-немецки. Рыцарь нашелся — бывший енисейский капитан, потерявший ногу на войне, а семью в жизни. Он заметил фрау Венцель и предложил ей руку и сердце. Он устроился лесником и зажили они в отдаленном лесном кордоне, на берегу реки. От судьбы не уйдешь, с капитаном прожила она недолго. Он умер неожиданно. Похоронили капитана тут же в лесу и тогда же лесное управление решило кордон ликвидировать и его номер, написанный белой известью на тесовой крыше, соскоблить, чтобы кукурузники, облетающие тайгу в поисках возгораний, не путались. О фрау Венцель забыли.

Но мать с дочерью по-прежнему занимались огородом, сбором ягод и беседами о рыцарях. Сколько лет они там прожили, без хлеба и соли, никто не может сказать. Дочь Мария превратилась в красавицу, восторженную, с экзальтацией. Когда мать умерла, ее случайно обнаружили забредшие на кордон ягодники. Фрау Венцель похоронили рядом с капитаном, дом заколотили, а Марию, в страхе прижимавшуюся ко всем, привезли во 2-ю психбольницу города Новосибирска. Во всех психах Мария увидела рыцарей, а в психичках — чудо-дев. Она ухаживала за ними, говорила по-немецки, прижимала к груди руки и становилась на колени. Врачебная комиссия ее психику нашла здоровой, в пределах нормы, но констатировала полную неадаптированность к советской действительности. Куда ее девать? Куда пристроить?

Скрытый эмигрант врач М. А. Гольденберг нашел выход: Мария Венцель незаменима как воспитатель детей. Она находка, клад. Он бегал по академикам, просил помочь устроить девушку, убеждал. Он говорил:

«Смотрите, детей Лаврентия Берия воспитала закавказская немка Амальдингер. Людьюми стали, не пошли по стопам отца. Взгляните на детей Аганбегяна, их тоже воспитывает волжская немка. Славные ребята». Оказалось — бесполезная трата времени. Только в Искитиме нашли старушку-немку, которая согласилась приютить Марию. А далее она стала проституткой с романтическим уклоном — отдается всем запросто, по просьбе трудящегося и причем любого, собирает в промежутках бутылки, которыми и живет. Читает Гете у приемных пунктов стеклотары и на вокзале, где иногда и спит. Милиция ее часто арестовывает и исследует на беременность, при наличии ее — прерывает. По слухам Марию все же препроводили в зону, обвинив в распространении венерических заболеваний. Она и там читает непонятные никому на неведомом языке стихи немецких романтиков.

Дно живет отбросами. Оно копошится на свалках, выбирая то, что можно сдать и за копейки продать, а также одеться в тряпье и обуться в рвань. Оно бегает, собирая бутылки, стеклянную посуду, макулатуру, тряпье. При этом набрать несколько рублей на сборе и сдаче — большая удача, тут и конкуренция, и грошовые цены — килограмм тряпья — 6 копеек, бумаги — 2, бутылка 20 копеек, пузырьки от лекарств по копеечке. А тут еще дополнительные проблемы — бутылки принимаются не все, а только винные и водочные, из-под шампанского и импортного вина сдать нельзя. Да и как сплавить посуду? То приемщик пьян, то склад затоварен. Чтобы пять рублей заработать, надо сдать 25 бутылок, а их надо насобирать, затем вымыть горячей водой, соскоблить этикетки, горлышко проверить, требуется без скола. Бутылки из-под масла, олифы, растворителей, аммиака и ацетона надо промыть с содой и прочистить ежиками. С приемщиком требуется блат заиметь. А как? Надо ему помогать — разгружать ящики, нагружать машины, материть посетителей, выпивать тут же и так жить. Макулатуру и тряпье меняют на книги — тоже блат необходим. Макулатура и тряпье должно быть личное — книги, поношенная одежда, газеты, журналы, ватные матрасы. Государственное приему не подлежит — это бланки, папки, книги с печатями библиотек. Да еще надо помухлевать — положить в пакет что-нибудь тяжелое, слегка подмочить бумагу. Принимают макулатуру на талоны вечерами и в субботние дни. У каждого приемщика, а это блатная, доходная работа, свои кореша-паразиты. Они выуживают из макулатуры стоящие книги, из тряпья выпарывают годные пуговицы и замки.

Говорят, что уборщики спортивных трибун, собирая бутылки, покупают автомобили, а капитаны, возвращаясь с арктических широт,

трюмы забивают стеклотарой и за счет этого процветают. Отдельные удачники возможно обогащались стеклом, макулатурой и тряпьем, но бичи-ханьги никогда. При хороших ногах и знании «дислокации посуды» в большом городе в месяц насобираешь в пределах сотни рублей. Но на нее не попьешь, не проживешь. А где жить бездомному бичу-бомжу? Дума не из легких. По вокзалам шныряют менты, которые проверяют документы, а при отсутствии оных загоняют в приемники для выяснения личности. Там в течение месяца кормят и под охраной вывозят на грязные работы — чистить улицы, туалеты, склады. В Союзе нет ночлежных домов. Многие бичи переходят на кошачий сон, не спят, а кемарят у любого теплого места, у любой обогревательной трубы и батареи. Тепло — это жизнь и еда. Счастливики становятся «танкистами» — заползают в тепло-водо-газо-канализационно-распределительные бункеры и там ночуют в обнимку с ржавыми трубами и вентилями, там гибнут при авариях, топят, варятся, травятся, сгорают, замерзают, тонут. Живут люди-бичи где придется — в старых погребах, ящиках, трюмах списанных судов. При большом везении пристраиваются к старушкам-вдовушкам и старичкам. Главное для бича — не попасть в милицейский обход-загон. Оттуда путь один — зона. Привычные и это считают выходом — там койка, трехразовая кормежка, одежонка, больничка и часто бывает чифирок. Человек кем угодно может жить: и пидором, и чертом. Все-таки тюрьма — коллектив, в зонах фильмы показывают и телевизор есть.

Из тысяч инвалидных домов, психбольниц, спец-ПТУ, зонавских и тюремных ворот текут люди, сами не зная куда, безродные, бессемейные. Бывает, счастье подвернется, попадут в «ЧеченБАМ». Так называют кодлы, организуемые выходцами с Кавказа. Они набирают бичей, увозят их в отдаленные районы и там заставляют работать. Там все повязано — не убежишь и не уйдешь; ежели попробуешь смыться, то потом забудешь не только себя, но и свое имя. Даже эти работоторговцы развитого социализма в отличие от всенародного государства понимают, что рабсилу надо кормить. Кормят обычно сытно, одевают по сезону, а при расставании даже деньжат подбросят. Многие бичи в тех отдаленных хозяйствах жить остаются навсегда.

Бегают по просторам Родины чудесной сотни тысяч бедолаг. Только в одной малолюдной Магаданской области в середине семидесятых было 16 тысяч бичей. Однажды пришло распоряжение: очистить от бичей побережья Охотского, Берингового и Чукотского морей и выместить их в глубь материка. Ныне они там и кантуются на приисках, базах, в совхозах.

От кого-то пошла расшифровка слова бич — бывший интеллигентный

человек. Это не соответствует истине. Интеллигентности в бичах и в помине нет, а есть уныние, опущенность и потерянности этого сословия среди людей. Бичи живут, где придется, работают, где удастся пристроиться. Основное занятие — погрузка-разгрузка. Поэтому и околачиваются они на перевалочных станциях и пристанях. Грузят они всё вплоть до трупов в милицейских моргах. Повешенные, утопленные, найденные на полях и в лесах представляют жуткое зрелище. Ими все брезгают — и родственники, и менты. В больших городах таких трупов набирается десятки только за сутки. В Новосибирске ментовский морг находится в Матвеевке на территории склада осветительной арматуры. Сидят там на воротах круглосуточно бичи и ждут приглашения на труп, и на привезенные бросаются, как стервятники. В этом случае денег не жалеют и только за вынос из машины на анатомический стол платят не менее пятерки за труп.

Главные могильщики кладбищ уже давно забыли лопаты, при каждом имеется группа бичей, которым он дает возможность заработать на рытье могилы и при погребении. У бича одно на уме — лишь бы выпить, лишь бы не подохнуть от голода и холода. Здоровых и молодых бичей иногда берут в геологические партии на сезон для копки шурфов по самой низкой сетке оплаты. Выпрыгнуть из бичевского состояния почти никто не может, так и шестерят они при магазинах, столовых, вокзалах на вечном подхвате и расхвате. Умудряются годами проживать на вокзалах, даже таких холодных, как новые в Тюмени и Тобольске. Сами они — подлинное воплощение коммунистических идеалов, здесь все общественное — и помойная жратва и фуфло. Дай только чуточку выпить и закусить.

ПАУТИННАЯ ВОЛЯ

В книге Гиннеса не записаны временные рекорды пребывания на воле после выхода из зоны. В СССР у многих это время исчисляется не днями и часами, а минутами после последнего прощального шмона и получения гражданской одежды. Своих «родных» шмуток, конечно, не сохранилось, хотя при водворении в зону ты и заполнял разные квитанции, в десятки раз занижающие настоящую цену вещей. Зоновскую одежду выходящие на волю обычно бросают в каптерке или у лагерных заборов. Ее подберут хозяйственные колхозники, а также собиратели тряпья — книжники, которые, насобирав 20 килограммов, приобретут дефицитную книжку «Три мушкетера».

На тебе гражданская одежда, но каждый определит не задумываясь: «Идет зэк». Пугливость, изможденность, страх и пустота в глазах и справка об освобождении. «Куда податься?» — для тебя вечный вопрос. Билет куплен по согласованию с лагерным начальством до указанной тобой станции, но его надо закомпостировать. Кассир знает, что ты зэк, об этом ведает также дежурный мент вокзала. Он подойдет и скажет даже не «Предъявите документы!», а «Покажите справку об освобождении» и при осмотре посоветует как можно быстрее покинуть это место. Но тут же подскочат разные дружки и предложат побалдеть с чувихами. Некоторые бандиты-бакланы только тем и живут, что ловят на живца зэка. Тотчас тебя окружают бляди и заработанные гроши вмиг прокручиваются: до всего зэк соскучился, от всего отучился. Блядь и та сначала кажется красавицей — и нежной, и заботливой. Нередко бывает, что зэк, с ходу влюбившись, ведет такую в ЗАГС, чтобы в недалеком будущем проклинать это мгновение.

Если ты решил, что «завязал», надо жить, как все другие люди. Но не забывай, что ты уже не такой, как был для всех и для самого себя. Годы командировки взвинтили, натянули нервы, как струны: заденет кто-нибудь и вскипаешь, и пенишься. Все вольные кажутся суками, все на пидоров похожи, никакого порядка — лезут везде без очереди, смешиваясь мастьями, суют нос не в свое дело, советуют там, где не положено. Терпеть такое не каждый может — руки чешутся, приходится, чтобы сдержаться, губы прикусывать, пальцы закручивать на руках, а то и бить каблуком одного ботинка по носку другого, чтобы успокоиться.

Сколько унижения надо на воле перенести, начиная с прописки, постановки на ментовский учет! И каждый тебя стремится унижить. А

может так тебе кажется из-за подозрительности?

Где взять на воле филки? Как много их надо? Жена, дети (обычно не свои) только и канючат: и то им надо, и то необходимо. Говорят при тебе, не стесняясь: вот то-то, дескать, хорошо живет, прилично зарабатывает, а другой, твой кореш, ворует ловко, не попадаясь. Намек понятен?

Эти проблемы не только у тебя, они у всех. Поэтому стоит шалману собраться, чуток забалдеть, как опять начинают базарить только о том, где бы гусей хороших найти. И новости, новости: в универмаг «Россия» завезли импортные японские магнитофоны, в ЦУМе видели сапожки теплые, завтра получка на «Сибтекстильмаше», спикуюль Толстый доставил цыганам Красноярска аж 200 козпальто. Графин (кликуха) цапнул две хаты и в одной у торгового грека прихватил несколько десятков кусков. Ныне он с кодлой покатыл в Махачкалу шерстить армян. После таких разговоров ой как трудно удержаться на праведном пути: мысли так и вихрятся, и сон не идет. Супруга орет: «Проспишь, что ворочаешься, знаешь же, что рано вставать надо. Суббота ныне черная».

Получается и на воле жизнь черная, и в тюрьме не белая. Может, попробовать последний раз на дело встать, уже приглашали, а потом уж при фарте завязать насовсем, до гроба?

Зоны выпускают на волю ежегодно сотни тысяч. И каждый из них начинает жить сначала. Все прерывается: семья разорвана давно, стаж прерван, на воинский учет ставят с особыми пометками, ограничивают список занимаемых должностей и работ, закрывают обширные территории для жительства и прописки. Бывшему заключенному никакого доверия: размочаленный человек с полными штанами болезней. Да и по-трезвому рассудить, кому такой туберкулезно-зэковский элемент нужен, кто желает с ним, бывшим бандюгой, вором, насильником, возиться. Сочувствие он только разве в церкви найдет, в мечети, синагоге, дацане или у каких-нибудь баптистов и свидетелей Иеговы. В церкви можно с побирушками поговорить, они крохами помогут, а больше — ничем, ибо сами бичи. Живут побирушки по-походному — ставят на день в камеры хранения раскладушки, а ночью их где-нибудь на вокзалах расправят и поспят с часок под присмотром толпы. Впотьмах спать опасно, придушить могут.

Помотаешься так, покантуешься на перекладных и начнешь вспоминать лагерное житье, как лучшие дни бытия. Ну, к примеру, как торчал полтора месяца в криминале (судебно-психиатрическая экспертиза), косил-гнал (притворялся сумасшедшим, повернутым, человеком с пунктиком). Какая была лафа: лежишь в белых простынях, три раза кормят по-больничному. Менты смотрят поминутно, но «психам» на них начхать.

Лежи, заполняй мудреные анкеты разных психлабораторий, глотай таблетки и смотри цветные сны. Плохо будет потом, когда признают психику в пределах нормы, возьмут под руки, конечно, ментовские и снова на баланду.

Бывший зэк и на воле — не человек, менты для проверки врываются ночью, с испугу не поймешь кто, думаешь, решили кореша замочить. Ведь зачастую мочат по ошибке, по наговору недоброжелателей.

Ну, ладно, я — зэк, и с этим смирился. Но при чем тут дети и жена? Вышел я из зоны двадцать лет назад, туда залетел по малолетству и глупости. И вот — отрыжка. Сына не взяли в военное училище, потому что «папа, оказывается, танцевал с Керенским», то бишь меченый, в тюрьме бывал. Не оставляют в покое и жену. Ее не пустили за границу, смешно сказать, в Монголию. Все из-за меня. Таскают родителей, затем детей и внуков, и конечно, правнуков будут на учете держать, у них сейчас компьютеры. И все из-за того, что был в роду зэк.

Душа стынет, как вспомнишь многолетние прокладки. Разные крикливые знатоки человеческих душ понять не могут, почему бывший зэк такой по-рабски смиренный человек. Он улыбается затаенной улыбкой с блеском фикса, старается всем угодить, ходит на полусогнутых, никуда не лезет. Это можно объяснить химико-биологическим нарушением каких-то структур организма от долгого запугивания и издевок. Любой сведущий боится чучекской среды. Зять Леонида Ильича Брежнева генерал-полковник МВД СССР Юрий Чурбанов ездил, будучи замминистром, по своему ведомству, кутил, девок портил и взятки греб. А как сам влетел в тюрьму, так следователи пообещали его отчешежопить.

(«Как только я пытался сопротивляться, Гдлян мне заявил: будете дурака валять, отправим вас в Бутырку к гомосексуалистам. Это я дословно говорю, на всю жизнь в памяти осталось»).

Из интервью, данного в 13-й зоне Нижнего Тагила Юрием Чурбановым журналу «Театральная жизнь». № 13, 1990 год).

И он как миленький раскрылся. Страшно стало своего родного ведомства, испугался, знал о прокладках.

Оглянись на себя еще на воле и оцени свое будущее чешежопоположение в среде чучеков, прикинь шансы на «девственное»

выживание.

Людям, сохранившим человеческие задатки, приходится бояться тюрьмы. Бывшему зэку, чтобы добить остатки жизни, надо опуститься налимом в такую яму и так лечь, чтобы никого не задевать и озираться, предвидя прокладки.

Скажем, не так страшно повторно влететь, попадешь уже в строгий режим, более «правильный» — там лучше знают свое место, беспредела меньше. Плохо другое — засосет тюряга так, что там и подохнешь, уже в ментовских прокладках. Разные опер- и режимные отделы ведь для того и существуют, чтобы человека, если он еще таковым остается, стереть в порошок, загнать в чучеки. Народ в этом случае в унисон с ментами говорит, что ворота в тюрягу он какие широкие, а выход узкий. Арестовали по одной статье, а на суде уже сидишь, облепленный ими, как мухами, и жди — в зоне еще добавят. Если и выйдешь за ворота, то непременно с надзором. Ведешь себя ниже травы, тише воды, но все знают, что ты — зэк — ворюга, бандит. Как только произойдет где-нибудь воровство или убийство, так в первую очередь подумают, что это твоих рук дело. Жить в таких условиях бывает невмоготу, жаловаться и скулить начнешь, так в милицию вызовут по просьбе трудящихся, один из которых непременно настроит донос-раскрытие, коряво напишет: с нами работает бывший зэк, это его рук дело, ибо по его морде видно, что он бандюга, да еще какой!

Народ уже давно отучился воспринимать в человеке человека, а видит врага. Из своих первый враг — уже сидевший зэк. Народ бдит народными очами, народными судами, народными заседателями, народными судьями. И такой опутают тебя, сермяжного, паутиной, в сравнении с которой колючая проволока покажется кокетливой набедренной повязкой.

Выкарабкаться из зэковского сословия невозможно — став им, им же и подохнешь, безразлично где — в тюрьме или так называемой воле.

Такова зэковская судьба.